

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 24.

ДЕКАБРЬ. — КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго Университета <i>В. Надлера</i>	791—812
Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). <i>И. Норсунскаго</i>	813—834
Патріархъ Фотій (848—892 гг.). <i>И—на</i>	835—868
Гимны Пруденція въ русскомъ переводѣ (окончаніе). Профессора Московской духовной Академіи <i>Петра Цѣтнова</i>	869—876
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Метафизическій анализъ идеальнаго познанія (продолженіе). Профессора Московской духовной Академіи <i>В. Нудряцева</i>	525—543
Разборъ ученія Гартмана объ Абсолютномъ началѣ, или безсознательномъ (окончаніе). <i>Н. Глубоковскій</i>	544—580
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887—88 учебный годъ (продолженіе).—Вѣдомость церковнаго кружечнаго сбора «въ пользу нуждающихся Славянъ», полученнаго С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ въ теченіе 1887 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1888.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторія философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московскои ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν,
Върою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Декабря 31 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Издавая свой декретъ, сенатъ очень хорошо понимаетъ, что словами и бумагами, какъ бы официальные и торжественны онѣ ни были, невозможно устранить Наполеона. Императоръ оставался попрежнему страшень до тѣхъ поръ, пока армія продолжала слѣдовать за нимъ и пока онъ самъ не отказался еще отъ надежды удержать корону въ своихъ рукахъ. Необходимо было лишить Наполеона его послѣдней опоры, надо было вырвать изъ рукъ его армію. Но какъ достигнуть этой цѣли? Всѣ вѣсти, приходившія въ Парижъ изъ Фонтенебло, показывали, что тамъ господствуетъ самое рѣшительное и воинственное настроеніе, что Наполеонъ вовсе не считаетъ своего дѣла окончательно проиграннымъ, что онъ собирается идти на Парижъ и что его солдаты съ энтузіазмомъ готовы слѣдовать за нимъ. Эти слухи, въ вѣрности которыхъ сомнѣваться было невозможно, бросали въ холодный потъ сенаторовъ и сановниковъ имперіи, такъ позорно измѣнившихъ своему властелину. Они трепетали при одной мысли о появленіи Наполеона подъ стѣнами Парижа, имъ казалось, что столичная чернь возстанетъ поголовно по его призыву и устроитъ съ ними страшную, кро-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 23.

вавую расправу. Пораженные страхомъ, воспитанные на лжи наполеоновскихъ бюлетеней, глубоко увѣренные въ неизмѣримомъ превосходствѣ французскаго солдата передъ иноземцами, они вѣрили на слово всѣмъ баснямъ, распространяемымъ изъ Фонтенебло и утратили всякую способность считать и взвѣшивать дѣйствительныя обстоятельства и силы обѣихъ сторонъ. Имъ говорили, что въ распоряженіи Наполеона находится болѣе 70,000 ч. и что въ короткое время онъ можетъ увеличить свои массы до 120,000 ч., присоединивъ къ нимъ войска Сульта и Ожеро, и они вѣрили этой нелѣпости, хотя въ дѣйствительности армія Наполеона состояла въ этотъ моментъ всего лишь изъ 36,000 и ни коимъ образомъ не могла соединиться ни съ Ожеро, тѣснимымъ австрійцами, ни съ Сультомъ, преслѣдуемымъ Велингтономъ. Съ другой стороны, они знали отлично, что между Парижемъ и Фонтенебло сосредоточено 180,000 союзныхъ войскъ, но эти страшныя массы казались имъ малозначущими въ сравненіи съ военнымъ гениемъ «этого чловѣка» и бѣшеною отвагою его ветерановъ. Лишь одно обстоятельство поддерживало въ нихъ при такихъ обстоятельствахъ надежды на спасеніе. Имъ было хорошо извѣстно, что въ средѣ наполеоновскихъ маршаловъ, генераловъ и высшаго офицерства распространено сильное недовольство противъ императора, что всѣ эти люди, возвышенные и облагодѣтельствованные Наполеономъ, осыпанные почестями и богатствами, давно уже тяготятся вѣчными тяжелыми походами и убійственными войнами, что они давно уже горятъ нетерпѣніемъ насладиться въ мирѣ и покоѣ плодами своихъ подвиговъ, что не связанные съ императоромъ никакою личною связью, они готовы измѣнить ему точно также, какъ измѣнили они сами, сенаторы, бывшіе законодатели и помощники Наполеона.

Талейранъ, руководившій всѣми нитями враждебнаго Наполеону движенія, лучше кого либо другого былъ знакомъ какъ съ общимъ настроеніемъ наполеоновскихъ маршаловъ, такъ и съ характеромъ cadaго изъ нихъ. Онъ зналъ, что всѣ они, безъ исключенія, одинаково тяготятся войною, и готовы при первомъ удобномъ случаѣ оставить своего повелителя, но лишь

одного изъ нихъ онъ считалъ способнымъ къ измѣнѣ. Этотъ одинъ былъ никто иной, какъ маршалъ Мармонъ. Мармонъ не принадлежалъ къ числу выдающихся наполеоновскихъ маршаловъ, хотя императоръ осыпалъ его почестями и возвелъ въ санъ герцога Рагузскаго. Злые языки утверждали, что своимъ возвышеніемъ Мармонъ былъ обязанъ не заслугамъ, а лишь тому обстоятельству, что онъ былъ когда-то соученикомъ Наполеона въ Бриенской школѣ, а затѣмъ товарищемъ его по службѣ. Мармонъ былъ впрочемъ храбръ, разсудителенъ, довольно образованъ, хотя и далеко уступалъ въ беззавѣтной отвагѣ Нею, въ военныхъ талантахъ Сульту, въ прямотѣ и честности Ланну. Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени самолюбивый, тщеславный и большой резонеръ. Совершая нерѣдко крупныя ошибки, даже на второстепенныхъ постахъ, онъ силлся, однакоже, играть повсюду первую роль, критиковать дѣйствія другихъ и высказывать при каждомъ удобномъ случаѣ свои мнѣнія. Онъ гонялся за популярностью, любилъ вмѣшиваться въ политику и угождать общественному мнѣнію, т. е. другими словами, плыть съ господствующимъ теченіемъ. Судьба, какъ нарочно, выдвинула въ послѣднее время Мармона на самый выдающійся постъ, привела его въ непосредственное соприкосновеніе съ политикою. Храбрая оборона Парижа и почетная капитуляція, заключенная имъ съ союзниками, обратили на него всеобщее вниманіе, а теперь, когда должна была рѣшиться участь Наполеона и Франціи, онъ командовалъ передовымъ корпусомъ французской арміи и занималъ позицію на Ессонскомъ ручьѣ, какъ-разъ въ виду союзныхъ форпостовъ. Онъ прикрывалъ, слѣдовательно, главныя силы Наполеона, собравшіяся вокругъ Фонтенебло, онъ долженъ былъ идти въ авангардѣ французской арміи въ случаѣ движенія ея на Парижъ.

Талейранъ, успѣвшій узнать образъ мыслей Мармона въ ночь передъ сдачею Парижа, посовѣтовалъ князю Шварценбергу ¹⁾

¹⁾ Важнѣйшія подробности объ измѣнѣ Мармона заключаются въ его собственныхъ мемуарахъ (Т. VI, стр. 255—269), но само собою понятно, что показаніями маршала слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью. Мармонъ не только старается выставить все дѣло въ наиболѣе благопріятномъ для себя свѣтѣ, но

обратиться съ письмомъ къ маршалу и пригласить его отказаться отъ окончательно проиграннаго дѣла Наполеона. Шварценбергъ послѣдовалъ этому совѣту. Онъ препроводилъ къ маршалу декретъ сената объ изложеніи Наполеона и приглашалъ его стать подъ знамя добраго дѣла Франціи. «Прошу васъ отъ имени вашего отечества и человѣчества внять предложеніямъ, долженствующимъ положить предѣлъ кровопролитію и гибели храбрыхъ, состоящихъ подъ вашею командою», говорилъ, между прочимъ, князь въ своемъ посланіи ¹⁾. По внушенію Талейрана, письмо отправлено было къ Мармону съ его бывшимъ адъютантомъ Шарлемъ-де-Монсюи. Господинъ этотъ, находившійся когда-то въ очень близкихъ отношеніяхъ къ маршалу, давно уже покинулъ военную службу, и поселившись въ Парижѣ, занялся различными промышленными и финансовыми спекуляціями. Онъ нажилъ себѣ большое состояніе и превратился въ настоящаго буржуа. Какъ таковой, онъ проникся всецѣло либеральными убѣжденіями и принадлежалъ къ числу заклятыхъ враговъ солдатскаго императора и ярыхъ партизановъ бурбонской реставраціи ²⁾. Мармонъ принялъ стараго друга и адъютанта съ распростертыми объятіями, вступилъ съ нимъ въ долгій политическій разговоръ и въ концѣ концовъ согласился вполнѣ съ его доводами. Въ своихъ мемуарахъ, написанныхъ много времени спустя, маршалъ много говоритъ о той жестокой, внутренней борьбѣ, которая происходила въ немъ въ это время ³⁾, но не подлежитъ сомнѣнію, что борьба эта окончилась очень скоро. Монсюи прочелъ ему множество писемъ, привезенныхъ имъ изъ Парижа отъ всевозможныхъ лицъ, друзей и знакомыхъ маршала; онъ сообщилъ ему, что все парижское населеніе ликуетъ при одномъ

и съ намѣреніемъ умалчиваетъ о нѣкоторыхъ существенныхъ подробностяхъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ свидѣтельства маршала легко могутъ быть проверены и дополнены изъ другихъ современныхъ источниковъ.

1) Письмо Шварценберга, у Vaulabelle, Histoire de la restauration, T. I, стр. 325.

2) Подробности о Монсюи и его миссіи см. у самого Мармона, Memoires, T. VI, стр. 255.

3) См. Memoires de Marmont, T. VI, стр. 256—259.

имени Бурбоновъ и проклинаеть императора; онъ доказалъ ему, что общественное мнѣніе настоятельно требуетъ отъ него «великой жертвы» и Мармонъ, послѣ короткаго раздумья, рѣшился оставить «своего друга и благодѣтеля Наполеона» и выступить въ роли спасителя страны.

Но Мармонъ былъ человѣкъ осторожный. Предпринимая шагъ, во всякомъ случаѣ сомнительный, онъ поспѣшилъ заручиться прежде всего согласіемъ подчиненныхъ ему генераловъ. Онъ собралъ ихъ на совѣщаніе, сообщилъ имъ новости, полученныя имъ изъ Парижа и спрашивалъ ихъ мнѣнія. Генералы, какъ и слѣдовало ожидать, согласились съ мнѣніемъ своего начальника. Рѣшено было признать временное правительство и предоставить въ его распоряженіе шестой армейскій корпусъ. Тотчасъ же послѣ совѣта Мармонъ увѣдомилъ князя Шварценберга о своемъ рѣшеніи. «Общественное мнѣніе», писалъ онъ князю, «всегда руководило моими дѣйствіями. Такъ какъ армія и народъ освобождены рѣшеніемъ сената отъ присяги, данной ими императору Наполеону, то я съ своей стороны склоненъ содѣйствовать сближенію между населеніемъ и арміею, долженствующему предупредить всякую возможность междоусобной войны и положить предѣлъ кровопролитію»¹⁾. Результатомъ этой склонности Мармона къ сближенію явилась пресловутая его конвенція съ Шварценбергомъ, заключенная уже 4 апрѣля. Конвенція эта состояла всего лишь изъ двухъ пунктовъ. Первый пунктъ предоставлялъ войскамъ шестого корпуса право отступить свободно въ Нормандію съ оружіемъ, багажемъ и со всѣми военными почестями. Второй пунктъ былъ въ высшей степени курьезенъ. Онъ постановлялъ, что если Наполеонъ вслѣдствіе случайностей войны будетъ взятъ въ плѣнъ, то союзныя державы обязываются гарантировать ему жизнь и свободу въ мѣстности, которая опредѣлена будетъ для его жительства, по соглашенію между союзниками и французскимъ правительствомъ²⁾. Странная, можно сказать, смѣшная забот-

¹⁾ См. Vaulabelle Histoire de la restauration, T. I, стр. 325.

²⁾ «Sa vie et sa liberte lui seraient garanties dans un es pace de ferrain et

ливость! Неужели Мармонъ не зналъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло; неужели онъ могъ забыть, что во главѣ коалиціи стоялъ государь, давно уже удивлявшій весь міръ своимъ неслыханнымъ великодушіемъ? Неужели онъ могъ опасаться серьезно за жизнь и свободу Наполеона. Понятно, что всѣ эти вопросы не нуждаются въ отвѣтѣ. Очевидно, что маршалъ хотѣлъ только оправдать и вмѣстѣ съ тѣмъ выставить себя какъ рѣшителя судеб¹⁾. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ. Судьбы Франціи и Наполеона рѣшены были не имъ, а другими лицами; на него же одного выпала вся ненавистность измѣны!

Коленкуръ засталъ Наполеона въ спокойномъ и твердомъ настроеніи духа. Онъ ласково принялъ герцога и выслушалъ его рассказъ, не выражая ни однимъ словомъ, или жестомъ своего негодованія или удивленія²⁾. Онъ относился легко даже къ такимъ фактамъ, какъ къ его низложенію, провозглашенному сенатомъ; только покушенія черни на его статую вызвали съ его стороны нѣсколько горькихъ, ироническихъ замѣчаній. «Это хорошо», сказалъ онъ между прочимъ, «я получилъ то, что заслужилъ. Я не хотѣлъ статуй, ибо я зналъ, что только потомство можетъ оставить ихъ въ покоѣ³⁾. Чтобы сохранить ихъ при жизни, надо быть всегда счастливымъ. Денонъ хотѣлъ польстить мнѣ, и я имѣлъ слабость уступить ему. Но перейдемъ къ болѣе важнымъ предметамъ. Въ ва-

dans un pays circonscrit au choix des Puissances Allies et du gouvernement français», сказано въ подлинномъ текстѣ конвенціи.

¹⁾ Мармонъ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что вступивъ въ переговоры съ Шварценбергомъ, онъ написалъ письмо Наполеону, которое должно было быть отправлено императору—тотчасъ же по подписаніи конвенціи. «Въ этомъ письмѣ я извѣщалъ его, что исполнивъ долгъ требуемый отъ меня спасеніемъ отечества, я иду къ нему принести ему мою голову и посвятить ему, если онъ пожелаетъ, остатокъ моей жизни». Мармонъ не рѣшился, однако-же, отправиться къ Наполеону и не послалъ ему даже своего письма. Во всемъ этомъ виновны были, разумѣется, обстоятельства, а не самъ маршалъ. См. Мемуары, Т. VI, стр. 260.

²⁾ Вся послѣдующая бесѣда Наполеона съ Коленкурромъ, или лучше сказать весь монологъ императора, изложена нами по Тьеру. См. Тьеръ, Т. XVII, стр. 697—700.

³⁾ Наполеонъ ошибался и въ этомъ отношеніи. И потомство не оставило въ покоѣ его статуй.

шемъ разсказѣ ничто не удивляетъ меня. Талейранъ мнѣ мститъ, это очень понятно... Бурбоны отомстятъ ему за меня... Но всѣ эти люди революціи, наполняющіе сенатъ, между которыми есть и нѣсколько цареубійцъ, поступаютъ очень глупо, бросаясь въ руки иностранцевъ, которые выдадутъ ихъ Бурбонамъ. Но они напуганы, они ищутъ себѣ убѣжища, гдѣ попало. Что касается до союзныхъ государей, то они стремятся унижить Францію. Они ведутъ себя недостойно по отношенію ко мнѣ. Я могъ бы свергнуть съ престоловъ императора Франца и короля Вильгельма, я могъ бы поднять противъ императора Александра русскихъ крестьянъ ¹⁾, но я не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Я вель себя по отношенію къ нимъ, какъ государь; они ведутъ себя по отношенію ко мнѣ, какъ якобинцы. Они даютъ этимъ дурной примѣръ. Наименѣе враждебенъ изъ нихъ Александръ. Онъ отомщенъ, да къ тому-же онъ добръ, хотя и коваренъ. Австрійцы остались такими-же, какими я ихъ зналъ всегда: униженные въ несчастіи, они дерзки и безсердечны въ счастіи. Они навязали мнѣ почти что силою свою эрцгерцогиню, а теперь даютъ видъ, какъ будто она чужая для нихъ. Шварценбергъ всецѣло преданъ эмигрантамъ, Меттернихъ англичанамъ. Мой тестъ даетъ имъ волю. Посмотримъ, дозволить ли онъ имъ дойти до послѣднихъ предѣловъ. Императрица надѣется, что этого не случится. Что касается до англичанъ и пруссаковъ, то они хотятъ униженія Франціи. Но вѣдь еще не все кончено! Меня хотятъ устранить, ибо понимаютъ, что я одинъ могу повернуть колесо фортуны. Вѣрите мнѣ, я не дорожу трономъ! ²⁾ Рожденный солдатомъ, я могу превратиться въ простаго гражданина. Вы знаете мои привычки: что мнѣ нужно? Не много хлѣба, пока я живу; шесть футовъ земли, когда я умру. Правда, я любилъ и люблю славу... Но моя слава обезпечена отъ всякихъ человѣческихъ посягательствъ. Если я хочу командовать еще нѣсколько дней,

1) Наполеонъ не возмутилъ русскихъ крестьянъ не потому, что не хотѣлъ этого, а потому, что не могъ.

2) Какъ Наполеонъ дорожилъ трономъ, это онъ доказалъ всему свѣту спустя годъ.

то лишь для того, чтобы поднять наше оружіе и вырвать Францію изъ рукъ ея беспощадныхъ враговъ. Вы хорошо сдѣлали, что не подписали ничего. Я не могъ бы утвердить условій, предложенныхъ вамъ. Бурбоны могутъ принять ихъ съ честью; имъ предлагаютъ ту самую Францію, которую создали они. Я не могу принять ихъ. Мы солдаты, Коленкуръ! Развѣ намъ трудно умереть, да еще за такое дѣло! Къ тому же, не думайте, чтобы счастье окончательно отвернулось отъ насъ. Если бы у меня была вся моя армія, то я давно бы атаковалъ, и все было бы кончено въ теченіи двухъ часовъ, ибо непріятель занимаетъ такую позицію, въ которой онъ можетъ потерять все. Какая слава для насъ, если мы выгонимъ ихъ! Какая слава для парижанъ, если они выбросятъ этихъ казаковъ и отдадутъ ихъ на убой бургонскимъ и лотарингскимъ мужикамъ. Погодите, дайте срокъ! Послѣ завтра у меня будутъ корпуса Макдональда, Удино, Жерара; пусть только все послѣдуетъ за мною и я измѣню разомъ положеніе вещей. Вожди арміи утомлены, но масса пойдетъ за мною. Мои старые усачи, гвардейцы подадутъ примѣръ и послѣдній солдатъ послѣдуетъ за нимъ. Все можетъ переимѣниться въ нѣсколько часовъ, дорогой мой Коленкуръ! Какое удовлетвореніе! какая слава!

Молча, пораженный изумленіемъ, слушалъ Коленкуръ эти странныя рѣчи. Онъ видѣлъ въ какомъ возбужденномъ состояніи находился императоръ и понималъ бесполезность какихъ бы то ни было возраженій. Окончивъ свою рѣчь, Наполеонъ пожелалъ Коленкуру доброй ночи и удалился въ свои покои.

Весь слѣдующій день, 3 апрѣля, прошелъ для Наполеона въ напряженной, лихорадочной дѣятельности. Онъ то погружался въ глубокое раздумье и сидѣлъ надъ своими плащами и картами; то быстро спускался во дворъ, осматривалъ войска и обращался съ пламенными рѣчами къ своимъ солдатамъ. И солдаты не обманули его ожиданій. Измученные послѣдними небывалыми событіями, они приходили въ восторгъ, завидѣвъ своего обожаемаго вождя. При его видѣ, при его словахъ, они забывали всѣ неудачи, лишенія и страданія этой страшной кампаніи. Онъ говорилъ имъ, что чужеземцы хит-

ростью и измѣною завладѣли Парижемъ, и они вѣрили ему на слово. Онъ объявилъ, что онъ поведетъ ихъ на Парижъ, онъ обѣщаль имъ месть и славу, и они кричали ему какъ безумные: «Да здравствуетъ императоръ!» Съ такимъ же энтузіазмомъ относились къ его словамъ и офицеры, но совершенно иное настроеніе господствовало въ средѣ генералитета, въ средѣ этого блестящаго сонма князей, герцоговъ, маршаловъ, выведенныхъ Наполеономъ изъ ничтожества, осыпанныхъ милліонами, взятыми изъ добычи, собранной со всей Европы. Эти лица лучше солдатъ понимали положеніе дѣлъ. Они не сомнѣвались въ совершенной безнадежности дальнѣйшей борьбы, и не чувствовали ни малѣйшаго желанія раздѣлять участь Наполеона. Они знали, что оставаясь при Наполеонѣ, они неизбежно потеряютъ все, но что оставивъ его, они могутъ сохранить и свое положеніе, и свои богатства, и свою карьеру¹⁾.

Вѣсти изъ Парижа произвели въ средѣ этихъ господъ сильнѣйшее волненіе. Они начали совѣщаться, передавать другъ другу свои опасенія и надежды. Ни одинъ изъ нихъ не касался внутренней, нравственной стороны вопроса; вопросъ обсуждался исключительно съ точки зрѣнія личнаго удобства и личныхъ выгодъ. Общественное мнѣніе, общественное благо, спасеніе отечества, служили прекраснымъ покровомъ для эгоизма. Маршалы заручились согласіемъ остальныхъ генераловъ, они посвятили въ свое намѣреніе многихъ адъютантовъ и штабъ-офицеровъ и составили, такимъ образомъ, настоящій заговоръ противъ императора. Положено было открыто отказаться отъ дальнѣйшаго повиновенія Наполеону и потребовать его отреченія отъ престола въ пользу короля Римскаго.

1) Тьеръ утверждаетъ, что послѣдніе отчаянные планы Наполеона имѣли шансы на успѣхъ; онъ обвиняетъ маршаловъ Наполеона не только въ вѣроломствѣ и измѣнѣ, но и въ отсутствіи патриотизма и въ невѣрномъ пониманіи положенія дѣлъ. Такая аргументація почтеннаго историка построена, однако-же, на совершенно ложномъ основаніи. У Наполеона вовсе не было тѣхъ 70,000 войска, о которыхъ говоритъ Тьеръ, а всего лишь 36,000.

Мыслили-ли была для него борьба съ 200,000 арміею союзниковъ? Понятно, что нѣтъ!

Инициатива должна была исходить отъ маршаловъ; остальные же должны были поддержать ихъ требованіе, не останавливаясь въ случаѣ необходимости даже передъ насиліемъ.

Между тѣмъ наступательные планы Наполеона созрѣли окончательно. Утромъ 4 апрѣля, онъ объявилъ Коленкуру, что время дѣйствовать наступило. «Завтра», сказалъ онъ, «должны прибыть корпуса Макдональда, Удино, Жерара; я дамъ имъ одинъ день роздыха, а затѣмъ 6 числа двину ихъ впередъ. Въ моемъ распоряженіи будетъ 70,000 ч. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы вся гвардія выступила изъ Фонтенебло и расположилась у Ессонны, позади корпуса Мармона. Онъ хотѣлъ напутствовать гвардейцевъ одною изъ тѣхъ рѣчей, которыя производили всегда такое магическое дѣйствіе на солдатъ. Передъ выступленіемъ въ походъ весь гвардейскій корпусъ былъ собранъ на обширной площади передъ дворцомъ и построены тамъ въ густыхъ колоннахъ. Наполеонъ вышелъ къ войскамъ въ сопровожденіи маршаловъ, генераловъ и адъютантовъ. Онъ приказалъ вызвать изъ всѣхъ полковъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и нѣскольکو рядовыхъ и окруживъ ими себя, обратился къ нимъ съ такими словами: «Солдаты! непріятель, опередивъ насъ на три перехода, завладѣлъ Парижемъ. Мы должны выгнать его отсюда. Недостойные французы, эмигранты, пощажены нами, соединились съ иностранцами и водрузили бѣлое знамя. Малодушные! они будутъ наказаны за это новое преступленіе. Поклянемся побѣдить или умереть и заставимъ уважать трехцвѣтную кокарду, уже двадцать лѣтъ носимую нами на щипцѣ чести и славы. Отомстимъ обиду, нанесенную отечеству и нашему оружію!»¹⁾

Громкіе, восторженные крики покрыли послѣднія слова Наполеона. «Клянемся! Да здравствуетъ императоръ!» кричали гвардейцы, объятые воинственнымъ энтузіазмомъ. Вслѣдъ затѣмъ гвардія выступила изъ воротъ замка и двинулась по направленію къ Ессонѣ. Наполеонъ, видимо довольный результатами своей рѣчи, быстро поднялся по дворцовой лѣстницѣ,

¹⁾ См. Koch, Т. II, 566—571. Тьеръ, Т. XVII, 702—703.

не удостоивая ни однимъ взглядомъ блестящую, двигавшуюся за нимъ толпу ¹⁾. Глубокое молчаніе царствовало въ этой толпѣ; энтузіазмъ, пылавшій въ средѣ простыхъ солдатъ, былъ видимо чуждъ ея. Мрачное недовольство, страхъ и озлобленіе выражались на всѣхъ лицахъ, но Наполеонъ, привыкшій игнорировать мнѣнія и настроенія своихъ окружающихъ, давалъ видъ, какъ будто онъ не замѣчаетъ ничего. Скорыми шагами прошелъ онъ въ свой кабинетъ, сопровождаемый лишь тремя лицами: Бертье, Коленкуромъ и Маре. Толпа военныхъ наполнила всѣ смежные залы. Прошло нѣсколько минутъ въ совѣщаніяхъ между маршалами и ихъ ближайшими сообщниками. Наконецъ, вожаки движенія порѣшили, что минута дѣйствовать наступила. Маршалы: Лефевръ, Удино, Ней, Макдональдъ, приказавъ доложить о себѣ, вошли въ кабинетъ. При видѣ грознаго властелина, они вдругъ забыли заученную ими роль. Ни одинъ не рѣшался открыть рта; всѣ молчали, потупивъ глаза въ землю. Наполеонъ съ своей стороны какъ будто не замѣчалъ маршаловъ. Всецѣло объятый впечатлѣніемъ только что пережитой имъ сцены, занятый своими думами, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ онъ остановился передъ вошедшими маршалами.

«Что новаго изъ Парижа?» сказалъ онъ, смотря имъ прямо въ глаза.

¹⁾ Вся послѣдующая сцена между Наполеономъ и маршалами изложена нами по Тьеру. Знаменитый историкъ пользовался въ этомъ отдѣлѣ своего труда богатимъ и, по видимому, вполне достовѣрнымъ матеріаломъ. Между прочимъ въ его распоряженіи были рукописные мемуары двухъ въ высшей степени почтенныхъ свидѣтелей этой сцены и нѣсколько устныхъ разсказовъ очевидцевъ, заслуживающихъ полнаго вѣроятія. Изъ всего этого матеріала Тьеръ вынесъ убѣжденіе, что разсказы о насиліяхъ, къ которымъ прибѣгли тогда маршалы, крайне недостовѣрны и во всякомъ случаѣ преувеличены. Тьеръ не отрицаетъ, что противъ Наполеона образовался настоящій заговоръ, и что нѣкоторые изъ заговорщиковъ готовы были на все, не исключая даже посягательства на самую жизнь Наполеона, но что на дѣлѣ все ограничилось однимъ разговоромъ. Впослѣдствіе нѣкоторые изъ участниковъ этого событія, желая выслужиться передъ новымъ правительствомъ, приписали себѣ такіе поступки, которые никогда не были совершены ими въ дѣйствительности. «Они выставили себя болѣе виновными противъ Наполеона, нежели они были на дѣлѣ, и уже годъ спустя имъ пришлось горько раскаиваться за свои выдумки». Тьеръ, Т. XVII, стр. 709.

«Новостей много, государь», отвѣчалъ одинъ изъ маршаловъ, «и одна изъ нихъ печальнѣе другой».

«Знаю», возразилъ Наполеонъ. «Ну, а что вы думаете обо всемъ этомъ?»

«Печальнѣе всего», отвѣчалъ одинъ изъ маршаловъ, «что не видно даже конца этого печальнаго положенія».

«Конца?» прервалъ Наполеонъ съ живостью. «Солдаты знаютъ и видятъ этотъ конецъ. Они знаютъ, что надо или умереть, или вырвать Францію изъ рукъ иноземцевъ. Постѣдуюмъ за ними. Союзники стоятъ по обѣимъ берегамъ Сены, мы владѣемъ всѣми мостами, успѣхъ нашъ несомнѣненъ. Парижское населеніе подыметъ за насъ. Мы выведемъ ихъ изъ города. Пусть они попытаются возвратиться. Я не боюсь. Черезъ нѣсколько дней наши силы удвоятся. Евгеній ведетъ къ намъ изъ Италіи 36000 ч., Ожеро приведетъ намъ 30,000, Сюше 20,000, Сультъ 40,000. У меня здѣсь 70,000 ч. Съ такими массами я брошу въ Рейнъ все, что выйдетъ изъ Парижа и что попытается возвратиться туда. Мы спасемъ Францію, мы отомстимъ за честь нашу и тогда я заключу умѣренный миръ. Еще одно послѣднее усиліе и для васъ настанетъ время отдыха послѣ двадцати пятилѣтнихъ трудовъ!»¹⁾

Маршалы не отважились указать Наполеону на преувеличенія и ложь, лежавшія въ основѣ его плана. Они предпочли возражать на иной почвѣ. «Сраженіе, которое намѣревается дать Наполеонъ», замѣтили они, «быть можетъ, окончится побѣдоносно, но оно обречетъ на гибель Парижъ и его миллионное населеніе. Послѣдній отчаянный бой будетъ происходить на улицахъ столицы Франціи. Мыслимо-ли приносить въ жертву Парижъ, наполненный беззащитнымъ населеніемъ, подобно тому какъ принесена была въ жертву Москва, покинутая своими обитателями».

¹⁾ Приведа эту странную рѣчь Наполеона, Тьеръ замѣчаетъ: «Какъ не убѣдительно были эти доводы, но они не пришлись по вкусу присутствующихъ». Замѣчательное ослѣпленіе почтеннаго историка. Неужели онъ могъ считать серьезными бравады Наполеона и вѣрить приводимымъ имъ цифрамъ; неужели ему, изучившему всѣ подробности этой эпохи, могло показаться, хотя на минуту, что въ рѣчи императора было что нибудь иное, кромѣ хвастовства и много обольщенія.

При этихъ словахъ Наполеонъ вспыхнулъ. «Говорятъ, что я хочу отомстить парижанамъ за ихъ измѣну. Это ложь. Я вовсе не намѣренъ искать поля битвы въ Парижѣ. Я дамъ сраженіе тамъ, гдѣ назначитъ это Провидѣніе! Но не въ этомъ дѣло. Я вижу господа, что вы предпочитаете жить подъ властью Бурбоновъ; не такъ ли?» спросилъ Наполеонъ, обращаясь по очереди къ Лефевру, Нею и Удино. Маршалы отвѣчали съ живостью, что ихъ желанія далеки отъ этого ¹⁾.

«Мы желаемъ лишь одного государя, короля Римскаго», добавилъ Нею.

«Такъ значить дѣло идетъ о моемъ отреченіи», сказалъ Наполеонъ. Но неужели вы полагаете, что покидая престоль, я гарантирую вамъ возможность жить спокойно подъ скипетромъ моего сына. Моя жена, мой сынъ не продержатся и часу. Затѣмъ настанетъ анархія, а черезъ пятнадцать дней будутъ Бурбоны. Къ тому-же есть фамилыныя тайны, разоблачать которыя я не могу ²⁾. Регентство моей жены невозможно».

Сказавъ эти слова, Наполеонъ случайно взглянулъ на Макдональда и замѣтилъ въ его рукахъ письмо. «Что что такое?» спросилъ Наполеонъ— «письмо отъ Бернонвиля, государь», отвѣчалъ Макдональдъ, «оно содержитъ въ себѣ крайне печальныя новости. Я не скрываю отъ васъ ничего.—Угодно вамъ, прочитатъ?» «Не для меня одного, а для всѣхъ назначается это письмо», сказалъ Наполеонъ. «Пусть читаютъ его въ слухъ». Онъ кивнулъ Маре и покорный министръ, взявъ письмо изъ рукъ маршала, началъ громко читать его. Письмо заключало въ себѣ открытое воззваніе къ измѣнѣ, оно написано было въ рѣзкомъ задорномъ тонѣ. Бернонвиль заклиналъ Макдональда

¹⁾ «При этихъ словахъ они разразились громкими восклицаніями. Лефевръ съ жесткостью стараго якобинца отвѣчалъ, что онъ не желаетъ Бурбоновъ и онъ былъ искрененъ въ своихъ словахъ. Нею съ неслыханною горячностью заявлялъ, что ни онъ, ни его дѣти никогда не будутъ пользоваться при Бурбонахъ ни счастьемъ, ни даже безопасностью, и что единственный государь, желательный для нихъ, это король Римскій. Тьеръ, Т. XVII, стр. 707.

²⁾ Тьеръ, передающій эти слова императора, не нашелъ съ своей стороны возможнымъ объяснить, въ чемъ заключались эти тайны; онъ указываетъ лишь на слабость Маріи-Луизы, обстоятельство, извѣстное очень многимъ.

во имя дружбы, во имя его семейства, обреченнаго погибнуть вмѣстѣ съ другими въ пламени столицы, покинуть тирана, превратившагося въ настоящее время въ бунтовщика и перейти къ законному правительству Бурбоновъ, возвращающихся во Францію съ миромъ въ одной рукѣ, съ свободою въ другой ¹⁾).

Спокойно выслушалъ Наполеонъ это письмо. «Бернонвиль и ему подобныя», сказалъ онъ, «не что иное какъ интриганы. Соединившись съ иноземцами, они пытаются произвести контрреволюцію. Они ослабятъ и разорятъ Францію. А Бурбоны, развѣ они могутъ умиротворить страну? они приведутъ все лишь въ окончательное разстройство».

«Быть можетъ государь», возразилъ Макдональдъ. «Но сражаясь на развалинахъ Парижа, мы будемъ сражаться и на трупахъ нашихъ дѣтей. Къ тому же я не увѣренъ, что мои солдаты послѣдуютъ за мною».

«Да», подхватилъ Ней, «солдаты не пойдутъ за нами».

«Если солдаты не пойдутъ за вами, то они пойдутъ за мною. Довольно одного моего слова и я поведу ихъ куда хочу», воскликнулъ Наполеонъ.

«Нѣтъ, государь», отвѣчалъ Ней съ возрастающею смѣлостью. «Теперь уже поздно думать о битвахъ, теперь надо подумать объ иныхъ средствахъ».

«А какія это средства?» спросилъ Наполеонъ.

«Ваше отреченіе, государь! лишь оно одно можетъ спасти насъ» ²⁾).

Наполеонъ стоялъ, пораженный какъ громомъ. Всѣ ожидали страшнаго припадка ярости, но императоръ съумѣлъ овладѣть собою въ эту тяжелѣйшую минуту своей жизни. Помолчавъ съ минуту, онъ обратился къ маршаламъ въ повелительномъ тонѣ: «Удадитесь господа! мнѣ нужно подумать. Я сообщу вамъ мое рѣшеніе». Маршалы не отважились слушаться; молча, вышли они изъ кабинета.

¹⁾ Бернонвиль сообщалъ кромѣ того маршалу декретъ сената о низложеніи Наполеона и извѣстную уже намъ декларацію союзниковъ отъ 1 апрѣля, см. Онкенъ, Das Zeitalter der Revolution etc. Т. II, стр. 805.

²⁾ Эти рѣшительныя слова произнесены были, по показанію нѣкоторыхъ очевидцевъ, Неємъ. Тьеръ умалчиваетъ о нихъ совершенно. См. Онкенъ, Т. II, стр. 806.

Оставшись наединѣ съ Коленкуромъ, Бертье и Маре. Наполеонъ долго и спокойно обсуждалъ свое положеніе и терпѣливо выслушивалъ замѣчанія своихъ собесѣдниковъ. Ему не трудно было убѣдиться, что и эти вѣрнѣйшіе изъ вѣрныхъ раздѣляютъ въ душѣ мнѣніе непокорныхъ маршаловъ о бесполезности и невозможности всякой дальнѣйшей борьбы. Коленкуръ замѣтилъ ему между прочимъ, что идея отреченія въ пользу короля Римскаго сильно распространена въ рядахъ арміи и что Наполеону не слѣдовало бы отвергать безусловно эту комбинацію.

«Хорошо», сказалъ наконецъ императоръ, видимо подавленный судьбою, но все еще не отказавшійся отъ своихъ обманчивыхъ надеждъ, «я вижу, что эта идея господствуетъ въ настоящій моментъ. Я готовъ дать удовлетвореніе этимъ трусамъ. Отправляйтесь въ Парижъ и ведите переговоры на этомъ основаніи. Захватите съ собою маршаловъ, наиболѣе заинтересованныхъ этимъ проектомъ. Вы избавите меня отъ ихъ присутствія и это будетъ для меня не малая выгода. Я найду къ вамъ замѣнить ихъ здѣсь, а пока вы будете занимать союзниковъ этимъ новымъ предложеніемъ, я двинусь впередъ и покончу все съ мечемъ въ рукахъ».

Коленкуръ замѣтилъ, что лучше и удобнѣе всего ему было бы взять съ собою маршала Бертье и Маре, какъ лицъ, наиболѣе близкихъ къ Наполеону и способныхъ къ подобной миссіи, но Наполеонъ не хотѣлъ и слышать о такомъ выборѣ ¹⁾.

«Возьмите съ собою Нея», повторилъ онъ настойчиво, «и избавьте меня отъ него. Но смотрите за нимъ, вѣдь это ребенокъ. Если онъ попадетъ въ руки Талейрана или Александра — все погибнетъ. Можете взять и Мармона. Онъ преданъ мнѣ и будетъ отстаивать права моего сына». — «Нѣтъ, не берите Мармона», добавилъ онъ затѣмъ, подумавъ съ минуту. «онъ слишкомъ нуженъ на Эссонѣ. Возьмите лучше Макдональ-

¹⁾ «Бертье», замѣтилъ онъ, «нуженъ ему для распоряженій по арміи. Что же касается до Маре, то хотя онъ и совершенно неповиненъ въ послѣднихъ войнахъ, однако же онъ отвѣтственъ за нихъ въ глазахъ публики и государей». Тьеръ, Т. XVIII стр. 712. Изъ этихъ словъ видно, что Наполеонъ самъ сознавалъ всю преступность своихъ послѣднихъ войнъ.

да. Я довѣряю ему, онъ честенъ и прямъ». Наполеонъ остановился окончательно на этомъ выборѣ и приказалъ позвать маршаловъ.

«Я обдумалъ», сказалъ онъ имъ торжественно, «наше положеніе, высказанныя вами мнѣнія и рѣшаюсь испытать искренность союзныхъ государей. Они объявляютъ, что я одинъ являюсь препятствіемъ для мира и счастья вселенной. Хорошо, я готовъ принести себя въ жертву, я готовъ оставить престоль, но подъ условіемъ перехода его къ моему сыну, за малолѣтствомъ котораго должна будетъ управлять императрица. Довольны-ли вы этимъ предложеніемъ?» Маршалы, видимо не ожидавшіе ничего подобнаго, пришли чуть не въ восторгъ. Они спѣшили выразить свою признательность, свое удивленіе. Они восклицали, что Наполеонъ никогда не былъ такъ великъ, какъ въ этотъ моментъ своей жизни. Спокойно, не шевеля ни однимъ мускуломъ, принялъ императоръ эти оваціи. Глубокое презрѣніе наполняло его душу, но онъ продолжалъ владѣть собою. «Я уступаю вашимъ желаніямъ», сказалъ онъ, когда все стихло, «но помните, что вы обязаны защищать права моего сына, какъ ваши собственные, и защищать ихъ не только мечемъ, но и вашимъ нравственнымъ авторитетомъ».

Наполеонъ объявилъ вслѣдъ за тѣмъ, что онъ назначаетъ своими уполномоченными для переговоровъ съ союзными государями: Коленкура, Нея и Макдональда. «Я былъ предубѣжденъ противъ васъ, маршалъ», сказалъ онъ, обращаясь къ этому послѣднему, «но вы знаете, что теперь все это конечно. Я знаю вашу честность; я убѣжденъ, что вы явитесь самымъ солиднымъ защитникомъ интересовъ моего сына». Онъ подалъ руку маршалу и Макдональдъ, видимо тронутый, обѣщавъ ему оправдать его довѣріе.

«Если найдете необходимымъ», продолжалъ Наполеонъ, обращаясь ко всѣмъ уполномоченнымъ, «то проѣзжая черезъ Ессону, возьмите съ собою Мармона. Въ такомъ случаѣ я назначу когонибудь другаго на его постъ. А теперь послушайте эту бумагу».

Наполеонъ прочелъ актъ своего отреченія; онъ былъ соста-

вленъ въ такихъ выраженіяхъ: «союзныя державы объявили, что императоръ Наполеонъ составляетъ единственное препятствіе къ возстановленію мира въ Европѣ. Императоръ Наполеонъ, исполняя данный имъ обѣтъ, объявляетъ, что онъ готовъ низойти съ престола, удалиться изъ Франціи и даже пожертвовать жизнью для блага отечества, тѣсно связаннаго съ правами его сына и регентства императрицы и постановленіями имперіи».

Прочитавъ актъ отреченія, Наполеонъ обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ: «одобряютъ-ли они его редакцію?» Никто не противорѣчилъ. Наполеонъ взялъ перо, чтобы подписать бумагу, но въ этотъ моментъ на него напало еще разъ раздумье ¹⁾. Правда, онъ вовсе не придавалъ этому акту серьезнаго значенія и смотрѣлъ на него лишь какъ на средство выиграть время и обмануть враговъ, но все же ему стало жутко, когда онъ собирался снабдить его своею подписью. Въ глубинѣ души его зашевелилась мысль, что все кончено для него и онъ готовится самъ подписать свой смертный приговоръ. Наполеонъ взглянулъ на маршаловъ, стоявшихъ вокругъ него съ поникшими головами; онъ видимо ожидалъ, что они не допустятъ его до этого самоубійства, что они вырвутъ перо изъ его рукъ въ послѣднюю минуту. Но все было нѣмо и неподвижно вокругъ него. Озлобленіе, досада омрачили лицо императора. «Вѣдь мы могли бы побить ихъ, если-бы только захотѣли!» воскликнулъ онъ съ горечью. Но никто не отозвался на этотъ возгласъ; только головы маршаловъ склонились еще ниже; никто изъ нихъ не рѣшился взглянуть прямо въ глаза своему властелину. Наполеонъ подписалъ бумагу и вручилъ ее Коленкуру. Уполномоченные раскланялись. Императоръ остался одинъ, всецѣло занятый своими воинственными замыслами.

¹⁾ «Avant d'y apposer son nom, sentant la gravite de cette demarche malgre les projets secrets qu'il nourissait il fut saisi d'un regret dou lou reux, non pour ce trone, mais pour les chances auxquelles on allait pentetre renoncer, et songeant encore à la position si imprudente prise par les allies, il s'ecria...». Мы полагаемъ, что въ эту минуту Наполеонъ сожалѣлъ именно о своемъ тронѣ, а вовсе не о тѣхъ мнимыхъ шансахъ на побѣду, которымъ не могъ придавать серьезнаго значенія онъ самъ. См. Тьеръ, Т. XVII, стр. 715.

Истый сангвиникъ, онъ не терялъ надежды до послѣдней минуты. Оставленный всѣми, окруженный измѣнниками, онъ воображалъ себя попрежнему властелиномъ. Грубый реалістъ, не допускавшій въ людяхъ иныхъ мотивовъ дѣйствія кромѣ эгоизма, онъ вдругъ началъ требовать и ожидать благодарности и безусловной преданности отъ тѣхъ лицъ, въ которыхъ онъ самъ подавлялъ систематически все идеальное и человѣчное. Измѣнническій поступокъ маршаловъ взволновалъ до глубины души человѣка, всю жизнь свою игравшаго клятвами и обѣщаніями, человѣка, занятавшаго себя на высотѣ трона неслыханнымъ Байонскимъ вѣроломствомъ. Онъ не могъ видѣть этихъ презрѣнныхъ людей, которыхъ еще такъ недавно онъ считалъ своими вѣрнѣйшими слугами; онъ былъ доволенъ, что Коленкуръ убралъ съ его глазъ этого наглеца Нея. Онъ готовилъ въ душѣ примѣрное наказаніе всѣмъ этимъ негодяямъ; но онъ продолжалъ еще вѣрить тѣмъ изъ нихъ, которые не принимали участія въ только что закончившейся возмутительной сценѣ. Онъ не подозрѣвалъ, что духъ крамолы овладѣлъ всѣми его приверженцами; онъ не предчувствовалъ какой страшный ударъ готовъ былъ обрушиться на него.

Было уже далеко за полночь, когда Наполеону доложили о пріѣздѣ полковника Гурго изъ Ессонъ. Онъ требовалъ немедленной аудіенціи, ссылаясь на чрезвычайно важныя извѣстія, привезенныя имъ. Наполеонъ тотчасъ-же принялъ его. Гурго сообщилъ ему, что герцогъ Рагузскій оставилъ свой постъ, что онъ уѣхалъ въ Парижъ, что онъ заключилъ договоръ съ непріятелемъ. Наполеонъ былъ такъ ошеломленъ этою вѣстью, что не хотѣлъ вѣрить ей. «А войска герцога?» спросилъ онъ съ недоумѣніемъ полковника, «гдѣ они?» «Войска шестого корпуса», отвѣчалъ Гурго, «снялись незвѣстно, по чьему приказу съ своихъ позицій; въ эти минуты они проходятъ черезъ русскія линіи. Фонтенеблю открыто теперь непріятелю». Наполеонъ продолжалъ еще спрашивать, но вскорѣ онъ убѣдился въ несомнѣнности донесенія Гурго. Его отчаяніе не знало границъ. Какъ беспомощный опустился онъ на кресло. Взоръ его сдѣлался неподвиженъ, онъ впалъ въ глубокое, продолжительное молчаніе. Лишь по временамъ изъ

груди его вырывались стоны и отрывочныя фразы. «Неблагодарный!» повторялъ онъ почти шопотомъ. «Его участь будетъ печальнѣе моей» ¹⁾.

Уполномоченные Наполеона, выѣхавъ изъ Фонтенебло, направились въ Ессону. Отсюда намѣревались они испросить у князя Шварценберга дозволенія на проѣздъ черезъ союзныя линіи. По приѣздѣ въ Ессону маршалы отправились тотчасъ же къ Мармону, сообщили о всемъ случившемся въ Фонтенебло и предложили ему ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Парижъ и принять участіе въ переговорахъ. Появленіе маршаловъ и ихъ сообщенія повергли Мармона въ страшное смущеніе. Первые минуты онъ не въ состояніи былъ рассказать товарищамъ о своемъ поступкѣ. Онъ началъ вліять, отказываться подъ разными предлогами отъ поѣздки въ Парижъ, но подъ конецъ сознался во всемъ ²⁾. Маршалы не имѣли ни осно-

1) О впечатлѣніи, произведенномъ на Наполеона измѣною Мармона, см. Faïn, Manuscrit de Mil Huit cent quatorze, стр. 237. Тамъ-же помѣщенъ приказъ Наполеона по арміи отъ 5-го апрѣля. Въ немъ императоръ высказываетъ свое негодованіе по поводу поступковъ герцога Рагузскаго и сената. Въ заключеніе онъ говоритъ: *Il te nait sa dignite de Dieu et de la nation; eux seuls pouarient l'en priver; il l'a to ujours considerée comme un fardeau, et lorsqu'il accepta, ce fut dans la conviction que lui seul était à meme de la porter dignement. Le bonheur de la France paraissait, etre dans la destinée, de l'empereur; aujourd'hui que la fortune s'est decidée contre lui, la volonté de la nation seule pourrait le persuader de rester plus longtemps sur le trone s'il se doit consider comme le seul obstacle à la paix il fait volontiers le dernier sacrifice à la France. Il en consequence envoyè le prince de la Moscowa et les ducs de Virence et de Tarente à Paris pour entamer la negociation. L'armée peut etre certaine, que l'honneur de l'empereur ne jera jamais en contradiction avec le bonheur de la France».*

2) Такъ оказывается изъ свидѣтельствъ Макдональда и Коленкура (см. Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire T. 17, стр. 720—721); что-же касается до самого Мармона, то онъ, разумѣется, постарался представить въ своихъ мемуарахъ все дѣло въ иномъ, болѣе выгодномъ для себя свѣтѣ: «*Cet evenement, говоритъ онъ, т. е. отреченіе Наполеона, changeait la face des choses. Isolé à Essone, je n'avais pu consulter, sur le cas present, les autres chefs de l'armee. J'avais au salut de la patrie le sacrifice de mes affections; mais un sacrifice plus grand que le mien, celui de Napoleon, venait de le sanctionner. De lors mon but était rempli, et je devais cesser de m'immoler. Mes devoirs me commandaient impérieusement de me reunir à mes camerades. Je serais de venu coupable en continuant à agir seul. En consequence, j'appris aux plénipotentiaires de l'Empereur mes pour palers avec Schwarzenberg, en ajoutant que je rompais à l'instant toute négociation personnelle et que je ne me séparerai ja mais d'eux. Мемуары Мармона, Т. 6, стр. 261.*

ванія, ни права особенно порицать поступокъ Мармона, уже потому, что и ихъ собственный образъ дѣйствія вытекалъ изъ того-же самого источника. Одинъ только Макдональдъ отважился указать Мармону на всю неблаговидность его поступка, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ ему и средство загладить свою ошибку. Онъ совѣтовалъ Мармону немедленно отпра-виться къ князю Шварценбергу, сообщить ему объ условномъ отреченіи Наполеона и просить фельдмаршала освободить его отъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ въ виду совершенно измѣнившихся обстоятельствъ. «Князь навѣрное уважитъ вашу просьбу», добавилъ Макдональдъ. «Онъ развяжетъ вамъ руки, и вы получите тогда возможность принять участіе въ нашей миссіи. Но уѣзжая отсюда, вы должны принять мѣры, чтобы не случилось чего нибудь въ ваше отсутствіе, чтобы ваши войска отнюдь не покидали занимаемыхъ ими позицій».

Мармонъ обѣщался послѣдовать данному ему совѣту. Немедленно созвалъ онъ своихъ генераловъ, сообщилъ имъ о всемъ случившемся и строго предписалъ имъ не предпринимать ни малѣйшаго движенія впередъ до возвращенія его изъ Парижа. Спустя немного времени пришло разрѣшеніе отъ Шварценберга на проѣздъ черезъ форпосты, и маршалы тронулись въ путь. Въ Птибурѣ, гдѣ находилась главная квартира союзниковъ, Шварценбергъ принялъ уполномоченныхъ съ свойственною ему любезностью; но когда Коленкуръ попытался завести политическій разговоръ, то князь отвѣчалъ ему уклончиво и далъ понять, что рѣшеніе вопроса зависитъ исключительно отъ союзныхъ государей. Коленкуръ и остальные уполномоченные успѣшили раскланяться, но Мармонъ остался, объявляя, что онъ долженъ переговорить съ глазу на глазъ съ фельдмаршаломъ. Разговоръ этотъ длился, впрочемъ, очень не долго. Уже на пути герцогъ Рагузскій нагналъ своихъ товарищей. Онъ былъ въ веселомъ настроеніи духа. «Я не ошибся въ прямиотѣ князя», объявилъ онъ. «Теперь все улажено, я свободенъ отъ моихъ обязательствъ». На дѣлѣ было не совсѣмъ такъ. Что обѣщали союзный главнокомандующій Мармону на словахъ, мы не знаемъ, но въ дѣйствительности, онъ вовсе не думалъ освободить маршала отъ принятыхъ имъ обяза-

тельство. Уже на другой день текстъ конвенціи былъ напечатанъ въ парижскихъ журналахъ. Имя Мармона было скомпрометировано окончательно и безповоротно ¹⁾.

По приѣздѣ въ Парижъ уполномоченнымъ не пришлось долго ожидать аудіенціи: уже черезъ нѣсколько часовъ они были приняты императоромъ Александромъ. На аудіенціи, съ разрѣшенія государя, присутствовали генераль Дессоль, человекъ уважаемый всѣми, сторонникъ Бурбоновъ, по убѣжденію, а не изъ личныхъ расчетовъ, подобно другимъ. Онъ явился въ качествѣ представителя временнаго правительства, какъ увѣряютъ по настоянію Талейрана, смотрѣвшаго не безъ тревоги на эти переговоры. Александръ согласился на его присутствіе уже потому, что желалъ дать обѣимъ партіямъ полную возможность отстаивать свои мнѣнія ²⁾.

Государь принялъ маршаловъ съ изысканною любезностью. Онъ осыпалъ ихъ похвалами за ихъ подвиги въ истекшую кампанію, онъ воздалъ должную дань ихъ героической преданности своему знамени и добавилъ затѣмъ, что теперь наступило для нихъ время выбирать между однимъ человекомъ и страной и не жертвовать далѣе интересами отечества въ пользу одного честолюбца. Затѣмъ государь распространился о своихъ отношеніяхъ къ Наполеону и Франціи. Онъ напомнилъ о цѣломъ рядѣ обидъ, оскорбленій и дерзкихъ посягательствъ на честь и интересы Россіи, результатомъ которыхъ явилась, наконецъ, кампанія 1812 г.

¹⁾ Мармонъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: *Il me comprit parfaitement et donna son assentiment le plus complet à ma résolution.* Такое свидѣтельство Мармона во всякомъ случаѣ не вполне вѣрно. Тьеръ совершенно основательно замѣчаетъ по этому поводу: *«Malgré cette assertion, tout porte à croire que le prince ne lui avait rendu sa parole que temporairement, pour la durée seule d'une négociation dont à ses yeux le succès était impossible, et à la condition d'exiger l'exécution de l'engagement pris si cette négociation était rompue. Ce qui le prouve, c'est la publicité, que les coalisés donnèrent immédiatement à la convention signée avec le marechal Marmont. Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 722.*

²⁾ Подробности этой аудіенціи, рѣчь Александра, возраженія маршаловъ изложены съ особенною подробностью у Тьера, который воспользовался при этомъ самымъ богатымъ и вполне достовернымъ матеріаломъ. См. *Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 725—731.*

«Завоеватель былъ отраженъ», продолжалъ государь; «его великая армія погибла, благодаря героизму моей арміи и моего народа и суровости нашего климата. Прибывъ на берега Вислы, я бы остановился тамъ, если-бы угнетенная Европа не взывала ко мнѣ о помощи. Послѣ Люцена и Бауцена союзные государи хотѣли примириться съ Наполеономъ, они оставляли ему большую часть колоссальныхъ его завоеваній; они желали лишь облегчить тяжесть ига, лежавшаго на нихъ, но онъ отвергъ ихъ предложенія. На берегахъ Рейна мы остановились вновь, предлагая ему границею эту рѣку, но онъ даже не отвѣтилъ на наше предложеніе. Въ Шатильонѣ мы предлагали ему Францію Людовика XIV и Людовика XV, но онъ отвергъ и это послѣднее слово. Не находя мира нигдѣ, мы вынуждены были идти искать его въ Парижѣ. Завладѣвъ Парижемъ, союзные государи не желали унижать Франціи и навязывать ей правительство; они старались найти такую комбинацію, которая, обезпечивая благосостояніе Франціи, обезпечила бы въ тоже время и спокойствіе Европы. У насъ нѣтъ никакого договора съ Бурбонами, и если мы склоняемся въ ихъ пользу, то единственно въ силу необходимости, а не по добровольному выбору. Мы готовы признать, столь велико наше уваженіе къ мнѣнію Франціи, правительство, которое будетъ предложено депутатами арміи, присутствующими здѣсь, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы правительство это не заключало въ себѣ ничего угрожающаго для Европы. Согласитесь между собою, господа, признайте конституцію, которая кажется вамъ наиболѣе удобною, выберите правителя, который подходилъ бы болѣе другихъ къ этой конституціи, и если придется избрать главу Франціи изъ вашей среды, соединяющей въ себѣ столько заслугъ и славы, то мы охотно признаемъ и его, лишь бы только онъ не угрожалъ ни нашему спокойствію, ни нашей независимости».

Государь окончилъ свою рѣчь.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

2. Обильна была разнообразными, и скорбными и радостными, событіями личная жизнь святителя московскаго Филарета въ тридцатилѣтіе царствованія Императора Николая Павловича. Еще болѣе обильна была имъ жизнь Россіи какъ во внѣшнихъ отношеніяхъ послѣдней, въ такъ называемой внѣшней политикѣ, такъ и во внутреннемъ состояніи ея, при чемъ все исходило отъ глубоко проникательнаго ума и сильной, твердой воли «безпримѣрно дѣятельнаго» Государя Императора и все сводилось къ нему, какъ своему средоточію. Въ чемъ же, спрашиваемъ прежде всего, состояли внѣшнія отношенія, внѣшняя политика Россіи и какъ отнесся къ проявленіямъ этой политики своею проповѣдію Филаретъ московскій?—Общее направленіе политики своей Императоръ Николай выразилъ словами манифеста, издавнаго прямо по воцареніи, отъ 12 декабря 1825 года, коими давалъ обѣтъ «жить единственно для любезнаго Отечества», царствовать какъ царствовали Александръ Благословенный, чтобы совершить все, чего желалъ онъ для блага Россіи и, слѣдуя примѣру его, «стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ» ¹⁾. Положивъ въ основаніе политики своей начала строгой справедливости, умеренности, безкорыстнаго великодушія, строгаго порядка и ува-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 22.

¹⁾ См. *Москов. Вѣдомости* 1825 г. № 101.

женія къ монархическому образу правленія, какъ единственно надежному и спасительному, Императоръ Николай во все тридцатилѣтіе своего царствованія неуклонно слѣдовалъ этимъ началамъ. Онъ съ честію и достоинствомъ поддерживалъ политическое значеніе Россіи, благовременно принималъ мѣры къ устраненію и разрѣшенію политическихъ недоразумѣній, являясь дѣятельнымъ участникомъ всѣхъ важнѣйшихъ событій своего времени, совершавшихся въ Европѣ и въ международныхъ отношеніяхъ, и своимъ могущественнымъ вліяніемъ, своимъ грознымъ положеніемъ, нерѣдко даже не обнажая меча, однимъ, такъ сказать, взглядомъ своимъ уничтожалъ всѣ замыслы поколебать миръ Европы и нарушить установленный международными договорами порядокъ и строй политической жизни; искренно ненавидѣлъ и всѣми возможными мѣрами старался подавлять революціонныя вспышки, въ какой бы формѣ онѣ ни проявлялись; но не вмѣшивался, какъ и подобало великодушному повелителю обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи, въ мелкія неурядица Запада, такъ безпокоившія его добросердечнаго предшественника, и презрительнымъ молчаніемъ отвѣчалъ, когда то было возможно и нужно, на неистовые вопли демагоговъ, бессильные возмутить общую тишину и потому недостойные его вниманія; но въ свою очередь не допускалъ и не терпѣлъ ни малѣйшаго съ чьей бы то ни было стороны вмѣшательства въ дѣла своей Имперіи, въ ея отношенія къ сосѣдамъ, подъ какимъ бы видомъ, подъ какимъ бы предлогомъ и названіемъ ни представлялось это вмѣшательство. Его собственнаго ума и воли было достаточно для управленія какъ внутренними дѣлами Имперіи, такъ и внѣшними ея отношеніями къ сосѣдамъ: это должны были всѣ знать, — и горе тому, кто дерзнулъ-бы оскорбить достоинство Россіи въ этомъ отношеніи или нарушить ея спокойствіе несправедливо! Такъ дѣйствовалъ Государь вообще; такъ дѣйствовалъ онъ и во всѣхъ частныхъ случаяхъ: и его имя съ невольнымъ уваженіемъ произносилось во всей Европѣ. Когда въ политическихъ кругахъ Европы произносимо было одно названіе *Императора*, то всякій зналъ, что этимъ названіемъ обозначался никто другой, какъ только Императоръ Всероссійскій Николай: потому что

какъ-бы онъ только одинъ изъ всѣхъ современныхъ ему правителей достоинъ былъ носить имя и титулъ Императора въ собственномъ и строгомъ смыслѣ слова. Конечно, обаянію имени Николая и полновѣсности его политическаго значенія много способствовало тогдашнее положеніе Европы, гдѣ болѣе или менѣе сильное слово и дѣло могло исходить развѣ только изъ Австріи, до 1848 года далеко еще не находившейся въ такомъ положеніи, въ какомъ она стала находиться послѣ революціи 1848 года, между тѣмъ какъ другія государства, особенно послѣ великихъ событій войны 1812—1813 годовъ, покрывшей славою русское оружіе и на поляхъ освобожденной имъ Европы, или и сами по себѣ или же благодаря испытаннымъ отъ поработителя Европы—Наполеона бѣдствіямъ были сравнительно слабы. Пруссія, съ ея тогдашнимъ 15-милліоннымъ населеніемъ и въ значеніи королевства, вовсе не пользовалась такимъ вѣсомъ въ международной политикѣ, какимъ пользуется она теперь, стоя во главѣ Германской Имперіи. Франція, раздробленная и ослабленная послѣ вышеупомянутой войны, къ тому же еще болѣе ослабляемая почти непрерывными переворотами, совершавшимися внутри ея въ теченіе 1825—1855 годовъ, также не представляла въ себѣ ни достаточно опасной силы, ни прочной гарантіи для поддержанія основъ, все еще существовавшаго при Николаѣ, хотя болѣе только на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, священнаго союза. Другія государства, не исключая и Англіи, при ея островномъ положеніи, еще менѣе могли рассчитывать на выдающееся значеніе въ международной политикѣ. И только къ концу царствованія Императора Николая, при неизмѣнности началъ и положенія его собственной политики, политическое положеніе остальной Европы въ значительной мѣрѣ измѣнилось. — Зоркое наблюденіе Императора Николая за внѣшнею политикою побуждало и его подданныхъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ ней, внимательно слѣдить за нею. Не могъ быть равнодушенъ къ ней и духовный вождь значительной части подданныхъ Николая, притомъ населяющихъ одну изъ столицъ Россійской Имперіи, живущихъ въ сердцѣ Россіи—Москвѣ.—святитель Филаретъ. Не могъ онъ такъ или иначе не касаться ея и въ своей

проповѣди, тѣмъ болѣе, что его слову съ церковной кафедры и въ этомъ отношеніи многіе придавали вѣса и значенія больше, нежели слову политика, и обыкновенно съ нетерпѣніемъ ждали, что скажетъ о томъ или другомъ событіи Филаретъ.

Еще отъ царствованія Императора Александра I въ наслѣдіе новому царствованію остался нерѣшенный тогда споръ Россіи съ Турціей изъ за единовѣрныхъ намъ племенъ и народовъ, подвластныхъ Турціи. Въ самомъ концѣ царствованія Александра и въ самомъ началѣ царствованія Николая этотъ споръ едва не кончился полнымъ дипломатическимъ разрывомъ, и только твердое, сильное слово новаго Императора Россіи заставило турецкаго султана подписать Аккерманскую конвенцію 25 сентября 1826 года, которою улучшалась и обезпечивалась участь этихъ племенъ и народовъ. Но пока еще шли переговоры съ Турціей, приведшіе къ этой конвенціи, персидскія войска, безъ всякаго повода со стороны Россіи, вторглись въ наши закавказскія области и заставили нашего Государя взяться за оружіе. Продолжавшаяся почти два года (съ 15 іюля 1826 года и до 10 февраля 1828 года) война Персидская, веденная со стороны Россіи подъ главнымъ начальствомъ знаменитаго И. Ѳ. Паскевича, получившаго за нее графское Россійской Имперіи достоинство и наименованіе Эриванскаго, покрыла новою славою Русское оружіе. Трофей побѣды надъ персами, по повелѣнію Императора, объявленному имъ и святителю московскому, переданы были въ Москву, въ кафедральную церковь Чудова монастыря ¹⁾. Первое извѣстіе о побѣдѣ Паскевича надъ непріателемъ, въдесятеро сильнѣйшимъ, одержанной 13 сентября 1826 года, въ 7 верстахъ отъ Елисаветполя, получено было еще въ бытность Императорской Фамиліи въ Москвѣ по случаю коронаціи. Конечно, тотчасъ же былъ отслуженъ по этому случаю благодарственный молебенъ. Молебенъ состоялся въ Чудовѣ монастырѣ 28 сентября того же года. При этомъ Филаретъ обратился къ Государю Императору съ слѣдующею рѣчью: «Благочестивѣйшій

¹⁾ См. письма Ф. къ родн. стр. 285. Срав. Письма его же къ викарію Пинкентію Сельно-Кривову въ *Иривав. къ Твор. св. отц.* 1871, XXIV, 424—425.

Государь Императоръ! Богу, надѣющихся на Него всегда побѣдителями творящему, благоутодно было торжественное время священнаго коронованія Твоего непосредственно заключить и запечатлѣть торжествомъ побѣды. Новое для насъ радостное знаменіе, что Богъ, благодатно преклоняясь къ молитвамъ Твоимъ и Церкви, дѣйственно благословилъ Тебя, какъ мирною властію надъ народомъ Твоимъ, такъ и побѣдоносною силою на враговъ. Сильнѣе и паче утверждаются надежды наши и воспріемлютъ новое дерзновеніе молитвы наши, да благопоспѣшитъ Тебѣ Богъ всегда и во всемъ¹⁾. Эта рѣчь тогда же и напечатана была въ *«Московскіе Вѣдомостя»*. Но самыя трофеи побѣды надъ персами, одержанной графомъ Паскевичемъ близъ Елпсаветполя, прибыли въ Москву по назначенію гораздо позже извѣстія о побѣдѣ, именно въ 1827 году. Извѣщая викарія своего Иннокентія (Сельно-Кринова) о своемъ прибытіи въ Петербургъ въ письмѣ отъ 4 августа сего 1827 года, Филаретъ далѣе сообщаетъ о своей аудіенціи у Государя Императора: «принимая отъ меня икону, Государь изволилъ напомнить, что въ прошедшемъ году, послѣ коронаціи, бывъ въ лаврѣ преподобнаго Сергія, въ слѣдъ за тѣмъ получилъ онъ извѣстіе о побѣдѣ надъ персами; и что при отбытіи своемъ изъ Москвы, принимая отъ меня икону, въ церкви святителя Алексія, изволилъ объявить мнѣ, что даруетъ сей церкви въ память завоеванныхъ знаменъ. Сіе напомнивъ, Государь присовокупилъ, что и теперь изволилъ сдѣлать подобный подарокъ, по случаю побѣды надъ персами и взятія крѣпости Абазъ-Абадъ. Такимъ образомъ первое, что я имѣлъ щастіе услышать отъ Государя Императора, было изъявленіе продолжаемаго благоволенія его къ древней столицѣ и любви къ ея древней святынѣ. Завтра благодарственное за побѣду молебствіе въ церкви Таврическаго дворца. За тѣмъ, думаю, трофеи будутъ посланы къ московскому военному генералъ-губернатору. День внесенія избереть князь Дмитрій Владиміровичъ²⁾ по согласію съ вами: вы созовете въ каѳедраль-

1) Сочин. Филар. III, 357.

2) Голицынъ, московскій генералъ-губернаторъ.

ную церковь святителя Алексія старшее духовенство; и, по литургіи, предъ благодарственнымъ молебствіемъ, возвѣстите народу о благословеніи Божиѣмъ къ Царю, и о благоволеніи Царя къ древней столицѣ, знаменуемомъ ввѣреніемъ ей памятника побѣды¹⁾. Такимъ образомъ вношеніе трофеевъ въ Чудовъ монастырь состоялось въ отсутствіе Филарета. Равнымъ образомъ, пока онъ еще былъ въ Петербургѣ, заключенъ былъ и миръ съ персами, славный для Россіи и унижительный для виновницы войны — самой Персіи. По мирному трактату, заключенному въ деревнѣ Туркманчаѣ 10 февраля 1828 года, шахъ персидскій Фетъ-Али-Шахъ обязался уступить Россіи ханства Эриванское и Нахичеванское, заплатить 20 милліоновъ рублей серебромъ контрибуціи²⁾ и даровать значительныя преимущества русскимъ подданнымъ, пріѣзжающимъ въ Персію по дѣламъ торговымъ. Въ виду этого важнаго въ исторіи Россіи событія Филаретъ отъ 15 марта 1828 г. писалъ къ викарію Иннокентію изъ Петербурга: «сегодня у насъ молебенъ благодарный о мирѣ, но, кажется, только еще въ придворной церкви. Когда будетъ общее торжество: проповѣди быть можно будетъ и на преждеосвященной, а и по Благовѣщенской главѣ службу совершить, по моему мнѣнію, не грѣхъ будетъ»³⁾. Но едва лишь вернулся изъ Петербурга въ Москву Филаретъ, какъ тотчасъ же рѣшилъ самъ почтить воспоминаніемъ съ церковной кафедры о побѣдоносной войнѣ Персидской, о трофеяхъ побѣды надъ персами и о мирѣ, заключенномъ съ ними. Кстати же и прібытіе свое въ Москву онъ старался было пріурочить прямо ко дню памяти святителя Алексія 20 мая; но, къ сожалѣнію, нездоровье и нѣкоторыя особенныя обстоятельства задержали Филарета въ Петербургѣ долѣе предполагаемаго срока, и только уже 28 мая 1828 г. онъ могъ, при мощахъ святителя Алексія, въ Чудовомъ монастырѣ, съ церковной кафедры ска-

1) *Приб. къ Твор.* 1871, XXIV, 424—425. См. *письма Ф. къ родн.* стр. 285.

2) Изъ нихъ одинъ милліонъ Государь Императоръ подарилъ побѣдителямъ—гр. Паскевичу. См. Устрялова, *Русская Исторія*, II, 424. Сиб. 1855.

3) *Приб. къ Твор.* 1872, XXV, 18.

зять то, что предполагалъ сказать. Въ этомъ случаѣ мы разумѣемъ его «Слово по случаю возложенія на раку мощей иже во Святыхъ отца нашего Алексія, митрополита Московскаго, отъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича принесеннаго покровы и медали за Персидскую войну», сказанное на текстъ: *Пожри Богу жертву славы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя: и призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя* (Псал. 49. 14, 15). Вотъ основныя черты слова, касающіяся предмета, о которомъ у насъ теперь рѣчь. «Прежде всѣхъ къ тебѣ нынѣ слово, святителю Алексіе, и слово не мое, но Царево». — такъ начинается свое слово святитель Филаретъ. «Предстою тебѣ, какъ посланникъ Благочестивѣйшаго Императора Николая Павловича, принесшій тебѣ даръ Его. — какъ свидѣтель благоговѣнія Его предъ тобою. Примми, глаголетъ Онъ тебѣ, сей покровъ благолѣпія и славы, не потому, чтобы ты требовалъ покровы вещественнаго и благолѣпія земнаго, будучи облеченъ свѣтомъ небеснымъ, покрытъ Божественною славою, но потому, что Царь признаетъ надъ Собою и надъ Своими дѣянїями покровъ твоихъ молитвъ и твоего благословенія. Примми сіе серебро памяти и чести, сей, не только потому, но и кровію выработанный *динарїи* за день брани Персидской: ибо раздаятель онаго вѣруеть, что и ты не празднымъ былъ зрителемъ брани сей, но хотя не видимо, тѣмъ не менѣе дѣйствительно подвизался предъ Богомъ за вѣрныхъ сыновъ Россїи противъ вѣроломныхъ послѣдователей лживаго пророка, подобно какъ нѣкогда, еще живя на земли, очевидно подвизался ты за охраненіе Церкви и Отечества отъ иноплеменныхъ, то чудодѣйственною молитвою, то покоряющимъ словомъ убѣжденія. Но поелику и безъ сего слышимаго слова, во свѣтѣ Божиемъ видишь ты сердце Царево, и разумѣешь, о чемъ наипаче оно бесѣдуетъ къ тебѣ: то, не стужая тебѣ болѣе, поспѣшаю обратить слово къ тѣмъ, которые требуютъ проповѣдающаго, чтобы услышать, и вразумляющаго, чтобы уразумѣть». И далѣе, уже обращаясь къ слушателямъ, святитель-проповѣдникъ обстоятельно раскрываетъ сущность предмета, начиная съ самаго начала историческихъ обстоятельствъ,

вызвавшихъ его на проповѣдь, и искусно воспользовавшись для сего однимъ изъ изреченій вышеприведеннаго текста. <Дѣло Царево,—такъ начинается свою рѣчь о предметѣ нашъ проповѣдникъ, — которое предъ очами вашими, благочестивые обитатели древней столицы, запечатлѣно нынѣ торжественными знаменіями, въ существѣ своемъ есть Царское исполненіе повелѣнія, которое царямъ такъ же, какъ и рабамъ, изрекъ Царь царствующихъ устами пророка Своего: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя.* Былъ день скорби, котораго единое воспоминаніе, даже и по возвращеніи дней мѣра и веселія, еще наводитъ нѣкій сумракъ на душу Россіянина,—день, который угрожалъ затѣмнить вѣки Россіи, если бы сквозь облако грозной судьбы не просіялъ тѣмъ яснѣе возвышенный духъ Николая Перваго. Не стало Александра Благословеннаго, и мыслящіе зло возмнили, что и благословенія надъ Россіею не осталось. Сосѣдъ, котораго не опасались, въ томъ самомъ, что его не опасались, вздумалъ найти средство сдѣлаться опаснымъ. На встрѣчу мирному посольству нашему, онъ ввелъ въ наши предѣлы войско, и началъ опустошительную войну. Чувствомъ сыновъ Отечества пзмѣрьте, если можно, сію новую скорбь новаго Царя, отивѣ приразившуюся въ такое время, когда усиліями побѣдить и уврачевать многоразличную скорбь домашнюю могла истощиться самая обильная мѣра силы душевной. Война не только нанесена Россіи, но и внесена въ Россію, безъ причины, въ самое время дружественныхъ со стороны Россіи сношеній, безъ обычнаго объявленія, слѣдственно съ вопіющимъ нарушеніемъ права народнаго, съ оскорбленіемъ достоинства Имперіи,—война отъ врага, который находитъ удовольствіе въ подвигахъ противъ безоружныхъ,—война въ такомъ краю, куда не легко доставить защитниковъ, куда и военачальника оказалось нужнымъ послать съ другаго края государства:—трудно частному человѣку пересказывать о семъ равнодушно; каково было Государю сіе испытывать! И что-же? Сперва онъ не хотѣлъ вѣрить происходящему; потому что душа чистая не легко вѣритъ возможности дѣлъ неправедныхъ; потомъ съ рѣшительностію и быстротою подвинулъ силы противъ силъ;

а самъ обратился спокойно къ источнику силъ Богу, чтобы призвать Его благословеніе на новое царствованіе, и Его помощь противу всѣхъ трудностей.—Теперь примѣчайте въ самыхъ событіяхъ, какъ *въренъ Господь во всѣхъ словесахъ Своихъ*, и какъ *близокъ възмъ призывающимъ Его во истину*. Какъ скоро Благочестивѣйшій Государь, по священнодѣйствию Его царскаго вѣнчанія, *воздалъ Вышнему* первую особенную молитву въ санѣ Помазанника, подкрѣпивъ оную подвигомъ благочестиваго путешествія въ священную пустыню, и общеніемъ вѣры съ крѣпкимъ молитвенникомъ, преподобнымъ Сергіемъ: тотчасъ Вышній явилъ Ему спасеніе Свое, приведя Ему непосредственно за симъ перваго вѣстника первой въ Его царствованіе побѣды. Здѣсь преклонилъ Онъ свою превознесенную главу и колѣна предъ Царемъ царствующихъ, и прославилъ *Измающую* отъ скорбей, имѣя и здѣсь сего друга Сергіева ¹⁾ совозводителемъ благодареній своихъ, подобно какъ тамъ имѣлъ Сергія представителемъ своихъ прошеній. Видно, *услышалась Господеви сія бесѣда* Царя; видно, и сердце Царя усладилось сею бесѣдою съ Богомъ, и новою силою надежды утвердилось во Господѣ: ибо съ того времени Богъ подавалъ ему побѣду за побѣдою, а онъ знаменія сихъ побѣдъ препосылалъ въ сей самый храмъ, гдѣ прославилъ Бога за первую изъ оныхъ. И се, когда твердое вѣрностію и правотою дѣла воинство его многочисленными подвигами рѣшительно преодолѣло и побѣдило и враговъ, и противоборствующую природу, и быстроту рѣкъ, и твердыни камней, и кавказскій хладъ, и закавказскій зной, и высоту непроходимыхъ горъ, и глубину непроходимыхъ дебрей; когда *врагу оскутыша оруженія въ конецъ*, и такимъ образомъ не только возстановленъ нарушенный миръ, но и огражденъ безопасностію разшпренныхъ предѣловъ нашихъ:—воздавая почестъ доблестямъ своихъ воиновъ, еще разъ Благочестивѣйшій Государь воспріемлетъ случай вознести *жертву хвалы* Господу силъ: еще разъ воспоминаетъ сей храмъ, въ которомъ благословила Его молитва о побѣдѣ и мирѣ, и сему избранному предводителю

1) Т. е. святителя Алексія.

молитвъ, какъ дѣятельному сподвижнику въ добропобѣдной брани ¹⁾, восписуетъ побѣдительная». Описавъ такимъ образомъ въ свѣтѣ слова Божія всю, такъ сказать, исторію войны съ внутренней и внѣшней ея стороны, святитель—проповѣдникъ за тѣмъ дѣлаетъ такое обращеніе къ слушателямъ: «Сынове Россіи! Не радуется ли вы о Царѣ своемъ, особенно тогда, когда Царь веселится о Бозѣ? Знаю, что радуетесь; и радуюсь съ вами о Немъ, какъ единъ отъ васъ; и паки радуюсь о самой радости вашей, потому что во свѣтѣ радости о Царѣ видна любовь къ Царю». И далѣе естественно дѣлаетъ нравственное приложеніе этого случая къ жизни слушателей и даетъ наставленіе послѣднимъ на основаніи того-же текста и въ виду благочестиваго примѣра Благочестивѣйшаго Государя Императора. Въ заключеніе же слова нашъ витія дѣлаетъ весьма искусный переходъ отъ представленія объ оконченной Персидской войнѣ къ представленію о начинавшейся уже тогда войнѣ Турецкой. «Берегись, просвѣщенный вѣрою христіанинъ, возвращенія къ языческому невѣрію и заблужденію»,—такъ заканчиваетъ витія свое нравственное приложеніе для перехода сейчасъ упомянутаго;— «не медли призывать Бога въ день скорби твоея, или паче, не оставляй каждый день прилежно взывать къ Нему, тѣмъ болѣе, что на сей осужденной за грѣхопаденіе челоуѣка землѣ, доколѣ не снудуть на нее вновь дніе неба, каждый день есть день скорби для того или другаго, здѣсь, или тамъ,—скорби, если не отъ самаго бѣдствія, то отъ чувствительнаго лишенія, или отъ близкой къ сердцу заботы.—И теперь, напримѣръ, здѣсь мы веселимся, видя знаменія побѣдъ, вкушая сладость мира и безопасности: а тамъ—побѣдоносное воинство вновь на полѣ брани; Царь за предѣлами Отечества; царица странствуетъ, влекомая любовію въ близость къ супругу; царица мать одиночествовала бы между царскими младенцами, если-бы вѣрная дочь ²⁾, предвидя сіе одиночество, не приспѣла издалеча на священную стражу любви при наилучшей изъ матерей:—

1) Т. е. опять святителю Алексію.

2) Великая княгиня Марія Павловна.

не довольно-ли уже самыхъ нѣжныхъ заботъ для сердець Россіянь? А что еще далѣе? Сынъ рабыни Агаря неистовствуетъ, какъ бы поспѣвая запечатлѣть свое предопредѣленіе: *руцѣ его на всѣхъ, и руки всѣхъ на него* (Быт. 16, 12). Народъ, отъ котораго святая Русь наслѣдовала святую вѣру, едва не исчезаетъ въ бѣдахъ отъ враговъ вѣры. Священники распинаются или сожигаются. Христіане, мужи и жены, старцы и дѣти влекутся въ рабство, или истаеваютъ голодомъ, или, что всего ужаснѣе, принуждаются отречься отъ имени Христова. Церковь Россійская! Призывай Бога Избавителя въ сіи дни скорби матери твоей, Церкви Греческой. Россія! день и ночь призывай Бога въ помощь Благочестивѣйшему Императору и его воинству, защитникамъ христіанства и человѣчества.—*Господи! спаси Царя; и услыши ны, въ онъже аще день призовемъ Тя* (Псал. 19, 10). *Да обрящется рука Твоя въсѣмъ врагомъ Твоимъ: десница Твоя да обрящеть вся ненавидящія Тебе. Вознесися, Господи, силою Твоею: воспоемъ и поемъ силы Твоя* (Псал. 20, 9, 14)! Аминь¹⁾. Подлинно настояла сильная потребность въ молитвѣ, и настолько сильнѣе, насколько важнѣе была и самая начавшаяся весною 1828 года война съ потомками Агаря—турками по сравненію съ оконченною войною съ персами. Дѣло въ томъ, что Аккерманскою конвенціею 1826 года вопросъ о грекахъ, подвластныхъ туркамъ, остался нерѣшеннымъ, и турки со всею силою дикаго ожесточенія неистовствовали надъ греками, потерявшими всякое терпѣніе въ своемъ подчиненіи притѣснителямъ своимъ и желавшими освободиться отъ непамятнаго имъ ига. Сколько ни старались европейскіе кабинеты расположить турецкую Порту къ возможно большей уступчивости въ пользу грековъ, ихъ усилія, даже совокупныя, не приводили ни къ чему, и сынъ египетскаго паши Магмета-Али-Ибрагимъ, въ качествѣ главнокомандующаго турецкими войсками, продолжалъ свои неистовства надъ европейскими греками. Знаменитый морской бой при Наваринѣ 8 октября 1827 года, въ которомъ отъ соединенныхъ мор-

¹⁾ Сочин. Фил. Ш, 89—96. Это слово напечатано было и отдѣльно (о чемъ см. №№ 13 и 15 дѣлъ архива Москов. дух.-ценз. воемт. за 1828 г.) и во всѣхъ собраніяхъ словъ и рѣчей Филарета, начиная съ 1835 года.

скихъ силъ трехъ державъ: Англіи, Франціи и Россіи, погибъ почти весь флотъ турецкій, только еще болѣе ожесточилъ турецкаго султана Махмуда, и повелъ къ окончательному разрыву Турціи съ Россіей, такъ какъ султанъ считалъ Россію главною виновницею всѣхъ мнимыхъ золъ чинимыхъ Турціи, считалъ ее самымъ злѣйшимъ врагомъ мусульманства и турецкой имперіи, паденія которой она будто-бы жаждетъ. А потому онъ объявилъ по своей имперіи поголовное ополченіе за вѣру и отечество, иначе сказать, объявилъ священную войну противъ Россіи. Это было въ концѣ 1827 года. Великодушный и миролюбивый Императоръ Всероссійскій медлилъ, не смотря на это объявленіе, выступать въ походъ противъ Турціи, надѣясь, что султанъ еще одумается, а между тѣмъ счелъ нужнымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что его памѣренія вовсе не клонятся къ разрушенію турецкой имперіи или къ уничтоженію мусульманства, а лишь къ возстановленію законныхъ правъ существованія единовѣрныхъ Россіи и единоплеменныхъ съ нею турецкихъ подданныхъ. Но ничто не дѣйствовало на султана. Тогда, съ наступленіемъ весны 1828 года русскія войска должны были снова взяться за знакомое имъ оружіе, въ силу объявленнаго повсемѣстно Высочайшаго манифеста о войнѣ. Филаретъ въ это время былъ еще въ Петербургѣ и при этомъ же случилось нѣкоторое особенное обстоятельство, сообщаемое въ письмѣ Филарета къ его викарію Иннокентію отъ 16 апрѣля означеннаго года въ такомъ описаніи: «Посылается,—пишетъ Филаретъ,—вашему преосвященству другой экземпляръ указа къ манифесту о войнѣ. Вотъ какъ это сдѣлалось. Вчера пріѣхалъ я по случаю чтенія манифеста въ Казанскій соборъ. Во время литургіи владыка ¹⁾ прислалъ сказать, что онъ быть не можетъ. Меня заставили служить; и я, помня ясно, какъ было въ 1812 году, отправилъ молебенъ *противу супостатъ*, который начинается псалмомъ: *Съ нами Богъ*. Оказалось, что въ прочихъ церквахъ пѣли молебенъ *въ нашествіи супостатъ*. Сего дня разсуждали о семъ въ св. Синодѣ, и положили, что-

1) Т. е. митрополитъ Серафимъ.

бы вездѣ править первый, и потому переимѣнить посланцы не многіе указы. Письмо сіе пошлю я особо, чтобы указъ не опоздалъ, и чтобы вы пѣли непремѣнно: *Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, и покарайтесь*.¹⁾ Между тѣмъ выступившія въ походъ противъ турокъ русскія войска одновременно съ двухъ сторонъ, со стороны Азіи и со стороны Европы, вступили въ предѣлы Турціи. Въ Азіи русскими войсками командовалъ уже знакомый съ мѣстностію и азіатскими порядками войны и нравами племенъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, а въ европейской Турціи сначала фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ, а потомъ графъ Дибичъ, получившій, за славное веденіе этой войны, прозваніе Забалканскаго. Въ той и другой части Турціи русскія войска опять покрыли себя неувядаемою славою. Графъ Паскевичъ, съ 12-тысячнымъ корпусомъ, долженъ былъ бороться съ турецкими военными силами, вчетверо сильнѣйшими. Но благодаря быстротѣ и смѣлости движеній русскихъ войскъ, предводимыхъ отличнѣйшимъ вождемъ, турки были разбиты на всѣхъ пунктахъ; въ короткое сравнительно время лѣта 1828 года такія первоклассныя крѣпости, какъ Карсъ и Ахалцыхъ, не говоря о другихъ крѣпостяхъ, менѣе важныхъ, сдались послѣ жестокаго боя штурмомъ; а въ 1829 году, кромѣ того, что графъ Паскевичъ смѣлою и рѣшительною, но въ тоже время и весьма искусною политикою сумѣлъ уничтожить попытки султана турецкаго привлечь къ своему союзу шаха персидскаго, послѣ того какъ въ январѣ этого года чернь персидская въ Тегеранѣ убила русскую миссію съ посланникомъ, извѣстнымъ по этому Грибоѣдовымъ во главѣ послѣдней, тотъ же графъ Паскевичъ своими быстрыми и рѣшительными военными дѣйствіями, съ корпусомъ войскъ лишь немного большимъ прошлогодняго, овладѣлъ даже столицею Анатолиі, Арзерумомъ (или Эрзерумомъ), разбивъ на голову самого сераскира Арзерумскаго съ его 50-тысячною арміею. Въ европейской Турціи русскія войска въ числѣ 115,000 въ походѣ апрѣля 1828 года перешли Прутъ и вступили въ Молдавію и Валахію. жи-

¹⁾ Приб. къ Твор. 1872, XXV, 29.

тели коихъ встрѣчали русскихъ, какъ своихъ избавителей, за тѣмъ съ большими трудностями переправились черезъ Дунай, на противоположной сторонѣ котораго турецкія войска мѣшали наведенію моста. Самъ Государь Императоръ руководилъ переправою и одушевлялъ войска своимъ присутствіемъ. За Дунаемъ турки, не рѣшаясь вступить въ сраженіе съ русскими войсками въ открытомъ полѣ, заперлись въ крѣпостяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя также были почти неприступны, каковы: Шумла, съ 40-тысячами воиновъ—защитниковъ, Варна, съ 20 тысячами таковыхъ же, и др. Но мало по-малу не только второстепенныя, а и первоклассныя крѣпости не устояли противъ дружнаго натиска храбрыхъ русскихъ войскъ. Особенно же въ 1829 году, когда весною, на мѣсто больнаго Витгенштейна, назначень былъ главнокомандующимъ энергичный и искусный Дибичъ, русскія войска совершили чудеса храбрости и славы. Искусными маневрами выманивъ визиря изъ Шумлы въ открытое полѣ, Дибичъ разбилъ его на голову, а потомъ перешель за Балканы и вскорѣ занялъ Адрианополь,—вторую столицу Турецкой Имперіи. Въ то же время наши морскія силы на Черномъ и Средиземномъ моряхъ (въ послѣднемъ съ Архипелага), соображая свои дѣйствія съ дѣйствіями сухопутныхъ войскъ, взяли весьма важныя приморскія крѣпости и вошли въ связь съ войсками сухопутными. Тогда-то султанъ турецкій, видя себя окруженнымъ почти со всѣхъ сторонъ русскими войсками и боясь за судьбу самаго Константинополя,—главной столицы Имперіи и своей резиденціи, а въ то же время видя почти полное уничтоженіе своей арміи, нашелся наконецъ вынужденнымъ просить пощады у русскаго Императора. Онъ прислалъ своихъ уполномоченныхъ въ Адрианополь, и они здѣсь, послѣ непродолжительныхъ преній подписали предложенныя имъ условія мира, 2 сентября 1829 года. Послѣ столь славныхъ побѣдъ и въ Азіи и Европѣ, Императоръ Николай могъ бы предложить какія угодно условія мира, и султанъ принужденъ былъ бы согласиться на нихъ. Но Императоръ русскій, согласно ранѣе сдѣланному имъ заявленію, не хотѣлъ быть своекорыстенъ. Великодушіе и честность были основными качествами его рыцарской души. Чуждаясь духа приобрѣ-

тений, онъ желалъ только возстановить силу прежнихъ трактатовъ, обезпечить торговыя выгоды русскихъ подданныхъ въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, обезопасить предѣлы своихъ владѣній въ Азїи и утвердить благосостояніе покровительствуемыхъ Россіею единовѣрныхъ и единоплеменныхъ съ нею обитателей Европейской Турціи. Поэтому изъ всѣхъ завоеваній своихъ онъ удержалъ за собою только Авану, Потю, Ахалкалаки и Ахалцыхъ, крѣпости, необходимыя для обезпеченія нашихъ владѣній въ Закавказскомъ краѣ. А за тѣмъ, кромѣ обезпеченія свободы русской торговли на моряхъ Черномъ и Средиземномъ, главное вниманіе великодушнаго побѣдителя было сосредоточено на улучшеніи участи христіанскихъ подданныхъ въ Турціи. Въ этомъ отношеніи Адрианопольскимъ миромъ и вообще побѣдами Россіи надъ Турціею достигнуто было то, что Молдавія, Валахія и Сербія получили всѣ права, раньше обѣщанныя имъ разными гаттишерифами. Букарештскимъ трактатомъ 1812 года и Аккерманскою конвенціею 1826 года съ тѣмъ дополненіемъ, что Турція обѣщалась теперь не вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія этихъ княжествъ; а главное, — русскою кровію наконецъ добыто было освобожденіе Греціи изъ подъ многовѣковаго владычества Турціи и положено было начало теперешнему королевству Греческому. Вскорѣ послѣ заключенія Адрианопольскаго мира, именно 22 января 1830 г. полномочные представители Россіи, Англіи и Франціи въ Лондонѣ подписали протоколъ, коимъ положено было: признать Грецію независимымъ государствомъ, въ предѣлахъ, постановленныхъ протоколомъ 10 марта 1829 г. (послѣ Наваринскаго боя), т. е. причисляя къ ней Морею, Ливадію, нѣкоторыя части территоріи, лежащей къ сѣверу отъ Мореи, за исключеніемъ Акарнаніи и части Этолїи, и нѣкоторыя изъ острововъ Архипелага; правленію въ Греціи быть монархическому, наследственному, съ титуломъ короля для правителя и возвести въ сей санъ кого либо изъ европейскихъ принцевъ, по избранію союзныхъ дворовъ. Выборъ палъ на юнаго принца Баварскаго, который и вступилъ на престолъ королевства Греческаго въ маѣ мѣсяцѣ 1832 г. съ именемъ Оттона I. — Всѣ эти событія, живо интересовавшія всѣхъ исти-

ныхъ сыновъ Россіи, не могли, конечно, не интересоваться и Филарета, какъ то видно и изъ нѣкоторыхъ его писемъ отъ того времени ¹⁾. Не могъ онъ ихъ обойти своимъ вниманіемъ и въ проповѣди. Всѣ эти событія сгруппировалъ онъ въ одномъ словѣ, произнесенномъ уже въ 1830 году 25 іюня, въ день рожденія Государя Императора, такъ какъ еще до полученія оффиціального свѣдѣнія о заключеніи мира въ Адрианополѣ осенью 1829 года онъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ для участія въ засѣданіяхъ Св. Синода ²⁾, а вернулся изъ С.-Петербурга въ Москву, по обычаю, уже въ маѣ слѣдующаго 1830 г. ³⁾. Это слово въ собраніяхъ проповѣдей Филарета такъ и называется «Словомъ на заключеніе мира съ Оттоманскою Портою въ 1830 году». Оно сказано на текстъ пророчества Исаи: *и будутъ дѣла правды миръ, и одержатъ правда покой, и уповающе будутъ до вѣка* (Ис. 52, 17). Вотъ начало проповѣди, въ которомъ содержится указаніе на интересующія насъ событія: «И такъ, слава въ вышнихъ Богу!— Миръ на землѣ Россійской, и, чрезъ миротворство Россіи, миръ на земляхъ многихъ! Миръ, достойный быть изображенъ сими пророческими словами: *будутъ дѣла правды миръ, и одержатъ правда покой*; а посему достойный также сей пророческой надежды: *и уповающе будутъ до вѣка!*—Если бы могущественный Самодержецъ жаждалъ только бранныхъ побѣдъ: то, ставъ одною ногою въ Адрианополѣ, а другою въ Эрзерумѣ, онъ не утерпѣлъ бы, чтобы не сдѣлать еще шага, дабы до земли унизить высокую Порту. Но великодушный монархъ, какъ рѣшился въ началѣ брани, такъ и среди успѣховъ оружія остался при первоначальной рѣшимости дѣйствовать не столько правомъ силы военной, сколько мирною силою правды. Среди отверстыхъ, такъ сказать, вратъ къ новымъ побѣдамъ, отъ торжественныхъ кликовъ славы, онъ обратилъ все вниманіе къ тихому гласу челоуѣколюбія. Сіе не земное величіе духа явилъ

¹⁾ См. напр. письма его къ викарію въ *Приб. къ Твор.* 1872, XXV, 191. 199; 539, 553 и др.

²⁾ На этотъ разъ онъ выѣхалъ изъ Москвы въ концѣ сентября и прибылъ въ Петербургъ въ началѣ октября.

³⁾ Это видно изъ писемъ Филарета къ роднымъ и къ викарію.

въ себѣ Благочестивѣйшій Государь, и плодъ онаго есть миръ, ознаменованный многочисленными дѣлами правды и человеколюбія. Правда договоровъ возстановлена и ограждена; неправды противъ Россіянъ и противъ Россіи заглажены вознагражденіями ¹⁾; христіанскимъ народамъ, подъ нехристіанскимъ правительствомъ оказано вѣрное покровительство; и если хотимъ быть внимательны, можемъ усмотрѣть, что съ дѣлами правды Царевой, тайнымъ нѣкимъ, но дѣйствительнымъ союзомъ связаны дѣла правды Божіей: ибо тотъ самый властитель ²⁾, который за девять лѣтъ предъ симъ, въ день Пасхи, перваго священноначальника христіанской Греціи предать мученической смерти ³⁾, въ нынѣшнемъ году, въ день же Пасхи, долженъ былъ утвердить независимость христіанской Греціи.— независимость, которой Европа, соединенными силами Наваррисконской битвы, соединеннымъ искусствомъ продолжительныхъ переговоровъ, не могла достигнуть, и которой достигъ Императоръ Россійскій безъ примѣтныхъ усилій, миромъ.— «Вотъ, христіане»,—обращается теперь къ слушателямъ нашъ витія, дабы сдѣлать для нихъ ясными нравственные выводы изъ описанныхъ событій,— «очевидный для цѣлаго міра примѣръ вѣрности и непреложности Божественныхъ изреченій, что *будутъ дѣла правды миръ*, то есть, дѣла справедливости, благости, непорочности, или естественно, или сокровеннымъ дѣйствіемъ Провидѣнія, превращаются въ миръ, въ благоуспѣшность, въ благополучіе; что *одержитъ правда покой*, то есть добродѣтель истинная, наитіемъ *Духа отъ Вышняго* (Ис. 32, 15) возбуждаемая и управляемая, одерживаетъ побѣду надъ всеми препятствіями и достигаетъ покоя, въ дѣлахъ общественныхъ—общественнаго, въ дѣлахъ духовныхъ—духовнаго. что люди сего рода *умоуживаютъ до отъка*, то есть только на добродѣтели, на благости.

1) Кромѣ пріобрѣтенія городовъ, Россія, по Адрианопольскому миру, выговорила отъ Порты значительное денежное вознагражденіе за потери, понесенныя русскими торговцами съ 1806 года вслѣдствіе стѣснительныхъ мѣръ Порты.

2) Т. е. султанъ турецкій Махмудъ.

3) Это было въ 1821 году. Константинопольскій патриархъ Григорій, вмѣстѣ съ другими двумя епископами, былъ распятъ турками въ томъ самомъ храмѣ, въ которомъ, въ день Пасхи, совершалъ богослуженіе.

на непорочности основанное благополучіе благонадежно и прочно». Далѣе слѣдуетъ приложеніе этихъ истинъ къ жизни слушателей посредствомъ изображенія и этой жизни какъ воинствованія духовнаго на землѣ и посредствомъ указанія ихъ нравственныхъ обязанностей въ виду сего ¹⁾. Въ такихъ выраженіяхъ начало приведенной проповѣди Филаретомъ обработано было гораздо позже ея произнесенія, именно для напечатанія въ *Христіанскомъ Читеніи* за 1840 годъ и въ Собраніяхъ его словъ и рѣчей изд. 1844—1845 и 1848 годовъ. Въ первоначальномъ же своемъ видѣ она имѣла значительную съ тѣмъ разницу. И во-первыхъ, такъ какъ она произнесена была, какъ мы знаемъ изъ вышесказаннаго, въ день рожденія Государя Императора, то въ началѣ своемъ имѣла слѣдующія слова: «Если молясь за Царя ежедневно съ благодареніемъ за ежедневныя блага, подаваемые намъ чрезъ его управленіе, съ особеннымъ вниманіемъ остаиваемся мы на семъ граничномъ днѣ, которымъ онъ оканчивается и начинается годъ своей жизни: то прилично намъ съ особеннымъ вниманіемъ возрѣть отъ сего предѣла на минувшій годъ, и за благое, что въ немъ совершилось, воздать славу Богу». Послѣ сего и слѣдуютъ слова: «И такъ, слава въ вышнихъ Богу!» и пр. А за тѣмъ, во-вторыхъ, весьма знаменательныя выраженія были употреблены Филаретомъ и въ самомъ началѣ описанія отношенія Императора Николая къ Портѣ. Именно въ первоначальномъ видѣ проповѣди, списокъ которой сохранился лишь въ рукописи, напечатанной въ указателѣ сочиненій Филарета при журналѣ: *Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія* за 1869 годъ, это начало чптается такъ: «Если-бы могущественный Николай, судьбою, также какъ и именемъ своимъ, обреченный къ побѣдамъ надъ народами ²⁾, жаждалъ только бранныхъ побѣдъ: то, ставъ одною ногою въ Адрианополѣ, а другою въ Эрзерумѣ, наступивъ, такъ сказать, на руки Турецкой Имперіи, онъ не утерпѣлъ бы, чтобы не сдѣлать еще шага, дабы попать главу ея, дабы уничиженіемъ Стамбула можетъ быть

1) *Сочин. Фил.* III, 132 и дал.

2) Николай, съ греческаго (Νικόλαος), значитъ побѣдитель народовъ.

поднять Константинополь». Далѣе встрѣчаются лишь незначительныя измѣненія въ томъ же описаніи ¹⁾. Такимъ образомъ Филаретъ, зорко слѣдившій за современною ему политикою правительства, уже тогда проникать умомъ своимъ въ коренныя задачи такъ называемаго восточнаго вопроса для Россіи, доселѣ еще окончательно не разрѣшеннаго.

Въ послѣдствіяхъ войны Турецкой обнаружилось, какъ мы указывали, рѣдкостное великодушіе Россійскаго Монарха—Побѣдителя въ отношеніи къ побѣжденному султану турецкому. Еще ярче обнаружилось это великодушіе Русскаго Царя въ послѣдовавшихъ за этою войною событіяхъ. Дѣлю въ томъ, что паша египетскій Мегмедъ-Али, усилившись, благодаря продолжительному (съ 1805 года) искусному управленію Египтомъ, до того, что имѣлъ болѣе 30 военныхъ кораблей и до 130000 регулярнаго войска, и видя Турцію ослабляемою и внутренними мятежами и внѣшними несчастными войнами, задумалъ отложиться отъ нея и завоевать себѣ независимость. Подъ разными предлогами онъ пересталъ платить дань султану и отказался помочь ему въ его послѣдней войнѣ съ Россіею. А по окончаніи этой войны онъ возсталъ явно. Сильное войско египетское, подъ предводительствомъ сына его Ибрагима, въ 1831 году вступило въ Сирію, подъ предлогомъ наказанія пашши сирійскаго Абдалы, а между тѣмъ на дѣлѣ двигалось все далѣе и далѣе къ сѣверу и занимало все большую и большую область владѣній султана. Послѣдній сначала предлагалъ было грозному вассалу своему разсудить его съ сирійскимъ пашею; но тотъ не внималъ голосу своего повелителя. Тогда Махмудъ объявилъ его мятежникомъ и врагомъ своего государя и пророка Магомета. Однако и это средство, прежде столь сильное, теперь было безсильно. Мегмедъ-Али не убоился этой угрозы и сынъ его Ибрагимъ шелъ все далѣе и далѣе. Султанъ вынужденъ былъ поднять противъ него оружіе и послать сильное войско противъ Ибрагима въ Сирію. Но это войско было разбито на голову Ибрагимомъ. Таже участь постигла и другую еще сильнѣйшую армию султана. Послѣ того войскъ у

¹⁾ Сочин. Фил. Ш, 132—133 прилѣж. подстр.

султана больше не оставалось, и дорога къ Константинополю для Ибрагима была открыта, и онъ уже появился близъ Бруссы, недалеко отъ Константинополя. Султанъ былъ въ отчаянномъ положеніи. Еще въ началѣ войны съ своимъ вассаломъ онъ, какъ бы предчувствуя опасность, обращался за помощію къ европейскимъ державамъ и особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которыя на словахъ постоянно ратовали за цѣлость Оттоманской имперіи, въ войнахъ послѣдней съ Россіею. Болѣе всего надѣялся онъ на помощь со стороны Англии и Франціи. Но эти державы помощь ему оказывали только на словахъ, а не на дѣлѣ. Иное увидѣлъ онъ отъ Государя и Имперіи, которыхъ считалъ враждебными себѣ. При первомъ извѣстіи о возстаніи въ Египтѣ, Императоръ Николай, не помня зла, а имѣя въ виду лишь возстановленіе строгой законности и порядка, повелѣлъ Россійскому консулу въ Египтѣ немедленно выѣхать изъ Александріи. Уже это одно обстоятельство показало султану великодушіе и благородство дѣйствій Государя Императора Всероссійскаго и внушило ему мысль обратиться къ послѣднему за помощію. И онъ получилъ ее. Императоръ Николай отдалъ два повелѣнія: генералу Муравьеву въ Александріи выразить порицаніе мятежному вассалу султана за его образъ дѣйствій и угрозу войною въ случаѣ неисполненія требованія о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій противъ султана, а послу Бутеневу въ Константинополѣ—по первому требованію султана вызвать къ нему на помощь русскую черноморскую эскадру. Мегмедъ-Али, убоявшись угрозы, отдалъ было приказъ Ибрагиму остановить непріязненные дѣйствія противъ султана; но потомъ, когда у него явилась надежда на устраненіе опасности со стороны Россіи, а между тѣмъ съ другой стороны подстрекаемъ былъ и честолюбіемъ и европейскими державами къ войнѣ, снова началъ самъ и сыну приказать продолжать военныя дѣйствія противъ Турціи. Тогда русскій флотъ изъ 20 кораблей, подъ главнымъ начальствомъ генераль-адъютанта графа Орлова, приблизился къ Константинополю; а 10000 человекъ пѣхоты расположились лагеремъ на Азіатскомъ берегу Турціи, подъ начальствомъ генерала Муравьева, въ ожиданіи сраженія съ Ибрагимомъ. Какъ

турки, такъ и въ особенности европейскія державы были сильно смущены этимъ появленіемъ русскихъ войскъ близъ Константинополя, перетолковывая его въ смыслъ желанія Россіи занять Константинополь. Но самъ султанъ Махмудъ вполне довѣрился безкорыстію и великодушію Русскаго Императора, который возвѣстилъ Европѣ, что «флотъ и войска его останутся въ занятой ими позиціи, доколѣ египетская армія не перейдетъ обратно за Таврійскія горы». И султанъ не обманулся въ своей надеждѣ на великодушнаго Императора. Когда русскій офицеръ проводилъ Ибрагима за предѣлы Сиріи и вызванныя Мегмедомъ-Али египетскія войска перешли за горы Таврійскія, тогда и флотъ и войска русскія удалились отъ Константинополя. Это было въ 1833 году. Благодарный Русскому Императору султанъ заключилъ съ нимъ оборонительный союзный договоръ, по которому обязался между прочимъ не пропускать чрезъ Босфоръ и Дарданеллы военныя суда всѣхъ державъ иностранныхъ.—Имѣя все это въ виду, святитель московскій Филаретъ еще отъ 22 апрѣля 1833 года писалъ къ намѣстнику лавры Антонію: «Помолимся о соединеніи вѣры, да и о мирѣ міра, и о успѣхѣ миротворства, которымъ занимается Государь нашъ, и котораго не понимаютъ лукавыя духи Европы» ¹⁾. Затѣмъ и въ словѣ на день коронаціи 22 августа того же 1833 года, сказанномъ на текстъ: *побѣждай благимъ злое* (Римл. 12, 21), нашъ святитель—витія между прочимъ говорилъ: «поставьте себя на предѣлахъ двухъ имперій, двухъ частей свѣта и двухъ религій, и посмотрите на оконченное недавно ²⁾ дѣло умиренія на Востокѣ. Сдѣлаться благодѣтелемъ, охранителемъ, спасителемъ царства, недавно враждебнаго, и только побѣдами доведеннаго до примиренія,—не есть ли сіе такое дѣло Царской доблести, которое приноситъ новое свѣтлое украшеніе вѣнцу Благочестивѣйшаго Императора нашего, новую славу Его царствованію? Славу сего дѣла особенно провозглашать должно здѣсь, въ

¹⁾ Письма Филар. къ Ант. I, 73. Москва, 1877.

²⁾ Вышеупомянутый договоръ съ султаномъ заключенъ былъ 26 іюня 1833 года. См. Устрялова, *Русск. Истор.* II, 446.

церкви: поелику оно есть великолѣпное исполненіе благороднаго правила христіанскаго: *побѣждай блггмъ злое*. Дѣло сіе не только славно для Царя и народа, но и полезно для христіанства: ибо весь не познавшій Христа Востокъ видятъ теперь въ семъ славномъ дѣлѣ, къ какой чистой, безкорыстной, возвышенной вѣрности и благотворительности располагаетъ вѣра христіанская сердца Царя и народа» ¹⁾.

И. Корсунскій.

¹⁾ Сочин. Филар. III, 254; срав. 255.

ПАТРІАРХЪ ФОТІЙ ¹⁾.

(848—892 гг.).

Состояніе восточной Церкви.—Игнатій, патріархъ Константинопольскій.—Онъ вызываетъ вражду Варды и Григорія Сиракузскаго.—Его изложеніе.—Избраніе Фотія.—Характеристика этого великаго челоѣка.—Его отношенія къ императорскому двору.—Его сочиненія.—Его синодальное посланіе къ римскому патріарху Николаю.—Этотъ послѣдній посылаетъ своихъ легатовъ въ Константинополь.—Соборъ, на которомъ изложено Ігнатія утверждено.—Николай объявляетъ себя въ пользу Ігнатія.

Императоръ Теофилъ оставилъ послѣ себя сына по имени Михаила, прозваннаго Порфиророднымъ, который имѣлъ лишь три года послѣ смерти своего отца. Его мать Теодора была провозглашена регентшею. Какъ регентша, она преимущественно слѣдовала совѣтамъ канцлера Теоکتета, главнокомандующаго арміями Мануила и своего брата Варды. Всѣ эти совѣтники были православными, и много сдѣлали для возстановленія почитанія иконъ.

Когда умеръ святой патріархъ Меѳодій (846), императрица избрала патріархомъ Никиту, сына императора Михаила Рангавея. Никита принялъ монашество и былъ названъ Игнатіемъ, подъ которымъ названіемъ и извѣстенъ въ исторіи. Его ревность къ почитанію иконъ и его святость пріобрѣли ему уваженіе Теодоры. Эта государиня, будучи принуждена передать власть своему сыну, оставила этого послѣдняго подъ руководствомъ дяди его Варды, домогавшагося, чтобы сестра поступила въ монастырь и чтобы па-

¹⁾ Изъ „Histoire de l'Eglise“ о. Владиміра Геттэ, печатаемой въ „L'union Chrétienne“ за н. г.

тріархъ Игнатій подавъ ей этотъ совѣтъ. Игнатій отказался дать подобный совѣтъ и этимъ нажилъ себя врага въ могущественномъ Вардѣ, который былъ болѣе императоромъ, чѣмъ самъ императоръ.

Варда былъ человѣкомъ очень знатнымъ, былъ другомъ наукъ и покровителемъ ученыхъ. Онъ былъ на Востоку тѣмъ-же, чѣмъ Карлъ—на Западѣ; онъ призвалъ въ Константинополь самыхъ выдающихся людей Имперіи, основалъ школы и не щадилъ ничего для развитія наукъ, очень унавившихъ во время споровъ, возбужденныхъ иконоборцами. Во главѣ школъ онъ поставилъ Льва, прежде бывшаго архіепископа Фессалоникійскаго. Этотъ Левъ, питавшій расположеніе къ иконоборческому заблужденію, оставилъ свою кафедру, когда иконоборческое заблужденіе было окончательно осуждено при святомъ патріархѣ Меѳодіѣ, и удалился въ Константинополь, гдѣ велъ жизнь скромную, посвященную наукамъ. Варда, уважавшій его, вызвалъ его изъ уединенія и поставилъ во главѣ школъ. Между учениками этого-то Льва находились два брата, Фессалоникійскіе уроженцы, Кириллъ и Меѳодій, которые сдѣлались потомъ славянскими апостолами и которыхъ апостольскіе труды мы скоро изложимъ.

Варда былъ не только другомъ наукъ, но и истинно государственнымъ мужемъ и человѣкомъ гениальнымъ; онъ былъ одаренъ выдающеюся энергіею и не отступалъ ни предъ какими затрудненіями. Въ то же время при дворѣ находился другой гениальный человѣкъ, обладавшій изумительными знаніями, страстный другъ наукъ, который помогалъ Вардѣ въ его усиліяхъ поднять въ Имперіи образованность: это былъ Фотій, происходившій изъ знаменитой фамиліи, состоявшей въ родствѣ съ императоромъ; онъ былъ государственнымъ секретаремъ. Варда и Фотій находились въ большой связи между собою; ихъ литературные вкусы были одни и тѣже; оба они превосходили всѣхъ своихъ современниковъ высокою своего генія. «Фотій, говоритъ одинъ писатель изъ числа его порпцателей ¹⁾, по характеру своему былъ человѣкомъ весьма гор-

¹⁾ Jager, Histoire de Photius, введ.

дымъ и обладалъ умомъ необыкновеннымъ; онъ то и извѣстенъ въ исторіи какъ творецъ религіозной революціи. Къ этому надобно прибавить, что Фотій былъ человекомъ добродѣтельнымъ, и его любовь къ наукамъ простиралась до такой степени, что онъ навсегда отказался отъ мысли жениться.

Онъ былъ государственнымъ секретаремъ во все то время, пока императрица Теодора управляла государствомъ именемъ своего сына. Ни Варда, ни Фотій не сопротивлялись ея избранію Игнатія на патріаршій престолъ.

Во все то время, когда иконоборчествующіе императоры опустошали Церковь, Игнатій проводилъ жизнь благочестивую въ своемъ монастырѣ, въ которомъ сдѣланъ былъ настоятелемъ ¹⁾. Православные приходили къ нему со всѣхъ сторонъ слушать его наставленія и испрашивали у него совѣтовъ. Когда же число его учениковъ умножилось до значительной степени, тогда онъ основалъ монастыри на такъ называемыхъ островахъ *Принцевъ*, извѣстныхъ въ тѣ времена подъ именемъ Плато, Гіатро и Теревинфъ. Изгнанные иконоборцами епископы убѣдили Игнатія принять священный санъ, хотя онъ былъ евнухомъ, что составляло каноническое препятствіе для принятія священнаго званія. Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ епископы принимали во вниманіе то обстоятельство, что каноническій недостатокъ Игнатія былъ лишь слѣдствіемъ жестокости иконоборческаго императора, лишившаго престола его отца.

Добродѣтели Игнатія обратили на него вниманіе императрицы Теодоры. Онъ былъ посвященъ въ патріархи 4 іюля 846 года на 48 году своей жизни.

Можно думать, что императрица Теодора своимъ избраніемъ Игнатія желала, на сколько отъ нея зависѣло, вознаградить его за зло, которое отецъ ея мужа причинилъ ему, равно какъ и всей его фамиліи, когда лишилъ престола Михаила Рангавея; но ея состраданіе къ нему послужило поводомъ къ несчастію. Игнатій былъ

¹⁾ Nicet. Vit. S. Jgnat.

святымъ мужемъ; мы не идемъ противъ голоса вѣковъ, почтившихъ его всенароднымъ чествованіемъ; но святость не уничтожаетъ совершенно недостатковъ природы. И такъ, можно думать, что Игнатій не могъ смотрѣть равнодушно на то, что императорскій тронъ, на которомъ онъ самъ могъ-бы возсѣдать, послѣ смерти своего отца, занять былъ другимъ человѣкомъ. Предъ его взоромъ царствующій императоръ могъ представляться только похитителемъ его правъ и всѣ тѣ, которые блистали при императорскомъ дворѣ, могли быть только его врагами.

Между епископами, прибывшими для присутствія при его посвященіи, находился архіепископъ Сиракузскій, переселившійся въ Константинополь, послѣ того какъ магометане овладѣли его епископскимъ городомъ. Онъ назывался Григоріемъ Азбестомъ.

Сиракузская кафедра находилась ли въ зависимости отъ престола Константинопольскаго, или отъ престола Римскаго? Уже давно два патріарха находились въ разногласіи по поводу этого вопроса, и въ отношеніи къ нему еще не было принято никакого рѣшенія. Григорій Азбестъ былъ извѣстенъ Игнатію, и Игнатій не любилъ его. Незвѣстно, въ чемъ могъ бы упрекать его новый патріархъ; но достовѣренъ фактъ, что Игнатій воспротивился тому, чтобы архіепископъ Сиракузскій присутствовалъ при его посвященіи. Этотъ архіепископъ находился уже въ церкви со свѣчею въ рукѣ, когда Игнатій запретилъ ему участіе при церемоніи. Приведенный въ ярость, Григорій бросилъ свѣчу на землю и пообъялся отомстить. Между двумя этими епископами возникла теперь самая сильная вражда и она продолжалась во все патріаршество Игнатія. Хотя архіепископъ Сиракузскій былъ замѣчанъ во всѣхъ спорахъ, происходившихъ впоследствии, однакоже его никогда не обвиняли ни въ какомъ преступленіи, которое оправдывало бы публичную обиду, нанесенную ему Игнатіемъ ¹⁾. Быть можетъ, патріархъ

¹⁾ Аббатъ Яжеръ осмѣлился выразиться слѣдующимъ образомъ: «онъ имѣлъ противъ Григорія *тяжкія обвиненія* (des choses graves), которая исторія оставила подъ секретомъ, но которыя новый патріархъ зналъ прекрасно». Кто сказалъ Яжеру, что Игнатій имѣлъ тяжкія обвиненія, которыя никогда не извѣстны были

не смотря на свою святость, не былъ настолько скромнымъ, и настолько благоразумнымъ, насколько онъ могъ бы быть. Новое доказательство этой мысли самъ Игнатій представилъ въ своемъ поведеніи въ отношеніи къ Вардѣ.

Этотъ человекъ, столь достойный удивленія во многихъ отношеніяхъ, имѣлъ однакоже непростительную слабость. Онъ былъ безумно влюбленъ въ жену своего собственнаго сына. По этому онъ отвергъ свою законную жену и жилъ въ супружеской связи со своею невѣсткою. Эта связь не была настолько секретною, чтобы патріархъ не могъ знать о ней. Онъ сдѣлалъ Вардѣ предостереженія, которыя не были однакоже приняты во вниманіе. Тѣмъ не менѣе Варда продолжалъ являться человекомъ очень религіознымъ, и въ день Богоявленія (857) прибылъ въ церковь для приобщенія. Игнатій отказалъ ему въ этомъ. Въ дѣлю вмѣшался императоръ; но ни обѣщанія, ни угрозы императора не могли побѣдить патріарха. Съ тѣхъ поръ Варда рѣшился мстить. Онъ обвинилъ Игнатія въ участіи въ заговорѣ, главою котораго былъ одинъ монахъ по имени Гелонъ (Gelasius?). Въ то время, какъ Варда руководилъ этою интригою, Григорій Азбестъ съ другими двумя епископами, Евлампіемъ Аномейскимъ и Петромъ Сардійскимъ, внесли на него самыя тяжкія обвиненія. Они отвергали законность его посвященія, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не былъ избранъ сообразно съ канонами, а былъ назначенъ императорскою властію. Игнатій собралъ нѣсколькихъ епископовъ и изложилъ Григорія. Это опредѣленіе не могло однакоже имѣть силы въ глазахъ епископовъ Рима, которые утверждали, что кафедра Сиракузская зависитъ отъ ихъ патріархата. И такъ, дѣло было перенесено въ Римъ, сначала при Львѣ IV, который не высказалъ никакого рѣшенія, а потомъ при Бенедиктѣ III, который отказался высказаться прежде чѣмъ оба противника не придутъ въ Римъ, лично ли, или чрезъ своихъ пословъ, и не дадутъ обѣщанія подчиниться произнесенному имъ рѣшенію ¹⁾. Игна-

исторіи? Вотъ какъ люди пристрастные пишутъ исторію. Гефеле, § 464, говоритъ: «*мензельство, почему Игнатій не хотѣлъ, чтобы Григорій присутствовалъ при церемоніи*».

1) Nicol., Epist. 9 ad imperat. Mich.—Stylian., Epist. ad Pap. Steph.

тій послалъ въ Римъ Лазаря, но когда онъ прибылъ туда, патріарха постигло низложеніе. Среди этихъ же обстоятельствъ померъ и Бенедиктъ III и на римскій престолъ взошелъ Николай I.

Варда собралъ епископовъ, находившихся въ Константинополь, чтобы судить Игнатія и изслѣдовать обвиненія, внесенныя на него. Всѣ епископы, за исключеніемъ пяти, рѣшили, что онъ долженъ быть низложенъ и избрали Фотія въ преемники ему. Между этими пятью несогласавшимися на низложеніе Игнатія епископами были: Митрофанъ Смирнскій и епископъ Неокессарійскій по имени Стиліанъ. Эти епископы, хотя и соглашались на устраненіе Игнатія, но требовали, чтобы Фотій пообѣщалъ остаться въ общеніи съ нимъ. Фотій обѣщалъ это. Казалось миръ былъ возстановленъ, когда опредѣленіе о низложеніи Игнатія было подписано. Фотій тоже не могъ не дать своей подписи, потому что иначе онъ не могъ стать патріархомъ, если бы Игнатій не былъ низложенъ. Но присоединяясь къ опредѣленію о низложеніи, Фотій не отвергалъ православія Игнатія и остался въ общеніи съ нимъ. Тѣмъ не менѣе пять несогласныхъ епископовъ укоряли его въ не исполненіи своего обѣщанія и объявили себя противъ его избранія ¹⁾. Всѣ же остальные епископы не упорствовали, по крайней мѣрѣ въ то время, когда избирали Фотія.

Игнатій занималъ патріаршій престолъ около двѣнадцати лѣтъ. Онъ былъ низложенъ 60 лѣтъ.

Мы безъ труда допускаемъ, что Игнатій имѣлъ добрыя намѣренія и руководствовался мотивами совѣсти во всемъ томъ, что дѣлалъ; но справедливость также требуетъ признаться, что онъ не подражалъ ни благоразумію Тарасія, ни возвышенному отреченію Златоуста. Можно думать, что воспоминаніе объ императорской власти, которой отецъ его былъ такъ жестоко лишенъ, не дѣлало его расположеннымъ щадить тѣхъ, которые занимали высокое положеніе, признаваемое имъ несправедливо похищеннымъ у его фамиліи. Дворъ обвинилъ его въ участіи въ заговорѣ одного аван-

¹⁾ Metroph., Epist. ap. Labb. Conc. t. VIII.

тюрпета, который присвоилъ себѣ права на императорскую корону, и патріархъ былъ изгнанъ.

Большинство епископовъ, бывшихъ прежде него, терпѣливо перенесли бы этотъ произволъ двора. Между его предшественниками и даже на престолѣ Рима Игнатій нашелъ бы епископовъ, которые лучше желали отказаться отъ достоинства, которое не могли болѣе нести съ пользою для церкви,—чѣмъ возбуждать посредствомъ бесполезнаго сопротивленія смуты, которыя всегда имѣютъ для Церкви плачевныя послѣдствія. Онъ не призналъ благо-разумнымъ подражать этимъ примѣрамъ. Онъ отказался отречься отъ своего патріаршескаго достоинства, не смотря на настоятельные совѣты многихъ епископовъ.

Дворъ не могъ уступить. Такимъ то образомъ Фотій былъ возведенъ на патріаршій престолъ.

Фотій былъ племянникомъ патріарха Тарасія. Вотъ портретъ Фотія, начерченный Флери ¹⁾: «Геній Фотія былъ еще выше его рожденія. Онъ имѣлъ умъ обширный, тщательно развитый. Его богатства давали ему возможность доставать всякаго рода книги, и его страсть къ славѣ заставляла проводить цѣлыя ночи за чтеніемъ. Такимъ-то образомъ онъ сдѣлался самымъ ученымъ человекомъ не только своего времени, но и предшествовавшихъ временъ. Онъ зналъ грамматику, пѣстику, реторику, философію, медицину и всѣ свѣтскія науки; но онъ не пренебрегалъ также и церковною наукою, и, при благопріятныхъ случаяхъ, оказывался очень свѣдущимъ въ ней.» ²⁾

Въ одномъ сочиненіи, составленномъ въ недавнее время подъ вліяніемъ Римскаго двора ³⁾, принуждены были сказать о Фотіѣ: «его обширная образованность, его характеръ вѣрачивый, гибкій

1) Fleury, Hist. Eccl. liv. L, § 3, ann. 857.

2) Keller (v° Photius) говорятъ, что Фотій сталъ изучать богословіе не безъ некотораго упрямства, лишь когда принялъ священное званіе. Очевидно, что этотъ воинствующій іезуитъ въ своемъ лексиконѣ лишь кратко повторяетъ всѣ оскорбленія и клеветы писателей—враговъ великаго патріарха.

3) L'Eglise orientale, сочиненіе, изданное подъ именемъ Пипциноса, часть I, глава IV; изданіе римской пропаганды.

и въ то-же время твердый, его способность къ политическимъ дѣламъ и кромѣ того, его пріятная фязіономія и его благородныя и увлекательныя манеры, дѣлали его человекомъ замѣчательнымъ среди современниковъ».

Мы признали необходимымъ прежде всего представить характеристику Фотія на основаніи писателей, которыхъ нельзя заподозрить въ благосклонности къ нему. Безпристрастіе требуетъ отъ насъ также, чтобы мы познакомили читателей съ документами, лежащими въ основѣ всего написаннаго впоследствии въ нѣдрахъ Римской церкви, о важныхъ событіяхъ, въ которыхъ Фотій былъ замѣшанъ.

Прежде всего мы должны указать на письма Митрофана, митрополита Смирнскаго, Стиліана, епископа Неокессарійскаго и на монаха Теоноста. Эти три человека извѣстны, какъ личные враги Фотія. Анастасій же бібліотекаръ былъ до такой степени презрѣннымъ человекомъ, что его свидѣтельству нельзя придавать никакой важности. Вотъ въ краткихъ словахъ опредѣленіе, составленное противъ него въ самомъ Римѣ, въ 868 году: «Вся церковь Божія знаетъ, что сдѣлалъ Анастасій во времена папъ, нашихъ предшественниковъ, а равно и то, какъ приказали поступить съ нимъ Левъ и Бенедиктъ, изъ копъ первый низложилъ его, отлучилъ и анаѳематствовалъ; а другой лишилъ его священнаго званія, допустивъ лишь къ общенію съ мірянами. Въ послѣдствіи папа Николай возстановилъ его подъ условіемъ, что онъ будетъ вѣрнымъ церкви романской, но, ограбивши нашъ патриархій дворецъ и похитивши соборныя акты, въ которыхъ онъ былъ осужденъ, онъ ввелъ въ стѣны этого города людей для сѣянія раздора между князьями и церковію; и былъ причиною того, что якто по имени Адалгримъ, искавшій убѣжища въ церкви, былъ лишенъ глазъ и языка. Наконецъ, многіе изъ васъ подобно мнѣ слышали о его разсказѣ предъ однимъ священникомъ по имени Адономъ, его духовнымъ отцомъ, о томъ, что онъ забылъ наши благодѣянія до такой степени, что послалъ одного человека къ Елевферію, обязывая этого послѣдняго совершить убійства, о ко-

торыхъ вы знаете ¹⁾. Вотъ почему мы приказываемъ, сообразно съ опредѣленіямъ папъ Льва и Бенедикта, лишить его всякаго церковнаго общенія до тѣхъ поръ, пока онъ не оправдается предъ соборомъ во всѣхъ вводимыхъ на него обвиненіяхъ; и его только будетъ находиться въ общеніи съ нимъ, даже будетъ только говорить съ нимъ, тотъ подпадетъ подобному же отлученію. Если же онъ удалится изъ Рима хотя бы на не дальнее разстояніе, или если онъ будетъ исполнять какую либо церковную потребу, то будетъ пораженъ постоянною анаѳемою, онъ и всѣ его соучастники».

Очевидно, Анастасій успѣлъ снискать милость у папы Адріана точно также какъ онъ снискалъ ее у папы Николая. Римъ имѣлъ надобность въ немъ во время своихъ споровъ съ Востокомъ, потому что Анастасій очень хорошо говорилъ по-гречески, что тогда было большою рѣдкостью на Западѣ. Такимъ образомъ, въ слѣдующемъ году (869) мы находимъ Анастасія въ Константинополѣ на соборѣ, составленномъ противъ Фотія. На этомъ соборѣ онъ перевелъ соборныя опредѣленія съ греческаго языка на латинскій, и въ нимъ предпослалъ предисловіе, въ которомъ на свой манеръ рассказываетъ объ обвинительныхъ дѣяніяхъ собора противъ Фотія. Подобный человѣкъ можетъ-ли быть признаваемъ достовернымъ свидѣтелемъ въ своихъ показаніяхъ о константинопольскомъ патріархѣ, можетъ-ли быть признаваемъ разумнымъ цѣнителемъ фактовъ и честнымъ повѣствователемъ? Не должно-ли думать, что онъ старался лишь выставить себя *отрымъ церкви римской*, такъ какъ папа Николай поставилъ это первымъ условіемъ его прощенія?

Неизвѣстно точно, когда померъ этотъ писатель. Достоверно лишь, что онъ былъ еще въ живыхъ во время папствованія Іоан-

¹⁾ Елевферій былъ сынъ епископа Арсенія; онъ обольстилъ дочь папы Адріана II, похитилъ ее и женился на ней, хотя она дала слово выйти замужъ за другаго. Когда папа получилъ отъ императора Людовика комиссаровъ для суда надъ нимъ по романскимъ законамъ, тогда Елевферій, приведенный въ ярость, убилъ Стефанію, жену папы, и ея дочь, ставшую его собственною женою. Ходила молва, что именно Анастасій совершилъ эти убійства, ради брата своего Елевферія. Но въ началѣ своего папствованія, т. е. въ 868 году, Адріанъ сѣлъ за Анастасіа бібліотекаремъ Римской церкви.

на VIII, который взошелъ на папскій престолъ въ 872 году и умеръ въ 882 году.

Старались доказать, будто въ эту самую эпоху существовать въ Римѣ двойникъ Анастасія библіотекаря, дабы такимъ образомъ освободить историка папъ отъ обвиненій, лишающихъ его всякой достовѣрности; но не могли привести никакого доказательства въ пользу этого утвержденія, такъ что на него, слѣдовательно, можно смотрѣть, какъ на лишенное всякаго основанія. Напротивъ достовѣрно то, что этотъ Анастасій библіотекаръ точно жилъ въ эпоху, на которую мы указываемъ и что непзвѣстенъ другой Анастасій библіотекаръ, кромѣ этого, оказавшагося виновнымъ въ ужасныхъ дѣйствіяхъ, упоминаемыхъ въ опредѣленіи, высказанномъ противъ него. Онъ то много разъ былъ осужденъ въ самомъ Римѣ, и онъ-же снискалъ помилованіе только подъ условіемъ, дѣлающимъ его мало достойнымъ вѣроятія, когда онъ говоритъ о противникахъ римской церкви.

Противъ Фотія ссылаются еще на Никиту Давида Пафлагонянина, написавшаго *жизнь Игнатія*. Можно даже сказать, что этотъ писатель пользуется большимъ авторитетомъ противъ патриарха Фотія; но историческое безпристрастіе требуетъ замѣтить, что Никита увлекается духомъ партіи противъ Фотія до готовности принять пресловутую прибавку «Filioque», внесенную въ символъ, хотя эта прибавка не была еще признана законною даже папами. Вся совокупность его повѣствованія, равно какъ и Михаила Синкелла, доказываетъ, что этихъ двухъ писателей надобно причислить къ личнымъ врагамъ Фотія.

Но когда дѣло касается сужденій объ исторической личности, надобно-ли обращаться къ ея врагамъ? Достаточно такъ поставить этотъ вопросъ, чтобы сейчасъ же дано было и его рѣшеніе ¹⁾.

1) Всѣ сочиненія, писанныя на Западѣ о Фотіѣ, внушены ненавистью и лукавствомъ. Въ нихъ ощущается слѣдующее исключительное правило исторической критики: надобно принимать за достовѣрное все то, что можетъ служить противъ Фотія, и надобно отвергать или направлять противъ него все то, что ему благоприятствуетъ. Въ наши дни многіе писатели широко пользовались этимъ правиломъ въ своей авторской дѣятельности. Мы укажемъ въ частности на Гефеле *Histoire*

Очевидное и бесспорное доказательство противъ этихъ писателей вытекаетъ изъ ихъ собственныхъ повѣствованій, если только сравнить ихъ съ повѣствованіями другихъ историковъ, какъ - то Сцилитра (Scylitris), прозваннаго Курополатомъ, Георгія, Кедрина, Зонары, Константина Порфирогенета; потому что прежде указанные историки, вслѣдствіе питаемой къ Фотію ненависти, приписываютъ ему преслѣдованія, которыхъ предметомъ былъ Игнатій; между тѣмъ какъ преслѣдованія эти болѣе безпристрастными писателями исключительно усвояются Вардѣ.

Въ виду противоположныхъ повѣствованій историковъ, къ какой же сторонѣ мы должны примкнуть? Не должно давать значенія ни одной изъ этихъ сторонъ. Фотій и папы, съ которыми онъ спорилъ, писали письма, въ которыхъ изложили свои собственные мысли. Эти письма существуютъ; они составляютъ наиболѣе неопровержимые документы. Мы услышимъ самихъ противниковъ, защищающихъ свое дѣло; а это и есть наилучшее средство возстановить истину.

Фотій получилъ епископское посвященіе въ день Богоявленія 858 года.

Едва только онъ былъ избранъ и посвященъ, какъ Варда сталъ обращаться съ Игнатіемъ и всѣми его приверженцами жестокииъ

des Consiles; на Гергенрётера съ его запутанною компиляціею подъ названіемъ *Photius*; и не менѣе запутанную компиляцію подъ названіемъ *Histoire de l'Eglise*; равно какъ и на примѣчанія къ изданію подъ названіемъ *Mystagogia*. Но сочиненіе Яжера подъ ложнымъ названіемъ *Histoire de Photius* еще болѣе дивно, чѣмъ всѣ остальные. Авторъ представляется въ немъ бѣшеною собакою, обрызгивающею нечистою пѣною патриаршескую одежду великаго человѣка, который своими добродѣтелями, своимъ краспорѣчьемъ и своими познаніями, заслуживаетъ быть помѣщеннымъ рядомъ съ Іоанномъ Златоустомъ и Григоріемъ Богословомъ и который столь справедливо названъ Фотіемъ (т. е. человѣкомъ свѣтоноснымъ). Аббатъ Дарасъ въ своей *Histoire de l'Eglise* даетъ о Фотіѣ рассказъ, который по просту долженъ быть названъ *безчестнымъ и безславнымъ*. Рорбахеръ заслуживаетъ быть поставленнымъ на ряду съ нимъ. Всѣ эти писатели задавались лишь одною цѣлю: напасть на великаго патриарха, не позаботившись даже прочесть его сочиненія. Мы ихъ прочли; мы ихъ подвергнемъ анализу и такимъ образомъ съ увѣренностью поставимъ Фотія предъ лицомъ его враговъ.

образомъ. Онъ старался видѣть въ нихъ только членовъ заговора, котораго глава былъ осужденъ въ государственной измѣнѣ.

Фотій не могъ смотрѣть на эту жестокость, не пенытывая глубокой скорби. Онъ писалъ Вардѣ: 1) «когда вижу, говоритъ онъ, священниковъ гонимыхъ; когда я вижу, что ихъ бьютъ, сковываютъ и даже рѣжутъ имъ языки, не долженъ-ли я думать, что тѣ, которые померли, болѣе счастливы, чѣмъ я? Не имѣю-ли я права смотрѣть на бремя, возложенное на меня вопреки моему желанію, какъ на наказаніе за мои грѣхи? Вотъ человѣкъ бѣдный, безъ покровителей, не пользующійся даже полнымъ разумомъ, въ которому должны были-бы питать состраданіе, подвергается страшнымъ страданіямъ; его продаютъ, какъ раба, его бьютъ розгами, его заключаютъ въ тюрьму, ему рѣжутъ языкъ, и этотъ человѣкъ есть священникъ! Много разъ я вступался за него, но я встрѣчалъ только равнодушіе и безчувствіе».

Варда не исполнялъ того, чего Фотій просилъ у него. Такимъ образомъ благочестивый патріархъ прекратилъ сношенія съ нимъ, какъ онъ предупреждалъ его объ этомъ въ своемъ письмѣ, по поводу случаевъ, когда Варда оставался нечувствительнымъ къ его мольбамъ. Онъ обратился къ императору, который не смотря на свои пороки не былъ злымъ человѣкомъ; но Варда былъ болѣе сильнымъ, чѣмъ императоръ. Онъ былъ опекуномъ этого государя. Варда метилъ Игнатію и его приверженцамъ, хотя его жестокости, направленныя противъ нихъ, падали на самаго императора.

Пристрастные же враги Фотія усвоили этому кроткому патріарху все эти жестокости, которыя онъ осуждалъ столь энергично.

На другой годъ послѣ своего посвященія, Фотій разослалъ къ патріархамъ окружное посланіе, какъ обыкновенно это дѣлали послѣ своего посвященія высшіе представители Церкви, въ знакъ своего общенія. Вотъ одинъ экземпляръ посланія, отосланный къ патріарху Рима, папѣ Николаю I:

«Святѣйшему, освященнѣйшему и досточтимѣйшему собрату Ни-

1) Photius, Epist. VII ad Bard.

колаю, папѣ древняго Рима, Фотію епископу Константинополя, новаго Рима».

«Когда величіе священства предносится предъ моимъ духомъ, когда я думаю о разстояніи, существующемъ между совершенствомъ священства и низостию челоука; когда я измѣряю слабость своихъ силъ и принимаю во вниманіе мысль, которую я всегда питалъ относительно возвышенности подобнаго достоинства,—мысль, которая возбуждала во мнѣ удивленіе и изумленіе при взглядѣ на людей нашего времени, не говоря о временахъ древнихъ,—на людей принимающихъ на себя страшное иго патриаршества (pontificat), и не смотря на то, что они обложены плотію и кровію, рѣшающихся къ великой собственной погибели, исполнять служеніе херувимовъ, чистѣйшихъ духовъ; когда мой духъ приковывается къ подобнымъ мыслямъ и когда я вижу себя самаго принявшимъ достоинство, заставляющее меня трепетать ради того, что я вижу въ немъ; то не могу выразить, сколько я испыталъ скорби, сколько ощущаю печаль. Съ самаго дѣтства своего я принялъ рѣшеніе, только укрѣплявшееся съ лѣтами, держаться вдали отъ громкихъ дѣлъ и наслаждаться отрадною тишиною частной жизни; и однакоже признаюсь теперь предъ вашею святостию, потому что ниша вамъ, я долженъ говорить одну лишь истину, я принужденъ былъ принять на себя должность при императорскомъ дворѣ, и такимъ образомъ долженъ былъ отказаться отъ своего рѣшенія. Тѣмъ не менѣе я никогда не былъ настолько безразсуднымъ, чтобы домогаться священническаго достоинства; оно казалось мнѣ очень почетнымъ и очень страшнымъ, особенно когда я припоминалъ примѣръ св. Петра, верховнаго апостола, который послѣ того, какъ далъ нашему Господу и нашему истинному Богу Іисусу Христу столько свидѣтельствъ своей вѣры, и послѣ того, какъ показалъ Ему, какъ пламенно онъ любитъ Его, смотрѣлъ на честь возвышенія своимъ Учителемъ въ священство, какъ на увѣчаніе за все свои добрыя дѣла. Я припоминаю также примѣръ того раба, которому вѣренъ былъ талантъ и который, скрывши его ради строгости своего господина и изъ боязни потерять свой талантъ, былъ

принужденъ отдать отчетъ въ этомъ, и за не приумноженіе своего таланта былъ осужденъ въ огонь и преданъ гееннѣ».

«Но для чего надобно писать вамъ объ этомъ, для чего надобно возобновлять мою скорбь, услишать мою печаль и дѣлать васъ довѣреннымъ лицомъ моихъ страданій? Воспоминаніе о тяжелыхъ предметахъ только пробуждаетъ горе и не приноситъ ему никакого облегченія. Все совершившееся есть какъ-бы трагедія, происшедшая, безъ сомнѣнія, для того, чтобы вашими молитвами мы могли управлять стадомъ, неизвѣстно какимъ образомъ, ввѣреннымъ намъ; чтобы облако затрудненій, окружающее насъ, было разсѣяно, чтобы облегчающая насъ темная атмосфера просвѣтлѣла. Подобно тому, какъ кормчій радуется, когда видитъ свое судно хорошо направляемымъ благодаря попутному вѣтру, подобно этому и Церковь составляетъ радость для пастыря, когда онъ видитъ ее возростающею въ благочестіи, въ добродѣтели, когда онъ разсѣиваетъ волненія подобно облакамъ окружающія ее, и всѣ опасенія, внушаемая ея собственной слабостію».

«Наконецъ, когда *тотъ, кто до насъ несъ на себѣ епископскую должность, оставилъ эту честь*, тогда я увидѣлъ себя вынужденнымъ принять эту честь отъ всѣхъ, не знаю подъ вліяніемъ какихъ побужденій, отъ всего духовенства, собора епископовъ и митрополитовъ и преимущественно императора, исполненнаго любви ко Христу, добраго, справедливаго, чловѣколюбиваго и (почему не сказать этого) болѣе правосуднаго, чѣмъ тѣ, которые царствовали до него. Онъ оказался только въ отношеніи ко мнѣ не чловѣколюбивымъ, жестокимъ и грознымъ. Дѣйствуя за-одно съ соборомъ, о которомъ я говорилъ, онъ лишилъ меня покоя, ссылаясь на единодушную волю и на единодушныя желанія клира, не принявшаго во вниманіе никакихъ моихъ извиненій,—утверждая, что въ виду подобнаго голосованія онъ не можетъ, даже, если бы хотѣлъ, быть снисходительнымъ къ моему сопротивленію. При многочисленности клира, мои мольбы не могли быть услышаны большинствомъ; а тѣ, которые слышали ихъ, не приняли ихъ во вниманіе. Они пропущены были однимъ только намѣреніемъ, предварительно ими

принятымъ: возложить на меня епископство, вопреки моему собственному желанію».

Остановимся здѣсь на минуту: враги Фотія утверждаютъ, что выражаясь подобнымъ образомъ, онъ ясно доказываетъ свое лицемеріе; что вмѣсто того, чтобы отказаться отъ епископства, онъ честолюбиво домогался его. Они обвиняютъ его въ допущеніи намѣренной лжи, когда Фотій утверждаетъ, что его предшественникъ сложилъ съ себя свое достоинство.

Справедливы ли однако эти оба обвиненія? Душевныя расположенія человѣка можно узнать изъ интимной переписки скорѣе, чѣмъ изъ произвольныхъ обвиненій его враговъ. Вотъ принципъ, который, безъ сомнѣнія, никто не станетъ оспаривать. Но всѣ интимныя письма Фотія громко свидѣтельствуютъ, что онъ перепробовалъ всѣ средства для устраненія достоинства, которое на него хотѣли возложить. Уже почетныя должности, которыя онъ исполнялъ при дворѣ, были для него тяготою, потому что онѣ отвлекали его отъ занятій науками, составлявшими его единственную страсть; онъ понималъ, что разъ будучи возведенъ на патриаршій престолъ, онъ долженъ будетъ отказаться отъ той тихой жизни, во время которой наука доставляла ему возможность испытывать истинныя радости; вотъ почему онъ умолялъ Варду перенести свой выборъ на кого либо другаго ¹⁾. Какое побужденіе имѣлъ бы онъ писать подобнымъ образомъ въ своей интимной перепискѣ съ человѣкомъ, который зналъ его расположенія, который былъ его другомъ?

Старался ли Фотій обмануть папу, когда писалъ ему, что Игнатій оставилъ свой престолъ? Достоверенъ фактъ, что Игнатій справедливо, или ложно былъ осужденъ какъ заговорщикъ, и подъ этимъ предлогомъ былъ изгнанъ императоромъ. Если среди этихъ обстоятельствъ онъ наложилъ, какъ это утверждаетъ Анастасій бібліотекаръ, нѣкотораго рода интердиктъ на свою церковь, то этотъ поступокъ былъ предосудителенъ и противоположенъ обра-

¹⁾ См. Phot. Epist. ad Bard.

зу дѣйствиі наиболѣе великихъ и наиболѣе святыхъ епископовъ. Мы видѣли въ прежнее время, что папа Мартинъ, будучи подобно Игнатію осужденъ, преслѣдуемъ и изгнанъ, призналъ законность епископа Евгенія, котораго римская церковь избрала въ преемники ему, не отказываясь однакоже никогда отъ своего престола. Св. Златоустъ, несправедливо изгнанный, писалъ слѣдующія величественныя слова: «Не мною начата церковь, и не мною окончится. Апостолы и Пророки перенесли еще большія преслѣдованія». Въ заключеніи онъ обязываетъ епископовъ повиноваться тому, кто будетъ поставленъ на его мѣсто, и только просить ихъ не подписывать его осужденія, если они не признаютъ его виновнымъ.

Фотій долженъ былъ принять въ расчетъ этотъ обычай и долженъ былъ смотрѣть на своего предшественника, какъ на отнадевшего отъ своего достоинства; потому что всѣ епископы, за исключеніемъ пяти голосовъ ¹⁾, избрали его самаго преемникомъ Игнатія. Онъ только не могъ писать папѣ, что Игнатій былъ лишенъ своего достоинства, потому что Игнатій не былъ осужденъ канонически.

Такимъ образомъ Фотій не былъ ни лицемеромъ, ни лжецомъ, когда писалъ такъ, какъ мы видѣли. Онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Когда голосъ прошенія былъ отклоненъ, слезы потекли у меня; скорбь души моей, которая подобна была облаку и наполнила меня мракомъ и тоскою, внезапно превратилась въ потокъ слезъ, излившихся изъ моихъ глазъ. Когда видятъ свои слова безсильными для еписканія помплованія, тогда естественно, что прибѣгаютъ къ мольбамъ и слезамъ; въ нихъ надѣются еще на нѣкоторую помощь, даже когда не могутъ льстить себя подобною надеждою. Но тѣ, которые проявили въ отношеніи ко мнѣ столько жестокости, не оставили меня въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока не достигли того, чего желали, хотя это было противоположно моей волѣ. Такимъ то образомъ я сталъ игралищемъ бурь, и предавъ

¹⁾ Историчи-враги Фотія согласны съ этимъ.

свое дѣло суду Единого Бога, Который знаетъ все. Но этого *было слишкомъ достаточно*, какъ говоритъ поговорка».

«Но такъ какъ общеніе вѣры составляетъ собою благо, и такъ какъ оно по преимуществу служитъ источникомъ истинной любви, то для заключенія съ вашею святостію чистаго и ненарушимаго союза, мы рѣшились кратко начертить, какъ бы на мраморѣ, нашу вѣру, которая въ тоже время есть и ваша вѣра. Посредствомъ этого мы скорѣе достигнемъ дѣйствія вашихъ горячихъ молитвъ и представимъ вамъ лучшее свидѣтельство нашей расположенности къ вамъ».

Фотій представляетъ затѣмъ свое исповѣданіе вѣры, съ вѣрностію и глубиною, достойными величайшаго богослова. Онъ излагаетъ въ немъ основныя истины христіанства о таинствахъ Троичности, Воплощенія и Искупленія. Онъ принимаетъ семь вселенскихъ соборовъ и выражаетъ въ немногихъ словахъ, но съ замѣчательною правильностію ученіе, определенное на нихъ. Далѣе онъ прибавляетъ:

«Таково исповѣданіе моея вѣры относительно предметовъ принадлежащихъ ей и вытекающихъ изъ нея; въ этой вѣрѣ пребываетъ моя надежда. Она принадлежитъ не мнѣ одному, но раздѣляется всѣми тѣми, которые желаютъ жить въ благочестіи, которые хранятъ въ себѣ божественную любовь, и рѣшились соблюдать христіанское ученіе чистымъ и неповрежденнымъ. Такимъ образомъ, заключая письмо о моемъ исповѣданіи вѣры и сообщая вашему святѣйшеству обо всемъ, что касается меня, я начерталъ какъ бы на мраморѣ все то, что выразилъ своими словами. Какъ сказано нами, мы имѣемъ нужду въ вашихъ молитвахъ, дабы Богъ былъ близокъ къ намъ и милостивъ ко всѣмъ нашимъ предпріятіямъ; дабы даровалъ намъ благодать вырвать изъ церковнаго словія всякій корень соблазна и всякій камень преткновенія; дабы мы хорошо могли пасти тѣхъ, которые намъ ввѣрены; дабы множество нашихъ грѣховъ не пренятствовало нашему стаду преуспѣвать въ добродѣтеляхъ и тапмъ образомъ не дѣлало бы нашихъ прегрѣшеній еще болѣе многочисленными; дабы я всегда поступалъ и говорилъ вѣрующимъ такъ, какъ надобно; дабы съ своей

стороны они всегда были покорны и послушны въ отношеніи къ тому, что касается ихъ спасенія; дабы по милости и благодати Христа, Который есть глава всѣхъ, они непрестанно возрастали въ Немъ, Ему же да будетъ слава и царствіе со Отцемъ и св. Духомъ, въ Троицѣ еднносущной и Источникѣ жизни, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Это посланіе есть прекрасный памятникъ православія и во всѣхъ отношеніяхъ достойно великаго писателя и великаго епископа.

Враги Фотія заявляютъ, будто существовало еще какое-то посланіе писанное имъ къ папѣ, которое было произведеніемъ лицемѣрія, такъ какъ въ немъ Фотій будто-бы старался склонить папу на свою сторону средствами недостойными и преимущественно выраженіемъ своей сильной ревности противъ иконоборцевъ. Но никогда не могли привести ни одной строчки и этого мнимаго посланія. Тѣ, которые предполагали существованіе этого посланія, не подумали о томъ, что епископы не могли имѣть ни малѣйшаго сношенія другъ съ другомъ, не обмѣнявшись предварительно, по обыкновенію, своими общительными грамотами. Въ этомъ обстоятельствѣ, равно какъ и другихъ, ненависть ослѣпила заблуждающихся. Первымъ посланіемъ Фотія къ папѣ было то, которое мы сейчасъ перевели.

Посланіе это было доставлено въ Римъ вмѣстѣ съ письмомъ императора. Николай I воспользовался этимъ случаемъ, чтобы проявить дѣйствіе своего авторитета въ Церкви. Этотъ папа былъ однимъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе способствовали развитію дѣла Адриана I; такъ какъ Адрианъ первый составилъ проектъ превратить епископа римскаго въ верховнаго императора церкви. Иезуитъ Маймбургъ ¹⁾, желая похвалить Николая, утверждаетъ, что: «въ теченіи семилѣтняго своего папствованія онъ вознесъ папскую власть на такую высоту, до которой она еще не достигала, въ особенности въ отношеніи къ императорамъ, королямъ, князьямъ и патриархамъ, и обращался съ ними съ большею строгостію,

¹⁾ Maim. Histoire de schisme des Grecs.

чѣмъ, кто либо изъ его предшественниковъ, каждый разъ, когда видѣлъ нарушеніе правъ своей папской власти!». Этотъ фактъ неоспоримъ, но паперъ Маймбургъ не замѣчаетъ ни исторической важности утверждаемаго факта, ни гибельныхъ послѣдствій развитія папской власти. Онъ не видитъ, что это мнимое развитіе есть радикальное извращеніе и что въ IX столѣтіи папство перестало быть римскимъ патріаршествомъ восьми первыхъ вѣковъ.

Николай не знаетъ того, что совершилось въ Константинополѣ послѣ низложенія Игнатія и избранія Фотія. Онъ знаетъ только, что Фотій былъ міряниномъ въ моментъ этого избранія. Достоверно, что многіе каноны на Западѣ запрещали быстрыя посвященія; эти каноны не были приняты на Востокѣ, и хотя повсюду существовавшее обыкновеніе благопріятствовало посвященіямъ, сообщаемымъ постепенно, но церковная исторія многочисленными примѣрами доказываетъ также, что иногда отступали отъ канонівъ и обычая въ пользу людей выдававшихся своими заслугами и въ виду какихъ либо важныхъ обстоятельствъ. Достаточно вспомнить имена Амвросія Медиоланскаго, Нектарія, Тарасія и Никифора Константинопольскаго, чтобы убѣдиться, что посвященіе Фотія не лишено было прецедентовъ очень почтенныхъ. Но Николай желалъ выставить себя верховнымъ судьей. Въмѣсто того, чтобы скромно отклонить вступленіе въ сношеніе съ новымъ патріархомъ до болѣе подробнаго ознакомленія съ дѣломъ, онъ слѣдующимъ образомъ отвѣчалъ на посланія императора и Фотія:

«Творецъ всѣхъ вещей установилъ главенство божественной власти, которую сей-же Творецъ всѣхъ вещей сообщилъ своимъ избраннымъ апостоламъ; онъ учредилъ солидарность ихъ на твердой вѣрѣ князя апостоловъ, т. е. на Петрѣ, которому даровать по преимуществу первый престолъ. Ибо ему Онъ сказалъ со властію Господа: «ты еси Петръ и на семь камней созижду Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей». Петръ, названный этимъ именемъ по причинѣ твердости камня, Который есть Христосъ, не перестаетъ устроить своими молитвами не сокрушимое зданіе вселенской Церкви въ томъ смыслѣ, что правлами истинной вѣ-

ры старается побѣдить безразсудство тѣхъ, которые впадаютъ въ заблужденіе и поддерживаетъ тѣхъ, которые приѣмлютъ эти правила, опасаясь дабы врата ада т. е. внушенія злыхъ умовъ и нападенія еретиковъ, не могли разрушить единства Церкви»¹⁾.

Затѣмъ Николай иритворяется, будто думаетъ, что Михаилъ, пославшій пословъ въ Римъ, этимъ хотѣлъ исполнить слѣдующее правило, постановленное отцами: «безъ согласія святаго престола и римскаго первосвященника не должны быть рѣшаемы ни какіе споры».

Это правило установлено было въ томъ смыслѣ, что въ вопросахъ вѣры не должно быть принимаемо опредѣленіе безъ согласія церковей западныхъ, каковое согласіе обыкновенно передавалось первому престолу западныхъ странъ, а не въ томъ смыслѣ, будто согласіе частнаго престола римскаго и въ частности его епископа безусловно было необходимо. Такимъ образомъ, Николай опирается на заблужденіе и ложно предполагаетъ, будто въ это же заблужденіе впадаетъ и императоръ восточный. Но въ отношеніи къ Востоку собственно, онъ знаетъ какъ ему надобно было держаться. Онъ отвергаетъ затѣмъ избраніе Фотія въ силу каноновъ собора Сардинійскаго и декреталій папъ Целестина, Льва и Геласія, которыхъ онъ называетъ *учителями каволической вѣры*. Ему можно было бы замѣтить, что дѣло идетъ не о *вѣрѣ*, а о вопросѣ дисциплинарномъ и что Востокъ не держался и имѣлъ права не держаться въ этомъ отношеніи дисциплины западной. Адрианъ I запретилъ на всѣ времена избраніе мрянина во епископа. Николай опирается на этотъ прецедентъ. Но онъ не изслѣдуетъ, имѣлъ ли право Адрианъ болѣе, чѣмъ и самъ Николай, постановлять подобное запрещеніе. «Мы желаемъ, пресовокупляетъ онъ, чтобы Игнатій предсталъ предъ нашими послами для объясненія того, почему онъ оставилъ свой народъ, не принявши во вниманіе требованій нашихъ предшественниковъ, св. первосвященниковъ Льва и Бенедикта.... Все должно быть перенесено предъ нашу высочайшую власть, дабы мы опредѣлили апостольскимъ авторитетомъ то, что

¹⁾ Nicol. Epist. 2 et 3, въ *Collection des Consiles P. Labbe*, т. VIII Nat., Alexand. Hist. Eccl. Dissert. т. IV, in Saecul. IX.

надобно сдѣлать, дабы вапа поболеленная Церковь на будущее время была умиротворена и успокоена».

Слѣдую обыкновенію, принятому съ тѣхъ поръ въ римской церкви, Николай не былъ однако же настолько поглощенъ своими обязанностями *верховнаго первосвященника*, чтобы не подумать о матеріальныхъ интересахъ своего престола; вотъ почему онъ писалъ къ императору: «возврати намъ наслѣдственное владѣніе (le patrimoine) Калабріи и Сициліи и всѣ имѣнія нашей церкви, обладаніе которыми было ею приобрѣтено и которыми обыкновенно она управляла посредствомъ своихъ собственныхъ повѣренныхъ; потому что безразсудно то, чтобы церковное имущество, предназначенное для священнодѣйствій и другихъ надобностей церкви Божіей, было похищено у насъ властію земною».

Такимъ образомъ вотъ и мірскія дѣла получаютъ уже религіозное освященіе.

«*Мы желаемъ*, прибавляетъ Николай (это слово естественно пишется его перомъ при каждомъ удобномъ случаѣ), *мы желаемъ*, чтобы нашимъ престоломъ сообщалось было посвященіе архіепископу Сиракузскому, дабы преданіе, установленное апостолами, не было нарушено въ наше время». По-истинѣ этотъ мотивъ единственный, чтобы не свазать больше. Въ IV столѣтіи Сицилія была подчинена патріарху римскому; со времени же паденія Имперіи, эта область находилась во власти Константинопольскаго императора. Но по правилу, принимаемому въ Церквѣ во всѣ времена, церковныя округа должны были видоизмѣняться, сообразно съ видоизмѣненіемъ гражданскихъ округовъ. Такимъ образомъ, въ силу этого правила Сиракузы должны были зависѣть отъ Константинополя, а не отъ Рима. Николай *не желалъ* этого; но и апостолы, на которыхъ онъ ссылается, конечно никогда не подчиняли Сиракузскаго престола римскому ¹⁾.

1) Если престоль Сиракузскій находился въ зависимости отъ Рима, то Григорій, епископъ этого престола, не могъ быть ни судимъ, ни осуждаемъ Игнатіемъ. Такимъ образомъ падаютъ всѣ обвиненія, возбужденныя противъ этого лица, посвящавшаго патріарха Фотія.

Письмо къ Фотію было только сокращеніемъ письма, отосланнаго къ императору. Николай только избѣгаетъ заносчивыхъ выраженій, которыя мы подчеркнули въ письмѣ къ новому патріарху. Онъ обращается къ Фотію, какъ къ простому мірянину, не усвоивъ ему никакого епископскаго достоинства, хотя долженъ бы признать законность его посвященія. Это притворство маскируетъ слѣдующую мысль: будто никакой епископъ не можетъ усвоить себѣ епископскихъ правъ безъ согласія на то римскаго первосвященника.

Древніе папы не говорили подобнымъ языкомъ ни съ императорами, ни съ своими собратьями—епископами. Среди обстоятельствъ когда они обязаны были выступить для защиты вѣры или дисциплины, они не выставляли себя верховными судьями и не усвоили себѣ высочайшей власти; они ссылались на преданія, на каноны, они не дѣлали ничего безъ собора и не смѣшивали мірскихъ дѣлъ съ духовными. Мы указали на первые шаги папства по новому пути и на попытки папъ испровергнуть древнее право. Николай I призналъ себя уже въ состояніи заявить новыя притязанія, возвышающіяся надъ преимуществами древними и неоспоримыми. Такимъ образомъ онъ заслуживаетъ быть помѣщеннымъ между Адрианомъ I, истиннымъ основателемъ современнаго папства, и Григоріемъ VII, вознесшимъ это папство до высочайшей степени. Но ложныя декреталіи не были извѣстны на Востоѣ. Николай I вмѣсто того, чтобы ссылаться на общія начала вселенскихъ соборовъ, приводитъ декреталіи своихъ предшественниковъ, какъ будто бы римскіе епископы могли издавать вселенскіе законы. Фотій напомнилъ ему объ истинныхъ началахъ съ такою же точностію, какъ и умѣренностію, въ своемъ второмъ письмѣ.

Когда легаты Николая прибыли въ Константинополь, то въ этомъ городѣ созванъ былъ соборъ, на которомъ присутствовало триста двадцать восемь епископовъ, и засѣдали легаты. Игнатій былъ призванъ на судъ предъ это собраніе и былъ торжественно низложенъ: во-первыхъ потому, что онъ былъ назначенъ свѣтскою властію, а не избранъ сообразно съ канонами; во-вторыхъ потому, что вошелъ въ злоумышленіе и заговоръ противъ императора.

Враги Фотія сдѣлали изъ этихъ трехсотъ двадцати восьми епископовъ, разсуждавшихъ публично и въ присутствіи значительной толпы народа, столькихъ же измѣнниковъ, подеупленныхъ дворомъ. Мы съ трудомъ вѣримъ, чтобы столь многіе епископы были до такой степени продажны въ своей совѣсти, чтобы ни одинъ изъ нихъ не почувствовалъ угрызенія ея, и чтобы народъ не протестовалъ противъ подобнаго позора. Трудно себѣ представить подобное потворство трехсотъ двадцати восьми епископовъ, окруженныхъ толпою клириковъ и народа; намъ представляется болѣе вѣроятнымъ, что Игнатій, не смотря на свои добродѣтели, былъ возведенъ въ патриаршество, не столько по избранію, сколько по вліянію властей,—и ради своего благороднаго происхожденія, какъ его упрекали въ этомъ,—и что онъ былъ скомпроментированъ, безъ сомнѣнія вопреки собственному желанію, въ политической интригѣ. Мы не имѣемъ никакаго основанія подозрѣвать чистоту его намѣреній, но не былъ ли онъ игрушкою нѣкоторыхъ честолюбцевъ, и не по причинѣ ли ихъ позорнаго вліянія онъ не подражалъ величію души и истинно епископскому отреченію Златоуста?

Такимъ образомъ, Игнатій былъ во второй разъ низложенъ на огромномъ соборѣ (въ 861 году). Онъ апеллировалъ къ папѣ, но его жалоба была подписана только шестью митрополитами и пятнадцатью епископами.

На этомъ соборѣ снова были осуждены иконоборцы и постановлены были многіе каноны относительно клира и монаховъ.

По окончаніи собора легаты возвратились въ Римъ. Спустя немного времени послѣ прибытія ихъ туда, императорское посольство доставило акты собора и письмо Фотія слѣдующаго содержанія:

«Святѣйшему изъ всѣхъ и освященнѣйшему собрату и сослужителю Николаю, папѣ древняго Рима, Фотій, епископъ Константинополя, новаго Рима».

«Ничто столько не досточтимо и не славно, какъ любовь; эта истина подтверждается всѣмъ священнымъ писаніемъ. То, что разделено, любовью воссоединяется,—и борьба умиротворяется; а то, что уже соединено и внутренно связано, скрѣпляется еще тѣснѣе.

Любовь преграждаетъ всё пути къ возмущеніямъ и внутреннимъ раздорамъ; потому что она не мыслить зла, но терпитъ все; она надѣется на все, переноситъ все и, по ученію блаженнаго Павла, никогда не прекращается».

«Она примиряетъ виновныхъ рабовъ съ своими господами, указывая послѣднимъ на тождество человѣческой природы, и этимъ ослабляя виновность рабовъ. Она учитъ рабовъ переноситъ съ кротостію гнѣвъ своихъ господъ, и утѣшаетъ ихъ при неравенствѣ (жизненныхъ) условій примѣромъ тѣхъ, которые равнымъ образомъ переносятъ это же неравенство. Она смягчаетъ гнѣвъ родителей въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ и къ ихъ ропоту; она дѣлаетъ изъ отеческой любви могущественное оружіе, охраняющее ихъ и прекращающее въ недрахъ семействъ тѣ раздоры, которыхъ ужасается природа. Она легко полагаетъ конецъ спорамъ возникающимъ между друзьями, и она же заставляетъ ихъ поддерживать добрыя отношенія дружбы. Что же касается тѣхъ, которые имѣютъ одинаковыя мысли о Богѣ и о предметахъ божественныхъ, то хотя бы они были раздѣлены пространствомъ и хотя бы никогда не видѣли другъ друга, она объединяетъ ихъ и отождествляетъ въ мысли и дѣлаетъ изъ нихъ истинныхъ друзей; и если случайно одинъ изъ нихъ очень не осмотрительно вноситъ обвиненія противъ другаго, она врачуетъ все, возстановляетъ всё отношенія, скрѣпляя союзъ единенія».

Эта картина благодѣяній любви была направлена противъ Николая, который не сохранилъ ея въ отношеніи къ Фотію и который оказался очень ревностнымъ въ своихъ упрекахъ по отношенію къ нему. Патриархъ Константинопольскій продолжаетъ:

«Эта то любовь безъ труда дала мнѣ возможность перенести упреки, которые ваша отеческая святость направила противъ меня, какъ стрѣлы; она воспренятствовала мнѣ признать ваши слова плодомъ гнѣва или духа, жаждущаго нанесенія обидъ и возбужденія не дружелюбія; она, напротивъ, побудила меня смотрѣть на нихъ, какъ на доказательство расположенности, не умѣющей притворяться, какъ на доказательство строгой ревности по церковной

дисциплинѣ,—ревности, стремящейся къ тому, чтобы все было совершенно. Ибо если любовь не позволяетъ признавать даже зла зломъ, то какимъ образомъ позволить она признать подобныя отношенія зломъ? Такова природа истинной любви; она простирается до признанія за благодѣяніе даже того, что намъ причиняетъ скорбь. Но поелику ничто столько не противоположно добрымъ отношеніямъ между братьями, или между отцами и сыновьями, какъ умолчаніе истины (въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть дружественнѣе истины?), то да позволено будетъ мнѣ говорить и писать вамъ съ полною свободою, но съ намѣреніемъ защититься».

«Будучи совершеннымъ, какимъ вы есте, вы должны были бы съ самаго начала подумать, что насъ принудили возложить на себя иго вопреки нашему желанію и слѣдовательно должны были бы явить милосердіе къ намъ вмѣсто того, чтобы упрекать насъ; вы должны были бы не призирать насъ, но сострадать нашей скорби. Въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи къ тѣмъ, которые бывають принуждаемы силою, надобно питать милосердіе и доброту, а не оказывать имъ оскорбленіе и презрѣніе; но мы были принуждены силою, какъ это извѣстно единому Богу, который знаетъ дѣла саяма сокровенныя; мы были принуждены вопреки нашему желанію, мы были подъ надзоромъ, окружены шпионами, какъ преступникъ; вопреки нашему желанію, насъ подвергли голосованію; насъ сдѣлали епископомъ, не смотря на наши слезы, мольбы, тоску и наше отчаяніе. Весь міръ знаетъ, что это такъ было: потому что эти дѣла совершались не подъ секретомъ и дѣйствіе насилія, которому я подпалъ, было такъ публично, что все люди это знаютъ. Какъ! не должно ли скорѣе сожалѣть и утѣшать сколько возможно тѣхъ, которые претерпѣли столь тяжкое насиліе, вмѣсто того, чтобы нападать на нихъ, злословить и подвергать оскорбленіямъ? Я лишился жизни тихой и спокойной; я потерялъ мою славу (потому что она существуетъ для тѣхъ, которые любятъ мірскую славу), я потерялъ мои дорогіе досуги, мои отношенія столь чистыя и столь пріятныя съ моими друзьями, тѣ отношенія, среди которыхъ были изгнаны печаль, хитрость и упреки; никто

не питалъ ко мнѣ ненависти; и я никого не осуждалъ, ни къ кому не относился я враждебно, ни къ иностранцамъ, ни къ бѣднымъ; я не имѣлъ ничего противъ тѣхъ, которые находились въ менѣе близкихъ сношеніяхъ со мною, а тѣмъ болѣе—противъ моихъ друзей. Я никогда не причинялъ никому огорченій, которыя вызывали бы въ отношеніи ко мнѣ оскорбленія, за исключеніемъ тѣхъ опасныхъ случаевъ, когда я спѣшилъ на защиту религіи ¹⁾. Никто также не оскорблялъ меня до такой степени, чтобы я вынужденъ былъ впасть въ несправедливость въ отношеніи къ своему оскорбителю. Все было хорошо въ моихъ глазахъ. Что же касается моего поведенія, то я долженъ молчать о немъ, но каждый можетъ сказать громко, каково оно было. Мои друзья любили меня больше, чѣмъ своихъ родителей; что же касается моихъ родителей, то они любили меня больше, чѣмъ другихъ членовъ моего семейства, и знали, что и я люблю ихъ больше всѣхъ».

Сами враги Фотія вынуждены согласиться, что его жизнь была посвящена наукамъ; что онъ обладалъ, какъ первый секретарь государства, величайшими почестями, о которыхъ только когда либо могъ честолюбиво мечтать. Какъ же согласить эти признанія враговъ съ неудержимою любовію къ епископству, которую ему присвояютъ? Гораздо ближе будемъ къ истинѣ, когда будемъ видѣть въ его посланіяхъ истинныя выраженія его чувствъ. Онъ сопротивлялся, сколько могъ, своему епископскому назначенію и только насиліе со стороны императора и Варды принудили его вступить на престолъ, который нѣкто лучше его не могъ занимать ²⁾.

Представивши затѣмъ столько же истинную, какъ и краснорѣчивую параллель между тишиною своей жизни, какъ ученаго челоуѣка, и заботами новой жизни, къ которой его принудили, Фотій продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Фотій намекаетъ здѣсь на сопротивленіе, которое онъ противопоставилъ иконоборчествующимъ императорамъ и ихъ единомышленникамъ.

²⁾ Когда мы проанализируемъ всю переписку Фотія, то не останется никакого сомнѣнія въ искренности и въ благородствѣ чувствъ этого святаго и ученаго патріарха.

«Но для чего возвращаться въ тѣмъ предметамъ, о которыхъ я уже писалъ? Если мнѣ повѣрили, то меня обижаютъ, не оказывая въ отношеніи ко мнѣ милосердія; если же мнѣ не повѣрили, то мнѣ не оказываютъ ни малѣйшей обиды, не давая вѣры моимъ словамъ, хотя я сказалъ истину. Итакъ въ обоихъ случаяхъ я несчастливъ; я выслушалъ упреки, откуда ожидать утѣшенія и ободренія; такимъ образомъ скорбь присоединена къ скорби. Но мнѣ замѣтятъ, не слѣдовало бы, чтобы вамъ наносили обиду. Но скажите это тѣмъ, которые обидѣли меня.—Не слѣдовало бы, чтобы вамъ причинили насиліе.—Правило прекрасное, но кто заслуживаетъ вашего упрека? Не тѣ-ли, которые причинили насиліе? Кто же заслуживаетъ милосердія? Не тѣ-ли это, которые подверглись насилію? Если бы кто либо, оставивъ въ покоѣ причиняющаго насиліе, сталъ обвинять въ немъ того, кто подвергается насилію, то я ожидалъ бы отъ вашей справедливости, что вы осудили бы подобнаго человѣка».

«Скажутъ, что каноны церковные нарушены, потому что съ мірской степени вы достигли высшей степени священства. Но кто же нарушилъ ихъ? Тотъ-ли, кто прибѣгъ къ насилію, или тотъ, кто былъ увлеченъ силою и вопреки собственному желанію?—Но человѣкъ этотъ долженъ былъ бы сопротивляться.—До какой же степени?—Я сопротивлялся и даже болѣе, чѣмъ слѣдовало. Если бы я не побоялся возбудить величайшую бурю, то я сопротивлялся бы еще, я сопротивлялся бы до смерти. Да что же наконецъ это за каноны, о которыхъ утверждаютъ, что они нарушены? Это суть каноны, которые до настоящаго дня не приняты въ Константинопольской церкви; но каноны нарушаютъ лишь тогда, когда объявляются ихъ сохранять; когда же вамъ не сообщаютъ ихъ, тогда вы не совершаете никакого грѣха, когда не сохраняете ихъ».

«Я сказалъ объ этомъ достаточно и даже больше, чѣмъ слѣдовало-бы; потому что я не заявляю притязанія ни защититься, ни оправдаться. Какъ могу я защищаться, когда единственный предметъ, котораго я домогаюсь, состоитъ въ освобожденіи отъ смуты, въ снятіи наложенной на меня тяжести? Только съ этой точки

зрѣнія я желалъ этого престола, съ этой же точки зрѣнія я рѣшаюсь удерживать его».

«Но если епископскій престолъ составляетъ для васъ теперь бремя, то онъ не былъ такимъ съ самаго начала?»

«Я взошелъ на него вопреки своему желанію и остаюсь на немъ тоже вопреки своему желанію. Доказательствомъ этого служитъ то, что съ самаго начала надо мною совершили насиліе, а также и то, что съ самаго начала я желалъ, какъ желаю и теперь, оставить его».

«Но будучи обязаны ко мнѣ писать вѣжливо, не могли однакоже писать съ добротою и съ похвалою».

«Мы приняли все, что было намъ сказано, съ радостію и съ благодарностію къ Богу, управляющему церковію». — Мнѣ сказали: «вы взошли на престолъ изъ состоянія мірскаго, а это дѣло не похвальное; вотъ почему мы остаемся въ нерѣшительности и отложили дать наше согласіе до возвращенія нашихъ апокрисіаріевъ»¹⁾. Лучше было бы написать: «Мы не сочувствуемъ тебѣ совершенно, мы не одобряемъ тебя, мы не принимаемъ тебя и никогда не примемъ. Тотъ кто пожертвовалъ собою для этого престола, кто купилъ этою жертвою епископство, кто не имѣетъ въ пользу своего избранія правильнаго голосованія, тотъ дурной человекъ во всѣхъ отношеніяхъ. Оставь этотъ престолъ и пастьскія обязанности». Тотъ, кто написалъ бы мнѣ подобнымъ образомъ, написалъ бы вещи пріятныя, хотя по большей части

¹⁾ Аббатъ Яжеръ въ своей мнимои Histoire de Photius (кн. III, стр. 64, изд. 1854 г.) приводитъ этотъ анализъ письма Николая, какъ увѣреніе самаго Фотія. Поэтому онъ замѣчаетъ: *новая ложь!* А прежде и на той-же страницѣ онъ пишетъ слѣдующія два слова: *безстыдная ложь!*—*Это значитъ снова мать!*—выражается онъ въ третій разъ, желая характеризовать увѣренія Фотія, утверждающаго, что онъ удерживаетъ за собою Константинопольскій престолъ вопреки своей волѣ и желаетъ одного только, чтобы оставить его. Подобныи примѣчанія Яжера не достойны писателя уважающаго самого себя. Даже болѣе. Прежде чѣмъ упрекать Фотія въ третьей лжи, этотъ писатель долженъ былъ бы позаботиться по пять его слова; такимъ образомъ, онъ не принялъ бы за лжяныя увѣренія Фотія анализъ письма пана, который въ самомъ дѣлѣ хорошо сказалъ, что отлагаетъ свое согласіе до возвращенія своихъ легатовъ.

ложныя. Но надобно-ли было, чтобы тотъ, кто перенесъ обиду принятіемъ епископства, потерпѣлъ еще другую чрезъ оставленіе его? Чтобы тотъ, кто былъ принужденъ насиліемъ, былъ низложенъ еще большимъ? — Кто питаетъ подобныя чувства и имѣлъ подобныя мысли, тотъ вовсе не заботился объ опроверженіи клеветы, направленной только въ лишенію его епископскаго престола. Но довольно объ этомъ предметѣ.

Въ остальной части своего письма Фотій очень пространно объясняетъ, что Церковь не должна осуждать обычаи другой церкви, если только эти обычаи не противорѣчатъ ни вѣрѣ, ни канонамъ вселенскихъ соборовъ. Онъ оправдываетъ свое посвященіе слѣдующими правдами и примѣрами своихъ святыхъ предшественниковъ: Нектарія, Тарасія, Никифора, равно какъ примѣрами св. Амвросія, св. Григорія, отца Богослова, и Фалласія Кессарійскаго. Онъ извѣщаетъ Николая, что на послѣднемъ соборѣ, происходившемъ въ присутствіи его легатовъ, были приняты многія дисциплинарныя правила, постановленныя соборомъ и кажушіяся полезными. Онъ хвалитъ папу за его любовь къ сохраненію каноновъ и прославляетъ его за это тѣмъ болѣе, что при обладаніи *первенствомъ* (*primauté*), его примѣръ является самымъ могущественнымъ. Онъ пользуется случаемъ заявить ему въ концѣ своего посланія, что большое число виновныхъ подъ предлогомъ нигиримства отираются въ Римъ, чтобы тамъ скрывать свои преступленія подъ ложною наружностію благочестія. Такимъ образомъ онъ проситъ его сохранять въ этомъ отношеніи каноны, предшесывавшіе, чтобы каждый епископъ принималъ въ общеніе только тѣхъ, которые снабжены рекомендательными грамотами своего собственнаго епископа.

Такимъ образомъ во все время упрекали Римъ въ томъ, что онъ служитъ убѣжищемъ для лицебрныхъ преступниковъ. Французская церковь часто писала папамъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ писалъ Фотій въ данномъ случаѣ.

Посланіе патріарха не могло быть пріятнымъ Николаю; потому что въ формахъ вѣжливыхъ и изящныхъ оно содержало справед-

ливый урокъ. Фотій не говоритъ въ немъ ни одного оскорбительнаго слова, не усволяетъ себѣ почетнаго титула *вселенскаго* патріарха; онъ признаетъ *первенство* римскаго престола; но онъ нисколько не льститъ честолюбію новаго папы; онъ не унижается, и его мягкость рѣшительно не исключаетъ твердости. Такой противникъ былъ болѣе опасенъ для Николая, чѣмъ человекъ вспыльчивый и честолюбивый. Въмѣсто того, чтобы оспаривать права, усвояемыя папою себѣ, въ отношеніи къ нѣкоторымъ церквамъ Константинопольскаго патріарха, онъ пишетъ ему: «мы уступили бы вамъ ихъ, если-бы это зависѣло отъ насъ; но такъ какъ дѣло касается земель и границъ, то это есть уже дѣло государства. Что же касается меня, то я не только желалъ бы возвратить другимъ принадлежащее имъ, но готовъ былъ бы еще уступить имъ часть церквей, издревле подчиненныхъ этому (Константинопольскому) престолу. Я былъ бы обязанъ тому, кто облегчилъ бы меня отъ нѣкоторой части моей тяжести».

Нельзя лучше отвѣчать папѣ, который мечталъ о распространеніи своей власти всѣми средствами. Но Николай не воспользовался этимъ урокомъ столько же справедливымъ, какъ и умѣреннымъ. Онъ не захотѣлъ повѣрить ни своимъ легатамъ, ни актамъ собора, представленнымъ ему; онъ даже объявилъ послу Льва, присланному къ нему, что вовсе не посылать легатовъ именно для низложенія Игнатія, или для одобренія назначенія Фотія; что онъ никогда не сочувствовалъ и никогда не будетъ сочувствовать ни первому, ни второму дѣлу.

Такимъ образомъ Николай выставилъ себя рѣшителемъ (*arbitre*) законности епископовъ, забывая, что сообразно съ канонами онъ сохранялъ только свободу войти, или не войти въ общеніе съ тѣмъ или другимъ епископомъ. Понятно то, что прежде своихъ сношеній съ Фотіемъ, онъ имѣлъ надобность въ положительныхъ свѣдѣніяхъ о законности его избранія; но сообразно съ законами церковными самая законность не зависѣла отъ воли папы; ему принадлежало только сужденіе о правильности приговора надъ Игнатіемъ и сужденіе о правильности избранія Фотія. Соборъ, состояв-

шій изъ трехсотъ двадцати восьми епископовъ, всенародно одобрилъ это избраніе и признать изложеніе Игнатія. Легаты были свидѣтелями этого дѣла; они подтверждали то, что сами видѣли и слышали; казалось этого было достаточно, чтобы Николай могъ рѣшиться войти въ общеніе съ такимъ епископомъ, который по своимъ уважаемымъ нравамъ и своимъ познаніямъ былъ достоинъ епископства. Но принявши сторону Игнатія, Николай усвоилъ себѣ верховную власть. Эта перспектива очень льстила его склонностямъ и онъ не могъ отказаться отъ нея. Онъ созвалъ римскій клиръ, чтобы торжественно не признать своихъ легатовъ. Послѣ этого онъ отправилъ императору, Фотію и всей Восточной Церкви письма, служащія памятникомъ его гордости. Мы должны сдѣлать ихъ извѣстными, чтобы можно было сравнить ихъ ученіе съ ученіемъ первыхъ восьми вѣковъ, и такимъ образомъ убѣдиться, что папство оставило это послѣднее ученіе, замѣнивши его автократическою системою, которую Восточная Церковь не могла принять ¹⁾. Въ началѣ своего письма къ императору Михаилу, онъ предполагаетъ, будто этотъ государь обратился: «къ святой, каѳолической и апостольской церкви римской, первенствующей (главѣ) церкви среди всѣхъ церквей, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ пользующейся чистымъ авторитетомъ св. отцевъ», дабы узнать, какъ надобно поступать среди своихъ церковныхъ обстоятельствъ. Николай не опускаетъ ни одного случая повторять эти громкія фразы, доказывающія совершенно противоположное тому, что онъ утверждаетъ; потому что отцы не говорили ихъ. Переходя къ дѣлу Игнатія, онъ жалуется на то, что Игнатію высказано осужденіе вопреки *его* (папы) *приказаніямъ*; что не только не сдѣлали ничего изъ того, что онъ *предписывалъ*, но сдѣлали нѣчто совершенно противоположное. «Итакъ, прибавляетъ онъ, такъ какъ вы поддерживаете Фотія и отвергаете Игнатія безъ суда нашего апостольства, то мы желаемъ, чтобы хорошо знали, что мы не принимаемъ Фотія и не осуждаемъ патріарха Игнатія».

¹⁾ Nicol., Epist. 5 et 6.

Вотъ подлинно рѣчь владыки. Вслѣдъ за этимъ онъ старается найти частныя различія между назначеніемъ Нектарія и Амвросія и назначеніемъ Фотія. Но эти различія, даже если принять ихъ таковыми, какими выставляетъ ихъ папа, по своей природѣ не могли уничтожать положительный законъ, когда его признаютъ абсолютнымъ и неподпадающимъ исключеніямъ.

Его письмо къ весьма благоразумному человеку—Фотію—начинается слѣдующимъ торжественнымъ образомъ:

«Послѣ того, какъ Господь и Искупитель нашъ Иисусъ Христосъ, который былъ истиннымъ Богомъ прежде вѣковъ, благоволилъ воплотиться отъ Пресвятой Дѣвы для нашего спасенія и благоволилъ явиться истиннымъ человекомъ въ мірѣ, Онъ ввѣрилъ блаженному Петру, князю апостоловъ, власть вязать и рѣшить на небѣ и на землѣ, и даровалъ право открывать врата царствія небеснаго; Онъ благоволилъ учредить Свою Св. Церковь на твердости вѣры этого апостола, какъ это подтверждается слѣдующимъ истиннымъ словомъ: *«и Азъ тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь Мою и врата ада не одолютъ ей. И дамъ ти ключи Царства Небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на Небесахъ; и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на Небесахъ»*.

Вотъ тотъ великій аргументъ, на которомъ современное папство постоянно опирается. Оно открыто отвергаетъ традиціонное и вселенское толкованіе этихъ божественныхъ словъ; оно дѣлаетъ изъ правъ, усвоенныхъ всѣмъ апостоламъ вмѣстѣ, исключительное и личное право св. Петра; оно поставляетъ себя, вопреки всѣмъ церковнымъ правиламъ и въ силу святотатственнаго произвола, единственнымъ наследникомъ (мнимыхъ) преимуществъ и, на этихъ живыхъ и шаткихъ основаніяхъ, заявляетъ притязаніе построить зданіе всемірной автократіи. Таково было притязаніе противопоставленное Николаемъ Фотію; и еще хотятъ, чтобы этотъ патріархъ, знавшій церковную древность, подчинился такому авторитету! Нѣтъ, онъ долженъ былъ протестовать, какъ онъ и сдѣлалъ это. И, если бы Богу было угодно, чтобы всѣ епископы католической

Церкви подражали ему въ его смѣлости, столько же твердой, какъ умѣренной и чистой!

Но вотъ комментарий Николая къ приведеннымъ имъ евангельскимъ словамъ: «Согласно съ этимъ общаніемъ, при посредствѣ цемента святаго апостольскаго устройства, фундаментъ зданія, составленный изъ прекрасныхъ камней, началъ возвышаться и по милости Божіей, ревностію строителей и попеченіемъ апостольской власти, достигъ вершины, чтобы стоять всегда, нисколько не опасаясь жестокости вѣтровъ. Блаженный Петръ, князь апостоловъ и вратарь царствія небеснаго, удостоился въ этомъ зданіи *первенства*, какъ это извѣстно всѣмъ православнымъ и какъ это сейчасъ было объявлено». Въ самомъ дѣлѣ, никто между православными не отвергаетъ *первенства* св. Петра; но это первенство сообщало ли ему верховную власть? «Нѣтъ» — отвѣчаетъ католическое преданіе. «Да» — отвѣчаетъ Николай, который продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: «Послѣ него (т. е. св. Петра), *его викарии*, служа Богу съ искренностію, будучи свободными отъ густаго мрака, препятствующаго идти прямымъ путемъ, самымъ высокимъ образомъ приняли на себя заботу пасти стадо Господне, и исполнили этотъ долгъ тщательно. Къ числу ихъ милосердіе всемогущаго Бога удостоило причислить и наше ничтожество; но мы трепещемъ при мысли, что дадимъ отвѣтъ Иисусу Христу *прежде всѣхъ и за всѣхъ*, когда Онъ потребуетъ отчета по каждому изъ своихъ дѣлъ».

«Но такъ какъ всѣ вѣрующіе ищутъ наставленія у этой св. римской церкви, первенствующей (главы) всѣхъ церквей; такъ какъ они требуютъ отъ нея неповрежденности вѣры; такъ какъ люди достойные и благодатію Божіею искупленные испрашиваютъ у нея разрѣшенія отъ всѣхъ своихъ преступленій: то необходимо, чтобы мы, принявшіе на себя это бремя, были внимательны и всегда обращали свой взоръ на стадо Господне, тѣмъ болѣе, что существуютъ люди, всегда желающіе растерзать это стадо посредствомъ нанесенія ему жестокихъ ранъ... Несомнѣнно (*il est constant*), что св. римская церковь посредствомъ блаженнаго апостола Петра, князя апостоловъ, удостоившагося услышать изъ устъ самаго Го-

спода *о первенствѣ* надъ церквами, есть вождь (глава) всѣхъ церквей; что къ ней надобно обращаться, когда хотятъ знать правильный порядокъ (*la rectitude et l'ordre*), которому должно слѣдовать во всѣхъ полезныхъ дѣлахъ и во всѣхъ церковныхъ установленіяхъ, хранимыхъ ею неизмѣнно и ненарушимо, въ смыслѣ каноническихъ и соборныхъ правилъ св. Отцевъ. Отсюда слѣдуетъ, что все отвергаемое правителями этого престола, полнотою ихъ власти, должно быть отвергаемо не смотря на всѣ частныя обыкновенія; и что ими повелѣно, должно быть принимаемо твердо и безъ колебаній».

Такимъ образомъ, Николай противопоставляетъ свой верховный авторитетъ правиламъ, которымъ слѣдовала вся древняя Церковь и которая Фотій ему указать. Затѣмъ онъ старается найти частное различіе между избраніями Нектарія, Амвросія и Гарасія и избраніемъ Фотія. Но онъ плохо успѣваетъ въ этомъ отношеніи въ письмѣ своемъ къ Фотію, равно какъ и въ письмѣ къ императору Михаилу, и проходитъ молчаніемъ другіе примѣры, упоминаемые Фотіемъ.

Въ своихъ письмахъ къ патріархамъ и къ вѣрующимъ Востока ¹⁾ Николай выражаетъ тоже ученіе о своей власти. Онъ приказываетъ патріархамъ: Александрійскому, Антиохійскому и Іерусалимскому сообщить вѣрующимъ о рѣшеніи своего апостольскаго престола.

И—нъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Nicol., *Epist.* 1 et 4.

ГИМНЫ ПРУДЕНЦІА

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ.

(Окончаніе *).

XIII.

Страданіе блаженнаго мученика Кипріана.

Карфагенская страпа произвела того, отъ котораго блистаетъ все въ мірѣ, именно, Кипріана, урожденца ея, но красу и учителя всей вселенной. Какъ мученикъ, онъ принадлежитъ отечеству ¹⁾, но любовію и устами есть нашъ ²⁾; (пролитая) кровь его пребываетъ въ Ливіи ³⁾, но повсюду могущественно дѣйствуетъ языкъ: одинъ (изъ членовъ тѣла), пережившій (всѣ остальные), одинъ онъ не знаетъ смерти ⁴⁾. Доколѣ Христосъ допускаетъ существованіе рода человѣческаго и процвѣтаніе міра, доколѣ есть какая либо книга, доколѣ остаются хранилища священныхъ писаній, (доколѣ) всякій, кто любитъ Христа, будетъ читать тебя, Кипріанъ, и изучать твои писанія. Тотъ (Самый) Духъ, Который вдохновлялъ пророковъ,

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 23.

1) Т. е. Карфагену, въ которомъ пріямъ мученическую кончину (ст. 51. 71).

2) Нашимъ т. е. Испанцемъ называетъ Кипріана поэтъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, наставительное письмо Кипріана (epist. 67) къ кляру и жителямъ нѣкоторыхъ Испанскихъ городовъ, именно Леона, Асторги и Емериты.

3) Выраженіе «Ливія» употреблено вмѣсто «Карфагенъ» (ср. Virgilii: Aen. IV. 160 sqq.).

4) Краснорѣчіе Кипріана прославляетъ поэтъ и въ Per. IV, 18: ore facundo Cypriane doctor.

облагодатствовать и тебя свыше потоками краснорѣчія. О, слово, чистѣйшее свѣта! О, необыкновенное мудрствованіе! Какъ амвросія, оно смягчаетъ сердце, напаяетъ уста, проникаетъ въ жилище души, согрѣваетъ умъ и входитъ въ члены; такимъ образомъ⁵⁾ глубже чувствуется и въ умъ глубже виѣдряется Богъ. Отецъ (Небесный)! Открой: откуда⁶⁾ Ты даровалъ землѣ (это) неожиданное сокровище!... Не имѣли краснорѣчиваго изъяснителя апостольскія писанія; (я вотъ) мощный краснорѣчіемъ мужъ избирается для наученія міра и для глубочайшаго изъясненія писаній Павла, дабы грубыя сердца людей, просвѣтившись (черезъ это), уразумѣли какъ дѣло страха, такъ и таинства и глубины Христовы⁷⁾. Былъ одинъ юноша, весьма изощренный въ злыхъ искусствахъ; онъ обманомъ сокрушалъ стыдливость и презиралъ все святое: часто даже волхвовалъ на гробницахъ⁸⁾, дабы разрушать супружескіе союзы. Внезапно Христосъ обуздываетъ таковое развращеніе, удаляетъ отъ сердца мракъ и нечестовство, наполняетъ любовію къ Нему, поселяетъ вѣру, научаетъ стыдиться содѣяннаго (зла). Даже и виѣшній видъ (юноши) становится иной, чѣмъ былъ прежде: пропадаетъ тонкость кожи, появляется строгость, обрѣзываются длинные, ниспадающіе съ головы волосы. Говоритъ уже (юноша) скромно, стремится къ надеждѣ (на спасеніе), держится руководства (вѣры), живетъ правдою Христовою, изслѣдуетъ наше ученіе. И вотъ, вслѣдствіе этихъ похвальныхъ качествъ, какъ достойнѣйшій учитель, возводится даже на епископскій престолъ, занимаетъ верховную кафедру. (Въ то время) властвительствовалъ (въ мірѣ) Валеріанъ вмѣстѣ съ Галліеномъ. Отъ нихъ было постановлено: наказывать смертью всѣхъ

⁵⁾ Т. е. при помощи того слова и того мудрствованія.

⁶⁾ Т. е. изъ какого состоянія.

⁷⁾ Выраженіемъ «дѣло страха» (*opus timoris*) обозначается Ветхій Заветъ, когда люди жили подъ страхомъ, а выраженіемъ «таинства и глубины Христовы» (*mystica vel profunda Christi*)—Новый Заветъ, въ которомъ открылись глубины Премудрости и Благости Божіей. Апостолъ Павелъ особенно часто и особенно полно раскрывалъ отношеніе Ветхаго Завета къ Новому.

⁸⁾ Разумѣется особый способъ волхвованія, довольно распространенный въ древности, именно волхвованіе по мертвецамъ или чрезъ вызываніе тѣней усопшихъ. Всего чаще волхвовали таиннымъ образомъ на кладбищахъ.

исповѣдующихъ (Истиннаго) Бога. (Но) между тѣмъ какъ сими (властителями) повелѣвалось воздавать (божеское) почитаніе гнуснѣйшимъ тварямъ разнаго рода, Кипріанъ, просвѣщенный провозвѣстникъ (ученія Христа), убѣждаетъ свой народъ, дабы никто не уклонялся отъ мужественнаго исповѣданія, дабы въ своей преступной слабости не утратился пожертвовать собою за вѣру, внушаетъ, что мученія легко переносятся, если имѣть въ виду вѣчное будущее, обѣтованное отъ Бога мужамъ доблестнымъ, что цѣною скорбей покупается надежда на свѣтъ, покупается вѣчное (блаженное) существованіе, все же злое скоро отлетаетъ вмѣстѣ съ крылатымъ временемъ, что отнюдь не тягостно то, что имѣетъ конецъ и одаряетъ покоемъ, что онъ (Кипріанъ) положитъ начало въ (исканіи) прекрасной смерти и будетъ вождемъ въ пролитіи крови, что онъ самъ подѣлонитъ голову свою подъ мечъ, самъ отдастъ кровь свою; пусть за нимъ слѣдуетъ, пусть будетъ ему спутникомъ каждый, кто хочетъ приобщить Христу душу свою. Когда сими словами онъ согрѣлъ сердца мужей и приготовилъ (къ исповѣданію Христа), то связанный приводится прежде другихъ къ неистовствующему проконсулу. Есть въ Тирскомъ Карѳагенѣ ⁹⁾ пещера, глубоко вдающаяся (въ землю), темная, какъ тартаръ, недоступная солнцу. Заключенный въ эту пещеру, съ кандалами на обѣихъ рукахъ, Святой Кипріанъ обращается съ молитвою къ Отцу Небесному; «Боже, Всемогуцій Родителю Христа и Творче міра, и «Ты, Христе, Создателю челоуѣка, котораго Ты любишь и которому «не даешь погибнуть! ¹⁰⁾ Вотъ предъ Тобою (теперь) Кипріанъ, «котораго, оскверненнаго ядомъ змѣинымъ, Ты, Всеблагій, по милости (Твоей), очистилъ отъ многоразличныхъ злодѣйствъ и повелѣваешь уже быть Твоимъ, Кипріанъ,—новый вмѣсто прежняго «я не виновный, не злодѣй, какимъ былъ прежде. Если Ты очистилъ (Твоею) благодатию ¹¹⁾ скверное (мое) сердце, то посѣти

⁹⁾ Карѳагенъ основанъ выходцами изъ Тира.

¹⁰⁾ 2 Петр. III, 9: *не коснитъ Господь обѣтованія... но долготерпитъ на насъ, не хотя, да кто погибнетъ.*

¹¹⁾ Въ подлинникѣ: *facili charismate.*

«(теперь) и сію мрачную темницу, разсѣявъ мракъ: исторгни изъ
 «темницы тѣла и узъ міра сію душу, да будетъ мнѣ дано про-
 «лить кровь и быть закляннымъ (для Тебя); пусть снисхожденіе
 «не овладѣетъ свирѣпымъ судіею, пусть злоба тиранна не знаетъ
 «пощады, пусть не отнимаетъ славу. Даруй, также, дабы никто
 «изъ Твоего стада, которымъ я управлялъ, не оказался слабымъ,
 «дабы никто изъ (Твоихъ) не палъ подъ бременемъ казни и не
 «поколебался; дабы я возвратилъ Тебѣ полное число (находящихся
 «въ стадѣ) и уплатилъ долгъ». Молитва сія была услышана Госпо-
 домъ и въ народъ Карфагенскій вселился духъ пламенной рѣши-
 мости—пріобрѣсть прекрасную смерть (мученичества) пролитіемъ
 крови, уча не бояться, не уступать, не побѣждаться скорбію, ру-
 ководиться любовію къ славѣ, исполняться Христомъ и защищать
 вѣру. Молва гласитъ, что среди Поля ¹²⁾ приготовленъ былъ ровъ,
 наполненный до самыхъ краевъ горячею известью: пережженные
 известковые камни извергаютъ огонь, пышетъ пламенемъ бѣлоснѣж-
 ная пыль, имѣющая силу сожигать прикасающееся (къ ней), смер-
 тоносно (даже) дыханіе (ея). Прибавляютъ, что на краю рва поста-
 вленъ былъ жертвенникъ и опредѣлено, дабы чтители Христа при-
 несли въ жертву идоламъ или крупинку соли или печень свиньи ¹³⁾;
 иначе пусть добровольно низвергнутся въ глубину рва. Триста
 (чтителей Христа) стремглавъ вмѣстѣ низверглись въ ровъ: сухая
 влага пожрала ихъ въ пыльной пучинѣ ¹⁴⁾, и на самомъ днѣ (рва)
 свернула въ шаровидную массу. Бѣлизна (известковой массы) по-
 рываетъ тѣла (трехъ сотъ мучениковъ), бѣлизна возводитъ къ небу
 души (ихъ), почему справедливо во всѣ времена они были назы-
 ваемы «Бѣлою Грудою» (*Massa Candida*). Между тѣмъ и самъ Ѡасцій ¹⁵⁾
 еще болѣе радостный, по причинѣ (мученической) смерти своихъ

¹²⁾ Можетъ быть, допросъ мучениковъ, упоминаемыхъ здѣсь, производился на какомъ либо полѣ или площади, въ родѣ *Campus Martius* въ Римѣ.

¹³⁾ Ср. *Perist.* III, 29. 122.

¹⁴⁾ Выраженія: «пыльная пучина» (*gurges pulvereus*) и «сухая влага» (*aridus liquor*) суть антитезы.

¹⁵⁾ Т. е. Капріанъ. Полное имя его въ язычествѣ было: *Thascius Cyprianus*, а въ христіанствѣ: *Thascius Caecilius Cyprianus* (Дрессель).

(чадь), приводится издалека ¹⁶⁾ къ неистовствующему проконсулу. На вопросъ объ образѣ жизни онъ отвѣтилъ: «я—чтитель Еди-наго (Бога), сообщаю людямъ святыя таинства Христа Спасителя». Тотъ ¹⁷⁾ на это говоритъ: «довольно уже (и этого) преступленія; «Ѡасцій самъ признается (въ винѣ), отвергая дѣйствительность «молніи Юпитера; палачи! приготовьте мечъ; пусть врагъ идоловъ «будетъ усѣбнутъ мечемъ». Кипріанъ воздаетъ должную хвалу Богу и, торжествуя, поетъ гимнъ. Печальная Африка оплакала смерть мужа, отъ слова коего она сдѣлалась болѣе просвѣщенной, красно-рѣчѣемъ коего она славна, а вскорѣ со слезами воздвигла (ему) гробницу и погребла (его) святыя останки. Не плачь о семъ мужѣ! Онъ пребываетъ въ Царствѣ Небесномъ; но, впрочемъ, не отлетаетъ и отъ земли, не оставляетъ и этого міра, разсуждаетъ, ораторствуетъ, проповѣдуетъ, учитъ, наставляетъ, пророчествуетъ. И не только руководствуетъ народы Ливій, но и (все) народы отъ востока до запада, оберегаетъ Галловъ, напаяетъ (ученіемъ) Британцевъ, помогаетъ Гесперіи ¹⁸⁾, распространяетъ Христа въ дальней Иберіи. Наконецъ, онъ—учитель на землѣ и, вмѣстѣ, мученикъ на небѣ, здѣсь наставляетъ людей, оттуда же, какъ покровитель, ниспосылаетъ святыя дары.

XIV.

Страданіе дѣвы Агніи.

Есть въ городѣ Ромула гробница Агніи, доблестной отроковицы и славной мученицы. Погребенная вблизи отъ стѣнъ города ¹⁾,

¹⁶⁾ Можетъ быть, имѣется въ виду отдаленность темницы, въ которой былъ заключенъ Кипріанъ (ст. 51 и слѣд.), отъ форума.

¹⁷⁾ Т. е. проконсулъ.

¹⁸⁾ Название Гесперіи усвоилось классическими писателями и Италіи (Virgili: Aen. I, 580; II, 781) и Испаніи (Horatii: Od. I, 86, 4). Въ нашемъ гимнѣ это названіе болѣе можетъ быть отнесено къ Италіи.

¹⁾ Мученица Агнія была погребена въ одной милѣ за городомъ Римомъ, влѣво отъ via Nomentana. При этой гробницѣ находилась катакомба, которая и теперь носитъ названіе «катакомбы Агніи».

дѣва (сія) охраняетъ квиритовъ ²⁾, но покровительствуетъ и пришельцамъ, молящимся ей съ чистымъ и вѣрующимъ сердцемъ. Два вѣнца имѣетъ мученица (сія): (вѣнецъ) дѣвственной чистоты и (вѣнецъ) добровольно пріятой славной смерти. По преданію, отроковица (сія) въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, едва достигнувъ брачнаго совершеннолѣтія, горя любовію ко Христу, мужественно воспротивилась нечестивому велѣнію—оставить святую вѣру и преклониться предъ идолами. Сначала она была искушаема разными способами: и льстивыми рѣчами едѣлавшагося вроткимъ судіи, и угрозами мукъ; но осталась непреклонна и сама отдавала свое тѣло на лютыя муки, не отказываясь и умереть. Тогда жестокой тиранъ говоритъ: «Если легко, преодолевая боли, теришь наказаніе и «если презирается и ни во что вмѣняется жизнь, то дорогъ стыдъ «для обречшей себя дѣвству. Опредѣляю отдать сію дѣву на поруганіе, если она не упадетъ къ жертвеннику и не испроситъ «прощенія у дѣвы Минервы, которую не престаешь оскорблять» ³⁾. Агнія говоритъ: «Христось не забываетъ о Своихъ (чадахъ); Онъ «не допуститъ, чтобы погибъ въ насъ золотой стыдъ, Онъ не оставитъ насъ; Онъ соприсутствуетъ цѣломудреннымъ и не дастъ, «чтобы опорочены были сокровища святой чистоты. Ты можешь, «если захочешь, обагрить мечъ (нашею) кровію; но не можешь «осквернить (наши) члены». (Судія) повелѣваетъ обнажить дѣву и выставить на публичный позоръ. Съ печалію убѣгаетъ, при этомъ видѣ, (мимо проходящая) толпа, отвращая взоры. Но одинъ (изъ толпы) дерзко устремляетъ свое лице на отроковицу и не страшится сладострастными очами созерцать (ея) святое тѣло. Вотъ появляется крылатый огонь въ видѣ молніи и поражаетъ глаза (дерз-

²⁾ Т. е. гражданъ Рима.

³⁾ Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ:

Hanc in lupanar trudere publicum
certum est, ad aram ni caput adplicat
ac de Minerva jam veniam roget,
quam virgo pergit tempnere virginem.
Omnis juvenus inruit et novum
ludibriorum mancipium petit.

каго); ослѣпленный сіяніемъ, онъ падаетъ ницъ и бьется, вздрагивая, въ прахѣ улицы. Товарищи поднимаютъ его полумертваго съ земли и оплакиваютъ въ похоронныхъ причитаньяхъ. (съ торжествомъ шествуетъ дѣва, въ священной пѣсни прославляя Бога Отца и Христа за то, что, при грозившей отъ міра опасности, она побѣдоносно сохранила себя чистою и нескверною. Нѣкоторые передаютъ, что она, по просьбѣ (окружавшихъ), вознесла молитву Христу, дабы Онъ возвратилъ свѣтъ согрѣшившему, поверженному въ прахѣ, и что, тогда, у юноши возобновилось дыханіе и пецѣлились очи. Это былъ первый шагъ Агніи къ небесному чертогу; вскорѣ дается ей сдѣлать и другой. Свирѣпый мучитель воспламенился неистовымъ гнѣвомъ и восклицаетъ со стономъ: «Я побѣждаюсь!» «воинъ! иди, обнажи мечъ и исполни властное приказаніе верховнаго вождя». Агнія, увидѣвъ предъ собою свирѣпаго мужа съ обнаженнымъ мечемъ и сдѣлавшись (при этомъ) еще болѣе радостною, говоритъ: «Какъ я рада, что явился такой жестокосердый, свирѣпый, не знающій пощады воинъ, а не пзѣженный, увядшій (безвременно) юноша, умащенный ароматами, который могъ бы погубить меня, похоронивъ мой стыдъ. Признаюсь: этотъ, этотъ возлюбленный (миѣ) нравится; я иду стремительно на встрѣчу ему и не замедлю отвѣтить его пламеннымъ желаніямъ; пряму все желѣзо на грудь мою; пусть мечъ проникнетъ до глубины моего сердца: такимъ образомъ я, невіста Христова, вознесусь въ горній зѣнрь чрезъ тьму вселенной. Вѣчный Владыко! отверзи двери неба, прежде заключенныя для земнородныхъ, и воззови послѣдовавшую за Тобою, Христе, душу дѣвственницы и, вмѣстѣ, припеснейся въ жертву Отцу (Небесному)». Произнесши это, она смиренно, склонивъ голову, молитъ Христа, дабы ея склоненная шея скорѣе пріяла грозящій ударъ. И воинъ исполняетъ ея пламенное желаніе: однимъ ударомъ отсѣкаетъ (ей) голову: скорая смерть предупреждаетъ чувство боли. Вылетаетъ (изъ тѣла) разрѣшенный духъ и, уже свободный, воснаряетъ въ воздухѣ, въ сопровожденіи ангеловъ. Дивится (Агнія) міру, расположенному долу, смотритъ съ высоты на тьму, находящуюся внизу и сіяетъ ра-

достной улыбкой при видѣ всего того, что озаряется солнцемъ, что находится въ водоворотѣ міра, что имѣеть (свою) жизнь въ черномъ вихрѣ вещей, что увлекается суетнымъ движеніемъ вѣка: (при видѣ) царей и тиранновъ, владычествъ и достоинствъ, помпы почестей, отъ которыхъ надмѣваются глупцы, золота и серебра, въ которымъ все стремятся въ неистовой жадѣ путемъ разныхъ преступленій, великолѣпно—украшенныхъ жилищъ, забавляющей пустоты расшитыхъ одеждъ, гнѣва, боязни, желаній, опасностей, продолжительной печали, скоропреходящей радости, дымныхъ фавеловъ черной зависти, отъ которой темнѣеть надежда и красота людей и гнуснѣйшаго изъ всѣхъ золъ—мрачнаго облака язычества. Надъ этимъ возвышается, надъ этимъ торжествуетъ Агнія, сокрушная пятою, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главу дракона ⁴⁾, который, въ свирѣности своей, все земное міра напитываетъ (своимъ) ядомъ и увлекаетъ въ адъ, а теперь усмиренный стоною дѣвственницы, опускаетъ долу свой огненный мозгъ ⁵⁾ и, побѣжденный, не осмѣливается поднять голову. Между тѣмъ Богъ увѣнчиваетъ двумя вѣнцами чело дѣвственной мученицы: одинъ (изъ этихъ вѣнцевъ) составленъ изъ вѣчнаго свѣта шестидесятеричной награды, а въ другомъ заключается сторичный плодъ ⁶⁾. О, блаженная дѣва! о, новая слава! о, благородная жительница Небеснаго чертога! приклони на нашу нечистоту лице твое, украшенное двумя вѣнцами: тебѣ одной дать Создатель силу содѣлать чистымъ и самое мѣсто скверны. Цѣломудріемъ исполнюсь я, если ты наполнишь мою душу сіяніемъ твоего благосклоннаго лица. Нѣтъ нечистоты въ томъ, что ты, въ любви своей, удостоиваешь посѣтить и чего касаешься твоею оживляющею стоною.

II. Цвѣтковъ.

⁴⁾ Т. е. діавола. Ср. Быт. III, 14—15.

⁵⁾ Выраженіе «огненный» (igneus) можетъ быть понимаемо, и въ смыслѣ: «осужденный на вѣчное мученіе въ гееннѣ огненной», и, просто, въ смыслѣ: «распаленный злобою и ненавистью».

⁶⁾ Одинъ изъ вѣнцевъ есть шестидесятеричная награда за дѣвство, а другой—сторичная награда за мученическую кончину. Поэтъ, очевидно, имѣеть въ виду слова Иисуса Христа: *другая же падоша на земли добрый и дажку плодъ, ово убо сто, ово же шестидесятъ, ово же тридесатъ* (Матѣ. XIII, 8).

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ИДЕАЛЬНАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

3. Критика традиціонализма привела насъ къ тому заключенію, что то воздѣйствіе Божества на нашъ духъ, то «естественное» откровеніе Его, которое мы необходимо должны предположить для объясненія возникновенія въ насъ идеи о Богѣ, не можетъ быть только внѣшнимъ откровеніемъ сообщаемымъ путемъ наученія и слова, будетъ ли то слово Божіе къ первобытному человѣку, или слово человѣческое, въ которомъ путемъ традиціи передается изъ рода въ родъ содержаніе божественнаго откровенія. Самая возможность пониманія сообщаемого посредствомъ словъ предполагаетъ въ нашемъ умѣ идею о Богѣ, которая такимъ образомъ можетъ возникнуть въ насъ только путемъ внутренняго воздѣйствія Божества на нашъ духъ.

На предполагаемой возможности такого, неоднократнаго и частнаго (какъ въ традиціонализмѣ), но постояннаго воздѣйствія Божества на нашъ духъ и основывается та теорія происхожденія идеи о Богѣ, которую можно назвать *мистическою*, такъ какъ она по преимуществу встрѣчается у мыслителей называемыхъ мистиками, хотя основную мысль этой теоріи раздѣляютъ и философы, которыхъ нельзя назвать мистиками въ строгомъ значеніи этого слова ¹⁾.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 23.

¹⁾ Представителями философскаго мистицизма въ древнемъ мірѣ, какъ извѣстно, служатъ Неоплатоникъ. По ученію Плотина, одного изъ выдающихся мыслителей этой школы, единственно вѣрный способъ къ познанію Бога состоитъ въ созерцаніи, въ та-

Общею исходною точкою всѣхъ мистическихъ теорій о происхожденіи идеи о Богѣ служитъ недостаточность и несостоятельность рациональнаго познанія о немъ и невозможность путемъ этого познанія объяснить фактъ существованія въ насъ религіозной вѣры. У большей части мистиковъ религіознаго направленія, этотъ исходный пунктъ составляетъ бездоказательное предположеніе, къ которому приводитъ ихъ неудовлетворенность религіознаго чувства всякаго рода теоретическими понятіями о Богѣ, будутъ ли то философскія мнѣнія о Немъ или даже строго формулированныя догматы положительной религіи. Мыслителей съ преобладающимъ философскимъ направленіемъ къ тому же результату приводитъ критика существующихъ философскихъ понятій о Богѣ и міръ сверхчувственномъ; слѣдствіемъ этого является недовѣріе къ разуму и мысль—искать истиннаго источника богопознанія не въ немъ, а въ непосредственномъ откровеніи Боже-

комъ состояніи нашего духа, когда онъ совершенно отрѣшается отъ всего частнаго, многообразнаго и вѣшняго, даже отъ собственнаго своего личнаго сознанія и мышленія, какъ конкретнаго и ограниченаго, и всецѣло сливается съ высочайшимъ предметомъ своихъ стремленій—существомъ абсолютнымъ. Такимъ образомъ только выходи или выступая (*экстазис*) изъ своего обыкновеннаго, сознательнаго состоянія, душа дѣлается способною всецѣло объединиться или слиться съ Божествомъ, потому что перестаетъ представлять его какъ предметъ противостоящей ей, отдѣльный отъ нея, слѣдовательно какъ нѣчто ограничешное. Всякія другія состоянія души, всякіе другіе способы познанія, кромѣ экстаза и созерцанія, могутъ имѣть значеніе и приложение только по отношенію къ познанію предметовъ ограниченныхъ, такъ какъ они неразрывно соединены съ различіемъ, раздѣленіемъ, и противоположеніемъ предметовъ. Основная мысль неоплатонизма о недостаточности для познанія сверхчувственнаго обыкновенныхъ способовъ познанія и о созерцаніи, какъ высшей способности богопознанія, проходитъ затѣмъ въ различныхъ формахъ и отбѣнкахъ, обуславливаемыхъ вліяніемъ христіанскаго вѣроученія, у нѣкоторыхъ отцевъ и учителей Церкви (напр. у Діонисія Ареопагита). Дальнѣйшее свое развитіе она получаетъ у многихъ средневѣковыхъ мистиковъ, у которыхъ впрочемъ она носитъ болѣе религіозный, чѣмъ философскій характеръ. Въ новой философіи представителями философскаго мистицизма считаютъ П. Поарета, Сепъ-Мартеня, Гамапа, Якоби и нѣкоторыхъ другихъ. Впрочемъ должно замѣтить, что какъ самое понятіе философскаго мистицизма, такъ и границы, отдѣляющія его отъ мистицизма религіознаго, довольно неопредѣленны и неустойчивы,—и называлъ мистическою разбираемую нами теорію происхожденія о Богѣ, мы имѣемъ въ виду только одинокій общій признакъ, объединяющій упомянутыхъ выше мыслителей, именно—гносеологическое ученіе о богопознаніи.

ства нашему духу. Этимъ же путемъ идетъ и Якоби, котораго мы должны признать наиболѣе замѣчательнымъ представителемъ, такъ называемаго, философскаго мистицизма.

Якоби въ своемъ ученіи о происхожденіи религіозной идеи тѣсно примыкаетъ къ Канту и его ученію объ идеяхъ, но выводитъ изъ этого ученія совершенно другіе результаты, чѣмъ Кантъ. Онъ соглашается съ Кантомъ, что путемъ рациональныхъ доказательствъ нельзя придти къ разумному убѣжденію въ истинѣ бытія Божія. Онъ возстаетъ, какъ противъ величайшаго заблужденія философіи, противъ той мысли, что только то истинно существуетъ для разума, существованіе чего можетъ быть доказано логически. Самое послѣднее и основное въ нашемъ познаніи есть нѣчто совершенно не доказываемое, но непосредственно данное, что на концѣ утверждается на непосредственной достовѣрности безъ разсудочныхъ основаній или доказательствъ. Въ самомъ требованіи доказать *бытіе* чего-либо содержится прямое противорѣчіе здравому смыслу, потому что основаніе или доказательство всегда должно быть выше и достовѣрнѣе доказываемаго имъ, а выше и достовѣрнѣе бытія ничего быть не можетъ.

Отсюда видно, что источникъ истинъ, составляющихъ основаніе религіи, не можетъ заключаться въ разсудкѣ. Но такимъ источникомъ не можетъ быть и нравственное чувство или практическій разумъ, какъ полагалъ Кантъ. Уже то одно, что у него теоретическій разумъ объявляетъ несостоятельнымъ и недоказаннымъ то, признанія чего требуетъ разумъ практическій, колеблетъ религіозныя истины, обращая ихъ въ простыя фикціи. Вѣра въ истины религіи, какой требуетъ практическій разумъ Канта, по мнѣнію Якоби, не имѣетъ ни малѣйшаго права называться разумною вѣрою. Это вѣра *нужды*, потому что она основывается на практическомъ требованіи и невольно заставляеть вѣрить тому, что въ сущности недостовѣрно для разума. Истинная вѣра должна быть не только практическаго, но и теоретическаго свойства: ея содержаніе не то, что должно быть, но то, что есть.

Итакъ, если ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ разумѣ, какъ понимаетъ тотъ и другой Кантъ, мы не можемъ

найти источника и оправданія религіозной вѣры, то мы должны искать въ кругу нашихъ способностей какого-либо другого органа для познанія сверхчувственного.

Разсматривая источники нашихъ познаній, находимъ, что первый источникъ ихъ есть чувство внѣшнее; оно непосредственно даетъ намъ знать о существованіи предметовъ внѣ насъ находящихся, объ ихъ свойствахъ и качествахъ. Непосредственное знаніе внѣшняго чувства есть *вѣра*: «посредствомъ вѣры только знаемъ мы, что имѣемъ тѣло, что внѣ насъ существуютъ тѣла и другія мыслящія существа». Поэтому всѣ попытки рационально доказать дѣйствительность и истину нашихъ представленій напрасны и ведутъ только, въ слѣдствіе ихъ неудачи, къ идеализму. Но человѣкъ не ограничивается познаніемъ чувственного міра. Если бы онъ познавалъ только чувственный міръ, то какой бы степени при помощи разсудка не достигало это познаніе, онъ не отличался бы въ сущности отъ животныхъ; тотъ, кто кромѣ чувствъ приписываетъ человѣку *только* разсудокъ, не даетъ ему никакого другого преимущества предъ животными, кромѣ того, какое глазъ вооруженный микроскопомъ имѣетъ предъ невооруженнымъ глазомъ. Какъ бы ни совершенствовался разсудокъ, какъ бы ни слагалъ и ни разлагалъ чувственныя данныя, онъ никогда не можетъ произвести такихъ объектовъ, которыхъ нѣтъ въ чувственномъ мірѣ. Если же теперь такіе объекты въ нашемъ познаніи находятся, а всякое познаніе о *бытіи* чего-либо пріобрѣтается только чрезъ непосредственное ощущеніе, то очевидно, что кромѣ чувства внѣшняго, мы должны признать другое чувство—внутреннее, параллельное первому, которое даетъ намъ знать объ объектахъ отличныхъ отъ предметовъ внѣшняго чувства, называемыхъ поэтому сверхчувственными объектами. Это внутреннее чувство Якоби иначе называетъ духовнымъ чувствомъ (*Geistesgefühl*) или разумомъ (*Vernunft*). Чувство внѣшнее и разумъ суть два коренные, противоположные и другъ отъ друга независимые источники нашихъ познаній. Существенно принадлежащій имъ способъ познанія есть непосредственное ощущеніе или вѣра. Въ Бога, въ промыслъ, въ духовность души, въ свободу мож-

но только вѣрить, — точно также какъ одной только непосредственною увѣренностію мы убѣждаемся въ бытіи внѣшнихъ чувственныхъ предметовъ.

Разсудокъ (Verstand) занимаетъ какъ-бы средину между внѣшнимъ и внутреннимъ чувствомъ; онъ есть формальная способность образовывать понятія, сужденія и умозаключенія изъ эмпирическаго матеріала. Разсудокъ имѣетъ дѣло только съ данными внѣшняго чувства — представленіями, и съ своими внутренними, формальными законами и основанными на нихъ отвлеченными категорическими понятіями; въ этой области познаваемого онъ имѣетъ полное приложеніе и значеніе. Но область сверхчувственного совершенно недоступна разсудку; вращаясь въ сферѣ условнаго и ограниченнаго, онъ можетъ приходить только къ началамъ условнымъ. Поэтому, если бы мы захотѣли ограничиться только разсудочнымъ познаніемъ, то послѣдовательно пришли бы къ отрицанію безконечнаго и сверхчувственного; изъ соединенія условнаго съ условнымъ по законамъ разсудка можетъ быть выведено только условное; съ нашимъ демонстративнымъ мышленіемъ мы никогда не можемъ выйти изъ области бытія посредствованнаго, т. е. изъ связи естественныхъ и механическихъ причинъ. Вообще, путь разсудочной демонстраціи, проведенной послѣдовательно, ведетъ необходимо къ матеріализму въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, то-есть къ ограниченію существующаго одною природою съ ея механическими законами: въ этомъ смыслѣ можно назвать матеріализмомъ и философію Спинозы. Единственное, что можетъ сдѣлать разсудокъ въ познаніи Божества, — это сознаться въ собственномъ незнаніи, чего и достигла разсудочная философія въ лицѣ Канта.

Итакъ, единственный источникъ познанія о Богѣ есть внутреннее чувство или разумъ. Богъ непосредственно близокъ намъ въ нашемъ собственномъ духѣ, точно также какъ природа близка и присуща намъ въ нашемъ собственномъ тѣлѣ. Поэтому, говоритъ Якоби, «мы можемъ рѣшиться на смѣлое слово, что въ Бога мы вѣруемъ потому, что видимъ Его, хотя конечно не тѣлесными очами». Это видѣніе Бога, эта непосредственная увѣренность въ Его дѣйствіи на насъ и

есть единственное и вполнѣ несомнѣнное основаніе убѣжденія въ Его бытіи. Такая увѣренность не есть какая либо научная форма знанія, подобно тому, какъ чувственное, эмпирическое знаніе мы считаемъ низшимъ разсудочнаго, основаннаго на доказательствахъ. Напротивъ, по своему содержанию оно стоитъ не ниже доказательствъ, но выше ихъ,— есть поэтому высочайшее, самое достовѣрное, по-истинѣ «владычественное знаніе». Но не смотря на свое значеніе, оно никогда не можетъ стать научнымъ знаніемъ, потому что наука предполагаетъ зависимость, выведеніе, объясненіе одного изъ другаго, а это знаніе есть нѣчто предшествующее всякой зависимости, есть первоначальное, «недоступное наукѣ мѣсто истины». Какое частнѣйшее содержаніе этой высшей способности, направленной къ созерцанію сверхчувственнаго? Это вообще все сверхчувственное: Богъ, духъ, свобода, мысль, истина, добро, безсмертіе; всѣ эти понятія тѣсно связаны между собою. Но преимущественный предметъ созерцанія разума или духовнаго чувства есть Божество, которое открываетъ себя только въ духѣ человѣческомъ. Природа, напротивъ, скрываетъ Бога, такъ какъ въ ней мы видимъ только бессознательное сдѣяніе причинъ дѣйствующихъ безъ начала и конца, но духъ человѣческій, созданный по образу Божества, заключаетъ въ самой природѣ своей возможность и способность къ непосредственному сознанію Божества; въ самомъ самосознаніи его, какъ существа разумнаго и высшаго природы (физической, уже заключается чувствованіе Божества. «Мы созданы по образу Божию; Богъ въ насъ и выше насъ; Онъ первообразъ и отображеніе; Онъ отдаленъ отъ насъ и вмѣстѣ неразрывно соединенъ съ нами; въ этомъ состоитъ свидѣтельство, которое мы имѣемъ о Немъ, — единственно возможное свидѣтельство, посредствомъ котораго Богъ открывается человѣку жизненно, постоянно, во всѣ времена»¹⁾).

Вотъ основныя положенія Якоби о происхожденіи въ насъ идеи о Богѣ. Нельзя не признать, что исходнымъ началомъ его теоріи служить столько же вѣрная, сколько и высокая

¹⁾ Jakobi 's Werke. 1812—1820, B. III, 276.

мысль, что существо, котораго преимущественное отличие отъ прочихъ твореній видимаго міра, состоитъ въ подобіи Существу всесовершенному, должно имѣть особенную способность или органъ къ ощущенію и познанію этого Существа. По мпѣнію Якоби, невозможно предположить, чтобы познаніе Божества,—эта особенность, въ которой преимущественно выражается превосходство человѣческаго духа предъ прочими существами, могла происходить изъ того же источника, который только степенью, а не сущностью отличается отъ познавательныхъ силъ низшихъ человѣка существъ. Идея о Богѣ, съ зависящими отъ нея идеями, не будучи произведеніемъ разсудка, ограниченнаго сферою условнаго бытія, естественно указываетъ на иной, высшій источникъ познанія,—на непосредственное чувство или созерцаніе. Такой способъ познанія, отличный отъ пріемовъ разсудочнаго мышленія, нисколько не противорѣчитъ и общимъ законамъ познавательной дѣятельности духа, такъ какъ въ сущности онъ есть тотъ же самый, посредствомъ котораго мы получаемъ познаніе о бытіи предметовъ внѣ насъ находящихся; различіе здѣсь только въ предметѣ познанія, а не въ его формѣ или способѣ.

Въ философскомъ раскрытіи и обоснованіи мысли о самостоятельномъ и независимомъ отъ разсудка источникѣ нашей идеи о Богѣ (равно какъ и прочихъ идей) состоитъ существенная заслуга Якоби. Этимъ онъ возвысился не только надъ предшествовавшимъ эмпиризмомъ, но и надъ господствовавшимъ въ его время раціонализмомъ, который хотя устранилъ недостатки перваго, но тѣмъ не менѣе не въ состояніи былъ окончательно восторжествовать надъ нимъ, потому что хотя и указалъ на независимость отъ опыта нашего идеальнаго познанія, но не могъ доказать *реально* значенія этого познанія. Разсудокъ, будучи чисто формальною способностію, самостоятельнымъ и независимымъ отъ опыта содержаніемъ своимъ естественно могъ имѣть только формы нашего познанія, будутъ-ли то самые законы нашего мышленія, категорическія понятія или идеи. Какъ апріорное содержаніе одного разсудка, идеи необходимо должны были получить субъективное только значеніе, стать регулятивными началами познанія,—

что мы и видимъ у Канта. Сохранить свое дѣйствительное, объективное значеніе онѣ могли не иначе, какъ съ предположеніемъ соотвѣтствующихъ имъ реальныхъ объектовъ, внѣ нашего разсудка, соотвѣтствующаго воздѣйствія ихъ на нашъ духъ, для воспріятія котораго необходима особенная, отличная не по названію только (Кантовъ *разумъ* въ отличіи отъ разсудка), но по самому способу и предмету своей дѣятельности способность, — внутреннее чувство, — разумъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его Якоби.

Но не смотря на вѣрность своего основнаго принципа, ученіе Якоби не могло отстоять въ философскомъ мірѣ того значенія и вліянія, на какое имѣло полное право. Вполнѣ соглашаясь съ основною мыслию этого философа о первоисточникѣ религіозной идеи, мы не будемъ говорить здѣсь о частныхъ недостаткахъ его теорій ¹⁾, такъ какъ они болѣе или менѣе устранимы и не въ нихъ заключается главная причина крайняго недовѣрія философіи къ какимъ-бы то ни было теоріямъ, носящимъ мистическій оттѣнокъ. Мы укажемъ лишь на одинъ, общій ей со всѣми мистическими теоріями коренной недостатокъ, который болѣе или менѣе оправдываетъ такое недовѣріе и справедливо дѣлаетъ, такъ называемый, мистицизмъ одностороннимъ направленіемъ.

Этотъ недостатокъ состоитъ въ совершенномъ отрицаніи правъ разсудка въ дѣлѣ познанія о сверхчувственномъ. Въ неоплатонической философіи это отрицаніе выражается въ устраненіи рациональнаго мышленія о высочайшей причинѣ бытія и замѣнѣ его созерцаніемъ и экстатическимъ видѣніемъ. Въ религіозномъ мистицизмѣ выраженіемъ его служитъ ученіе объ абсолютной непознаваемости Божества для нашего разума, причемъ разумѣются не только обыкновенные методы познанія, но даже существенно принадлежащія разсудку категорическія опредѣленія, безъ которыхъ невозможно ни какое мыслимое представленіе или понятіе. Мы видимъ, что къ по-

¹⁾ Объ этихъ недостаткахъ философіи Якоби, см. «Религія, ея сущность и происхожденіе». 1871. 134—143. См. также «Объ основныхъ началахъ фил. познанія». «Вѣра и Разумъ» за 1885 годъ.

добному же результату приходитъ и философія Якоби, когда единственное право, какое она предоставляетъ разсудку въ познаніи о сверхчувственномъ, есть право доказать свою несостоятельность въ этомъ отношеніи, — быть философіею незнанія.

Но противъ такого воззрѣнія говоритъ уже самый фактъ существованія различныхъ понятій о Богѣ и мірѣ сверхчувственномъ. Исторія и опытъ показываютъ намъ, что все наши познанія о сверхчувственномъ и идеальномъ мы имѣемъ не въ формѣ какихъ либо созерцаній или экстатическихъ видѣній, но въ формѣ представленій (въ большей части религій) и понятій, въ которыхъ замѣчаются ясные слѣды самодѣятельнаго участія нашей познавательной силы. Не смотря на неудовлетворительность большей части этихъ понятій и въ слѣдствіе этого ихъ измѣчивость, человѣческій разумъ всегда видѣлъ въ нихъ не пустую игру субъективныхъ воззрѣній, но нѣчто въ высшей степени цѣнное для себя, въ чемъ выражается если и не полное, адекватное постиженіе абсолютной истины, то по крайней мѣрѣ постепенное приближеніе къ ней.

Признать вмѣстѣ съ мистиками полную несостоятельность всехъ этихъ стремленій разума къ познанію сверхчувственнаго, значитъ совершенно отвергнуть всякій смыслъ и значеніе тысячелѣтнихъ работъ религіозной и философской мысли, — отвергнуть самое философское познаніе. Нашъ разумъ, наше мышленіе по отношенію къ познанію сверхчувственнаго играетъ какую-то жалкую и непонятную роль. По какой-то роковой необходимости оно постоянно вмѣшивается въ область предметовъ не подлежащихъ его вѣдѣнію и это вмѣшательство только препятствуетъ нормальному ходу высшей познавательной способности — созерцанію сверхчувственнаго. Не прибавляя ничего существеннаго къ тому, что дано созерцаніемъ внутренняго чувства, мышленіе повидимому только искажаетъ данныя имъ истины, налагая на нихъ несоотвѣтствующія имъ разсудочныя формы.

Но чтобы имѣть право на такое смѣлое отрицаніе значенія мышленія въ дѣлѣ идеальнаго познанія, мистицизмъ дол-

женъ бы фактически доказать не только то, что рациональныя познанія о Богѣ неудовлетворительны (это можетъ зависѣть отъ естественной ограниченности разума), но и то, что предлагаемыя имъ познанія, основанныя на непосредственномъ чувствѣ и созерцаніи не только болѣе удовлетворительны, но и абсолютно истинны, какъ имѣющія божественное происхожденіе. Но что же оказывается на самомъ дѣлѣ? Въмѣсто ожидаемыхъ, богатыхъ содержаніемъ релігіозныхъ познаній, мы находимъ у мистическихъ философовъ одиѣ отрицательныя опредѣленія Божества, за которыми исчезаетъ всякое положительное представленіе о Богѣ въ туманѣ мистической неопредѣленности и невыразимости. Конечно, отрицаніе чувственныхъ представленій о Богѣ есть необходимый моментъ мышленія, смѣняющаго въ своемъ развитіи форму представленія понятіемъ; но самыя понятія разума о Богѣ и предметахъ идеальныхъ остаются, какъ существенная принадлежность знанія, какъ единственно возможныя для человѣка формы познанія сверхчувственнаго. Мистицизмъ идетъ дальше въ своемъ отрицаніи: самое мышленіе и его понятія онъ объявляетъ незаконнымъ, ложнымъ элементомъ въ познаніи Божества. Но въ такомъ случаѣ, если мы отвергнемъ всѣ возможныя формы человѣческаго познанія и высшую между ними, — рациональную, какъ непригодную для выраженія идеи абсолютнаго, то что же останется для насъ въ итогѣ? Нѣчто лишнее всякой опредѣленности, пустое, не мыслимое и даже не выразимое, потому что каждое слово можетъ быть знакомъ только понятія или представленія. Мистицизмъ можетъ сказать только, что есть *нѣчто* сверхчувственное, но о томъ, *что такое* оно есть, онъ ничего сказать не можетъ, потому что всякое опредѣленіе качества, свойства предмета есть уже дѣло различающаго мышленія, о которомъ онъ знать не хочетъ. Такимъ образомъ отрицательное познаніе Божества, вмѣсто ожидаемаго богатства сравнительно съ познаніемъ рациональнымъ, сводится къ неопредѣленному и темному чувству сверхчувственнаго и релігіозное знаніе къ *minimum* своего содержанія. Внутреннее чувство или созерцаніе, отъ котораго такъ много ожидали, оказывается самымъ скуднымъ источни-

комъ познанія, гораздо болѣе скуднымъ, чѣмъ аналогическое ему чувство внѣшнее въ свойственной ему области. Чувства внѣшнія, хотя и не даютъ высшаго познанія о мірѣ, но зато представляютъ намъ большое разнообразіе предметовъ и явленій; чувство внутреннее, обращенное къ такому высокому и полному содержанію предмету какъ міръ сверхчувственный, какъ будто ничего въ немъ не можетъ увидѣть. Есть нѣчто сверхчувственное, — вотъ къ чему положительному въ сущности сводятся всѣ показанія способности созерцанія о такомъ высокомъ предметѣ знанія, какъ Божество. Мистицизмъ такимъ образомъ возвращаетъ насъ въ дѣлѣ религіознаго познанія къ тому алтарю, который находился въ Афинахъ и былъ воздвигнутъ невѣдомому Богу.

Правда, защитники мистицизма не согласятся съ такою оцѣнкою достоинства сообщаемыхъ ими религіозныхъ познаній. Они укажутъ на положительныя, опредѣленныя понятія о Богѣ у многихъ мистиковъ, даже на опредѣленныя, довольно полныя системы религіознаго и философскаго міросозерцанія, будто бы выведенныя ими изъ своего созерцательнаго принципа (Неоплатонизмъ, философія Беа, Сведенборга и пр.). Но здѣсь-то и скрывается противорѣчіе мистицизма самому себѣ, показывающее его несостоятельность. Вопросъ въ томъ: то положительное, что даютъ они, есть ли дѣйствительно плодъ созерцанія или откровенія, за что выдаютъ его, или тайное привнесеніе понятій обыкновеннаго разсудка, или что еще хуже, но что часто бываетъ у мистиковъ, — представленій и образовъ фантазіи? Кто подвергнетъ внимательному анализу содержаніе мистическихъ системъ, тотъ легко откроетъ въ нихъ элементы столь пренебрегаемаго мистицизмомъ рациональнаго познанія и убѣдится, что все существенное и положительное въ нихъ принадлежитъ не созерцанію, а мышленію. О мистическомъ созерцаніи можно отчасти сказать тоже, что мы говорили о такъ называемомъ чистомъ мышленіи идеалистовъ, производящемъ будто-бы все познаніе изъ себя самого, силою діалектики безъ помощи разсудочнаго мышленія и опыта: все, что оно ни производитъ, на самомъ дѣлѣ принадлежитъ разсудку и опыту, а мысль,

будто производимое содержаніе есть продуктъ непосредственнаго знанія или созерцанія, есть чистая иллюзія. Проверить сказанное нами не трудно на собственной напр. философіи Якоби. Не смотря на то, что онъ отрицаетъ право мышленія на познаніе «вещей божественныхъ» и свою философію по отношенію къ нимъ называетъ философіею незнанія, онъ однако же даетъ намъ очень опредѣленныя *понятія* о Богѣ, свободѣ, безсмертіи и пр. Онъ говоритъ не только о томъ, какъ не должно мыслить объ этихъ предметахъ (право, которое онъ, хотя и непослѣдовательно ¹⁾, можетъ еще уступить разсудку), но и о томъ, какъ должно о нихъ мыслить. Но мышленіе принадлежитъ однако же не чувству или созерцанію, а разсудку; слѣдовательно въ принципѣ отвергая значеніе разсудка, Якоби тайно обращается къ его же помощи и услугамъ, какъ скоро нужно сказать что либо положительное о «вещахъ божественныхъ». Въ этомъ отношеніи (но только въ этомъ) вполне основательна полемика противъ Якоби Гегеля, который старался показать, что мнимыя непосредственныя созерцанія этого философа на самомъ дѣлѣ суть познанія посредствованныя, полученныя путемъ рациональнаго мышленія, и что мнѣніе его объ ихъ непосредственности основано на самообольщеніи. «Къ самымъ обыкновеннымъ опытамъ», говоритъ онъ, «принадлежитъ тотъ психологическій феноменъ, что истины, о которыхъ хорошо извѣстно, что онѣ составляютъ результатъ очень сложныхъ и посредствованныхъ актовъ познанія, для тѣхъ, кому такое познаніе сдѣлалось сподручнымъ и привычнымъ, представляются въ ихъ сознаніи непосредственно. Математику и каждому хорошо знакомому съ какой либо наукой, непосредственно представляются, какъ извѣстные, многіе выводы и положенія, къ которымъ на самомъ дѣлѣ приводитъ очень сложный процессъ мысли. Каж-

¹⁾ Говоримъ: непослѣдовательно, потому что, по теоріи Якоби, разсудокъ по своимъ логическимъ законамъ можетъ приходить только къ отрицанію сверхчувственнаго, а не къ опроверженію этого отрицанія и ложныхъ понятій о Богѣ. Интересъ науки, говоритъ Якоби, состоитъ въ томъ, чтобы не было никакого Божества, какъ сверхчувственнаго, внѣшнннго существа (Jakobi., Werke. 10. 13. 384—385).

дый образованный человѣкъ также имѣеть въ своемъ сознаниіи множество общихъ положеній, истинъ, взглядовъ, какъ непосредственно присущія ему данныя, но которыя на самомъ дѣлѣ возникли въ его душѣ только послѣ долгаго обдумыванія и изъ долгаго опыта жизни. Быстрота и ловкость, какякъ мы достигаемъ въ какой либо наукѣ или искусствѣ, состоитъ также въ томъ, что мы такія познанія, приемы и способы дѣятельности имѣемъ какъ бы непосредственно въ своемъ сознаниіи, даже во внѣшней дѣятельности и навыкѣ нашихъ членовъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ непосредственное знаніе не только не исключаетъ предварительнаго посредствованія, но такъ соединено съ нимъ, что непосредственное знаніе есть скорѣе продуктъ и результатъ посредственно приобрѣтенныхъ познаній» 1).

Такое противорѣчіе мистицизма самому себѣ, по которому онъ, отвергая въ принципѣ состоятельность рациональнаго познанія въ дѣлѣ познанія сверхчувственнаго, въ то же время на практикѣ прибѣгаетъ къ этому самому познанію, чтобы получить сколько нибудь опредѣленныя понятія о Богѣ, указываетъ уже намъ, въ чемъ состоитъ коренной недостатокъ этого направленія. Онъ не въ томъ состоитъ, какъ многіе думаютъ, что онъ признаетъ возможность ощущенія божественнаго въ нашемъ духѣ (мы отчасти видѣли и яснѣе увидимъ въ послѣдствіи, что такое ощущеніе необходимо признавать для объясненія происхожденія въ насъ идеи о Богѣ); но въ томъ, что онъ это ощущеніе или чувство божественнаго считаетъ познаніемъ и притомъ непосредственнымъ, въ слѣдствіе чего отвергаетъ какъ незаконное и несостоятельное познаніе посредствованное или рациональное. Но непосредственное, интуитивное въ точномъ смыслѣ слова, познаніе невозможно для человѣка, существа условнаго и ограниченнаго. Какъ въ познаніи чувственномъ эмпирическомъ, которое Якоби ставитъ въ параллель съ познаніемъ чувственно-духовнымъ, мы ощущаемъ предметы не сами по себѣ, но черезъ посредство нашихъ органовъ чувствъ, изъ которыхъ каждое

1) Vorles. üb. d. Phil. d. Religion. 1832. II. 312.

кладеть на эти ощущенія свой субъективный оттѣнокъ, такъ и въ познаніи или ощущеніи сверхчувственнаго мы имѣемъ это сверхчувственное не въ его полной объективной чистотѣ, но въ соединеніи съ формами нашего ограниченнаго умственнаго познанія. При настоящихъ условіяхъ нашего познанія мы видимъ Бога не лицомъ къ лицу, но какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, отчасти (1 Кор. 13, 12). Думать, будто мы можемъ имѣть непосредственное познаніе о Богѣ, независимо отъ субъективныхъ формъ нашего познанія, значить тоже, что полагать, будто въ эмпирическомъ мірѣ мы можемъ видѣть вещи какъ онѣ сами по себѣ суть, независимо отъ того, какъ даютъ намъ видѣть ихъ наши чувства,—будто мы можемъ при помощи чувствъ познать вещь саму по себѣ, а не ея феноменъ. Конечно, это познаніе вещи самой по себѣ есть высшая и послѣдняя цѣль нашего познанія, которая одинаково должна имѣться въ виду какъ въ познаніи эмпирическихъ, такъ и сверхчувственныхъ объектовъ. Но въ силу интеллектуальной организаціи человѣка, какъ существа ограниченнаго, она должна достигаться не непосредственнымъ ощущеніемъ, но посредствомъ законсообразной дѣятельности мышленія. Остановиться на ощущеніи или впечатлѣніи какъ въ области эмпирическаго, такъ и идеальнаго познанія, значило-бы остановиться на самой низшей, первоначальной ступени познанія. Единственный способъ возвыситься надъ этою ступеню есть раціональное мышленіе; посредствомъ него мы преобразуемъ впечатлѣнія (будутъ-ли то эмпирическія чувствованія или эмпирически духовныя) въ понятія, чтобы достигнуть возможнаго для человѣка познанія бытія не феноменальнаго, но истинно сущаго. Отсюда видно, что то, что мы называемъ познаніемъ или пониманіемъ въ точномъ значеніи этого слова, есть результатъ мышленія, вообще дѣятельности разсудка, какъ способности образованія понятій о вещахъ при помощи сужденій и умозаключеній. Поэтому отвергать участіе разсудка въ дѣлѣ познанія, значить отвергать возможность самаго познанія,—и это относится столько же къ предметамъ сверхчувственнымъ, какъ и къ чувственнымъ.

Противъ участія разсудка въ образованіи понятій о сверхчувственномъ Якоби указываетъ на то обстоятельство, что разсудокъ не можетъ доказать бытія сверхчувственныхъ объектовъ, вывести ихъ своимъ путемъ умозаключенія. Это справедливо. Наша увѣренность въ реальномъ бытіи предмета дается первоначально не разсудкомъ, но ощущеніемъ его воздѣйствія на насъ. Но увѣренность въ существованіи предмета и познаніе его не одно и тоже. Доказательство тому находимъ уже въ области эмпирическаго познанія; внѣшнія чувства представляютъ намъ безчисленное множество предметовъ и завѣряютъ ихъ бытіе. Но для cadaго ясно, что простое представленіе предметовъ не есть еще познаніе ихъ: что главное дѣло не въ воспріятіи предметовъ чувствами, которое имѣютъ и животныя, но въ принадлежащей разсудку дѣятельности мышленія, дающей смыслъ самымъ этимъ воспріятіямъ, въ пониманіи или познаніи ихъ. Если теперь внутреннее чувство или разумъ, который по способу его дѣятельности Якоби ставитъ въ параллель съ внѣшнимъ чувствомъ, какъ ощущеніе сверхчувственнаго, есть подобно имъ только способность восприимательная,—способность вѣры или убѣжденіе въ существованіи подлежащихъ ему объектовъ, то не имѣемъ-ли мы права продолжить аналогію и предположить, что внутреннее чувство должно находиться въ такомъ же отношеніи къ разсудку, какъ и чувство внѣшнее? Что разсудокъ, или способность мышленія, имѣетъ такое же право переработывать по имманентнымъ ему законамъ для образованія познанія впечатлѣнія міра сверхчувственнаго, какъ и впечатлѣнія міра внѣшняго? Опытъ и дѣйствительно показываетъ намъ, что разсудокъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользуется этимъ правомъ, когда постоянно представляетъ намъ различныя понятія о Богѣ и предметахъ сверхчувственныхъ, когда предлагаетъ различнаго рода доводы въ защиту религіозныхъ истинъ, когда построаетъ различныя системы религіознаго знанія. Правда, въ силу своей ограниченности, на ряду съ истиною, онъ даетъ много и ложнаго: но было-бы несправедливо, на основаніи такого характера его дѣятельности, совершенно лишать его законныхъ правъ.

Отвергая значеніе мышленія въ дѣлѣ познанія сверхчувственнаго, мистики, въ замѣнъ его, источникъ богопознанія полагаютъ въ чувствѣ. Но чувство само по себѣ есть извѣстное субъективное состояніе души, которое не можетъ произвести никакихъ опредѣленныхъ теоретическихъ понятій, а только сопровождаетъ наши понятія и представленія, сообщая имъ извѣстную степень напряженности, энергіи, живости и тѣмъ содѣйствуетъ могущественному вліянію ихъ на практическую жизнь. Этой особенноти чувства, конечно, не могли не замѣтить многіе философы мистическаго направленія, въ слѣдствіе чего они и старались придать своему внутреннему чувству, кромѣ патологическаго, болѣе или менѣе гносеологическое значеніе, что и выражается въ названіи его разумомъ (напр. у неоплатониковъ, у Якоби) и въ поставленіи его въ параллель съ внѣшними чувствами, которыхъ дѣятельность состоитъ не въ чувствованіи, но въ познаніи предметовъ. Но въ такомъ отождествленіи чувства (какъ чувствованія) и разума нельзя не видѣть сбивчивости и противорѣчія. Если внутреннее чувство есть познавательная способность (разумъ), то Якоби долженъ былъ указать спеціальныя законы и приемы его дѣятельности и отличіе ихъ отъ законовъ разсудка. Но онъ не только этого не сдѣлалъ, да и сдѣлать не могъ, такъ какъ мы не знаемъ никакихъ законовъ познанія кромѣ логическихъ: напротивъ, сводя дѣятельность своего духовнаго чувства къ одной вѣрѣ или непосредственной увѣренности, снова придавъ своему чувству субъективный характеръ. Поэтому гораздо послѣдовательнѣе и ближе къ основному направленію мистицизма, которое состоитъ въ противоположности знанія и вѣры, стоитъ большая часть мистиковъ, понимающихъ свое чувство именно какъ чувствованіе, страдательное воспріятіе божественнаго не разумомъ, а сердцемъ.—воспріятіе сопровождаемое ощущеніемъ счастья, блаженства. Но признавая такого рода чувство началомъ и источникомъ познанія о сверхчувственномъ, мы не только уничтожимъ возможность философскаго познанія, но и проложимъ широкую дорогу всевозможнымъ заблужденіямъ. Первое само собою понятно, такъ какъ философское знаніе есть познаніе основанное на началахъ разума

и предполагающее рациональное доказательство своихъ истинъ, чѣмъ оно и отличается отъ вѣры и мѣнія; поэтому, строго говоря, мы должны бы причислить мистицизмъ къ антифилософскимъ направленіямъ. Возраженіемъ противъ этого не можетъ служить то, что на дѣлѣ мы имѣемъ однакоже замѣчательныя философскія системы, богатая содержаніемъ, которыя тѣмъ не менѣе основаны на мистическомъ принципѣ, таковы, напр., неоплатонизмъ, философія Якова Бема, Якоби. Фактъ существованія такихъ системъ, какъ мы видѣли, доказываетъ только непоследовательность философовъ, державшихся этого принципа и признававшихъ за результаты непосредственнаго созерцанія то, что было дѣломъ ихъ мышленія. Тоже должно сказать и о многихъ религіозныхъ мистикахъ, у которыхъ встрѣчаемъ много глубокихъ и плодотворныхъ мыслей; всѣ эти мысли не результатъ ихъ мистическаго направленія, но, или плодъ христіанскаго вѣроученія и одушевленія глубокимъ религіознымъ чувствомъ, или случайные проблески ихъ личнаго таланта. На самомъ же дѣлѣ, мистическій принципъ, если станемъ держаться его последовательно, не можетъ привести ни къ какому достовѣрному знанію уже потому самому, что за отстраненіемъ авторитета разума у него не остается никакого критерія къ различенію истины отъ заблужденія кромѣ личнаго, субъективнаго чувства истины, личной увѣренности, что та или иная мысль есть непосредственное созерцаніе божественнаго или его откровеніе. Но, поставивъ критеріемъ истины наше личное убѣжденіе, мы подвергаемся величайшей опасности принять собственныя наши, иногда неправильныя, мысли, даже мечты нашего воображенія за реальную истину; всякаго рода заблужденіе можетъ утверждать себя какъ истину, какъ скоро человекъ убѣжденъ въ немъ своимъ чувствомъ и какъ скоро не признаетъ никакого другаго авторитета кромѣ этого чувства. И на самомъ дѣлѣ мы видимъ многочисленные примѣры, что люди, ссылаясь на свое внутреннее чувство, на озареніе свыше, вполне добросовѣстно и искренно считали откровеніемъ Божества такія мысли и понятія, которыя носили на себѣ слѣды вовсе не божественнаго происхожденія. Исторія мистицизма представляетъ намъ не

только глубокомысленныхъ философовъ, но и многихъ мечтателей и визионеровъ, ссылавшихся на божественное откровеніе въ защиту своихъ фантазій, таковъ напр. былъ Сведенборгъ.

Какъ на преимущество мистицизма предъ другими философскими направленіями указываютъ иногда на то, что онъ болѣе, чѣмъ другое какое направленіе, совпадаетъ съ высшими и жизненными требованіями истинной религіи; паравнѣ съ религіею онъ признаетъ вѣру началомъ знанія, ограничиваетъ самоувѣренность человѣческой мысли, въ дѣлѣ философіи даетъ мѣсто не одному холодному и сухому разсудку и чрезъ то оказываетъ благотворное вліяніе на нравственную жизнь. Эти качества дѣйствительно могутъ привлекать къ мистицизму мыслителей съ живымъ религіознымъ направленіемъ. Но съ одной стороны, мы не видимъ причины, почему бы эти столь прекрасныя качества не могли бы быть соединены и съ другими философскими направленіями и согласены съ признаніемъ законныхъ правъ разума въ дѣлѣ богопознанія. Съ другой, та поддержка положительной религіи, какую обѣщаетъ мистицизмъ, довольно двусмысленна и не оправдывается на опытѣ. Правда, вѣру онъ поставяетъ началомъ знанія; но та ли это вѣра, которая составляетъ принадлежность христіанской религіи? Мы вѣримъ, говоритъ Якоби, что имѣемъ тѣло, что внѣ насъ существуютъ предметы, что всѣ наши познанія въ концѣ концовъ основываются на вѣрѣ и т. п.; точно также мы вѣримъ, что существуетъ Богъ, душа, истина, свобода. Но очевидно, что такого рода вѣра имѣетъ очень широкое и неопредѣленное значеніе и кромѣ названія, имѣетъ мало общаго съ тою вѣрою, какой требуетъ религія. Последняя требуетъ вѣры въ опредѣленный кругъ извѣстныхъ конкретныхъ истинъ (догматы) и притомъ вѣры не какъ личнаго только убѣжденія, но и увѣренности въ томъ, что эти истины сообщены намъ путемъ внѣшняго божественнаго откровенія, черезъ посредство нѣкоторыхъ избранныхъ свыше лицъ. Вѣра въ мистицизмѣ признаетъ единственнымъ источникомъ богопознанія внутреннее чувство и есть по необходимости субъективная вѣра; истиннымъ она признаетъ лишь то, что дано въ личномъ внутреннемъ опытѣ или созерцаніи. При такой особенноти ми-

стической вѣры становится понятнымъ, почему, не смотря на свой общій религіозный характеръ, мистицизмъ часто былъ враждебенъ положительному религіозному ученію, какъ основанному на внѣшнемъ откровеніи. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ непосредственно и постоянно ощущаетъ божество и сознаетъ сверхчувственное въ себѣ самомъ, то для чего нужно еще откровеніе положительное, внѣшнее, необходимость котораго признають и на авторитетъ котораго ссылаются всѣ религіи? Поэтому совершенно естественно, что Якоби, напримѣръ въ своей религіозной философіи, не только нигдѣ не показываетъ нужды или значенія его, но прямо высказывается противъ всякаго, такъ называемаго имъ, позитивизма въ области религіи. «Я почитаю» говоритъ онъ, «всякаго рода вѣру въ откровеніе и богословскія ученія, какъ протекующія изъ одного источника, по ихъ мистической части, всѣ равно истинными, а во всемъ своемъ внѣшнемъ обнаруженіи равно баснословными и ошибочными» ¹⁾.

В. Кудрявцевъ.

(Продолженіе будетъ).

1) Von d. Gottl. Dingen. 13. III. 285. Замѣчательно, что та-же черта неуваженія къ положительному вѣроученію, по крайней мѣрѣ умаленія его значенія, замѣтно проходитъ не только въ философскомъ, но и религіозномъ мистицизмѣ, не смотря на сильно сдерживающій здѣсь свободу мистическаго созерданія авторитетъ священнаго писанія, преданія и церкви. Не говоримъ о многихъ мистическихъ сектахъ среднихъ вѣковъ, въ которыхъ христіанство подверглось крайнему искаженію въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ. Въ настоящее время наукою установлена несомнѣнная генетическая связь между средневѣковою мистикою и реформациею Лютера. Лютеръ былъ выразителемъ того ученія, которое раньше его развивали нѣмецкіе мистики, въ своемъ стремленіи одухотворить христіанство отвергавшіе всю внѣшнюю его форму, проводившіе идею объ оправданіи вѣрою, о всеобщемъ священствѣ и т. п. А. Вертеловскій. «Западная средневѣковая мистика», «Вѣра и Разумъ» 1886 № 3, стр. 178, 179.

Разборъ ученія Гартмана объ Абсолютномъ началѣ, какъ безсознательномъ.

(Окончаніе *).

Третье положеніе, которое вытекаетъ изъ разсмотрѣнія міроваго процесса, какъ онъ представляется въ системѣ Гартмана, состоитъ въ томъ, что каждое безсознательное дѣйствіе органическаго и психическаго міра собственно не имѣетъ цѣли въ себѣ, а исполняетъ свое назначеніе для конечнаго результата бытія, что, слѣдовательно, частныя цѣли совокупляются въ одной, высшей. Но нужно замѣтить, что такого рода явленія оказываются болѣе пригодными, чѣмъ сознательныя усилія самаго человѣка. Послѣднія имѣютъ всегда ограниченную личную цѣль; безсознательныя дѣйствія—всегда отдаленную, конечную. Сознаніе способно къ важнымъ ошибкамъ, а Безсознательное никогда не заблуждается; оно даже раздвигаетъ узкую рамку сознательныхъ стремленій и придаетъ имъ болѣе высшій смыслъ, для чего нерѣдко идетъ противъ сознательныхъ желаній человѣка. Инстинктъ, рефлексивныя движенія, а равно и цѣлительная сила природы, поддерживаютъ существованіе людей и животныхъ и обезпечиваютъ имъ болѣе болшій просторъ для развитія сознанія; половая любовь содѣйствуетъ продолженію и усовершенствованію рода; чувственное воспріятіе открываетъ путь къ познанію внѣшняго міра; историческій прогрессъ приводитъ развитіе къ такимъ условіямъ, въ которыхъ личность можетъ удобнѣе развернуть

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 20.

свои силы; «чувство прекраснаго и художественное творчество осчастливливаютъ человѣка», «мистика ведетъ къ признанію высшихъ сверхчувственныхъ единствъ»¹⁾. Два послѣдніе фактора кромѣ того вызываютъ и развиваютъ въ людяхъ особенную чуткость и воспримчивость къ ненормальностямъ и безобразіямъ бытія и тѣмъ скорѣе возбуждаютъ въ нихъ отвращеніе къ своему существованію и желаніе прекратить его. Но этого еще мало для полнаго освѣщенія данныхъ мыслей. Разсматриваемыя сами по себѣ онѣ представляются скорѣе бессмысленными и глупыми, чѣмъ разумными, потому что поддерживаютъ бытіе, а оно есть зло: это признано всѣми. Но какъ скоро найдена конечная цѣль міроваго процесса и какъ скоро явленія природы вполне содѣйствуютъ ея осуществленію, тогда и весь міръ предстаётъ предъ нами въ полномъ своемъ величіи и блескѣ, тогда намъ будетъ понятенъ смыслъ цѣлесообразныхъ дѣйствій. Явленія органическаго и психическаго міра всегда соотвѣтствуютъ отдаленнымъ результатамъ и дѣйствуютъ въ виду ихъ:—вотъ что придаетъ имъ разумность и великое значеніе.

Положимъ, все это такъ; но для насъ и теперь остается неразрѣшеннымъ, почему объективный міръ преслѣдуетъ какія то неизвѣстныя ему цѣли, когда онъ, какъ безсознательный, положительно равнодушенъ ко всякимъ задачамъ бытія и не можетъ знать ихъ. Камень или кирпичъ никогда не слагается самъ собою въ зданіе, если человѣкъ сознательно не употребитъ эти бездушныя матеріалы на служеніе своимъ потребностямъ; желѣзо и сталь не производятъ безъ мастера сложныхъ машинъ Уайта и т. и. Безучастная къ своему положенію, матерія еще менѣе можетъ имѣть какое либо отношеніе къ цѣлямъ будущимъ, отдаленнымъ. Камень и кирпичъ не заботятся о зданіи; но кто скажетъ, что они придаютъ такое или иное расположеніе комнатамъ, чтобы послѣднія были удобны для учебныхъ занятій въ извѣстномъ заведеніи, ибо вѣдь изъ него могутъ выйти всякіе дѣятели, которые бу-

1) Философія Безсознательнаго Гартмана. Переводъ А. Козлова, вып. 1-й стр. 283, 284.

дуть двигать впередъ науку, заботиться о матеріальныхъ средствахъ государства и которые, слѣдовательно, составятъ опору благосостоянія человѣчества?!... Въ природѣ всѣ явленія сами по себѣ ни мало не думаютъ о какомънибудь содѣйствіи людямъ и потому, когда мы видимъ разумное сочетаніе матеріальныхъ элементовъ, наша мысль неизбежно относитъ происхожденіе его къ сознательной причинѣ. Въ мірѣ органическомъ масса разумно бессознательныхъ дѣйствій, которыя даже вѣрнѣе ведутъ къ цѣли, чѣмъ мы сами могли бы это сдѣлать; понятно, что и въ основѣ ихъ лежитъ и долженъ лежать Абсолютный сознательный Разумъ, а никакъ не Бессознательное. Подтвержденіемъ подобнаго вывода служить также и наблюденіе надъ дѣйствительными фактами. Человѣкъ никогда не ѣстъ и не пьетъ, если эти позывы не сознаются имъ; онъ не можетъ опредѣлять себя къ разумной дѣятельности, не сознавая ни цѣли, ни средства. Люди умѣютъ господствовать надъ бездушною природою и создавать изъ нея нѣчто разумное только потому, что они одни въ мірѣ обладаютъ вполне сознаниемъ. Въ виду этого Гартманъ, относя происхожденіе бессознательныхъ дѣйствій органическаго и психическаго міра къ Абсолютному, обязанъ приписать ему и сознание, — тѣмъ болѣе, что они оказываются такими прекрасными и приспособленными, что человѣкъ можетъ только удивляться имъ и «проникаться глубокимъ благоговѣніемъ» ¹⁾ предъ Творцомъ, между тѣмъ самъ никогда не въ состояніи достигнуть подобнаго совершенства. Цѣль и цѣль — вотъ что придаетъ, такъ сказать, жизненное значеніе, напримѣръ, инстинкту, который иногда сказывается даже разрушительными послѣдствіями для его обладателя и идетъ въ своихъ отправленіяхъ вопреки его стремленіямъ, но за то онъ важенъ, какъ одно изъ средствъ для осуществленія премудрыхъ плановъ Бессознательнаго. Въ примѣръ разрушительнаго вліянія инстинкта Гартманъ указываетъ между прочимъ на куколку, которая беретъ матеріалы для кокона изъ своего организма, — на нѣкоторыхъ птицъ, выскидывающихъ яйца до омертвѣнія, —

¹⁾ 2-й вып. стр. 241.

и на женщинъ, которыя, не смотря на муки рожденія, не способны противиться инстинкту половой любви, нужному для продолженія рода. Что же это за сила, которая даетъ безсознательнымъ дѣйствіямъ возможность противостоять сознательнымъ желаніямъ человѣка, побѣждать ихъ и безмѣрно превосходить совершенствомъ своего исполненія? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: это—такая же сознательная и разумная сила, какую мы находимъ и въ себѣ самихъ, но только безконечно превышающая слабый человѣческій умъ, — сила неограниченная, т. е. сознательный Абсолютный Разумъ или Богъ.

Итакъ, поскольку въ безсознательныхъ явленіяхъ природы замѣчается стремленіе содѣйствовать другимъ высшимъ цѣлямъ и поскольку они не могли произойти сами собою, а предполагаютъ творческое начало, — постольку и это послѣднее должно быть не только разумнымъ, но и сознательнымъ. Равнымъ образомъ и всѣ другіе признаки, которые Гартманъ относитъ къ числу характеристическихъ въ разсматриваемыхъ нами фактахъ, ведутъ къ тому же самому заключенію. Положимъ, онъ говоритъ въ данномъ случаѣ по преимуществу о самомъ Безсознательномъ, какъ Абсолютномъ, но такъ какъ представителями и выразителями его являются для человѣка различнаго рода дѣйствія, то мы имѣемъ полнѣйшее право разсматривать ихъ, не касаясь вопроса о причинѣ ихъ происхожденія, чтобы «индуктивно-естественно-научнымъ методомъ» составить возможно правильное понятіе о Верховномъ Существѣ. Вотъ положенія Гартмана, которыя онъ извлекаетъ изъ своихъ изслѣдованій.

1. «Безсознательное образуетъ и поддерживаетъ организмъ, поправляетъ наружныя и внутреннія его поврежденія, цѣлесообразно руководитъ его движеніями и облегчаетъ для сознательной воли пользованіе имъ». Что Абсолютное творитъ организованные механизмы—это бесспорно, ибо Оно всемогуще; но что такое разумное устройство организмовъ происходитъ отъ безсознательнаго начала.—въ этомъ позволительно усомниться. Почему, напримѣръ, цѣлительная сила природы спѣшитъ въ должное время, въ данномъ мѣстѣ и разумными средствами возстановитъ поврежденный членъ? Вѣдь для матеріи,

какъ начала и бессознательнаго и неразумнаго, рѣшительно все равно, будетъ-ли человѣкъ уродомъ или даже совершенно погибнетъ. Почему—даже нервы въ рефлексивныхъ движеніяхъ стараются какъ-бы облегчить, напримѣръ, людямъ управленіе своими органами и не затруднять сознательную волю? Сами по себѣ они совершенно равнодушны къ тому, будутъ-ли совершаться извѣстныя движенія правильно и цѣлесообразно, или же нѣтъ. Если же всѣ эти явленія необъяснимы, когда они разсматриваются безъ отношенія къ производящей ихъ причинѣ сознательной, и становятся вполне понятными только при допущеніи ея, то само собою слѣдуетъ отсюда, что и эта причина должна обладать, по крайней мѣрѣ, тѣми же свойствами, какія заключаются и въ производимыхъ ею слѣдствіяхъ въ области конкретнаго міра (за исключеніемъ, конечно, всего того, что не согласно съ ея духовностію и неограниченностію). А въ бессознательныхъ дѣйствіяхъ міра органическаго и психическаго мы замѣчаемъ строгое ихъ соотвѣтствіе своему назначенію, такъ что въ этомъ отношеніи они оказываются вполне аналогичными съ произведеніями человѣческаго ума, каковы различныя машины и т. п. Но виновникъ послѣднихъ есть личность, *сознательный* ея духъ, поэтому таково же должно быть и Абсолютное начало, произведшее весь чудно устроенный міръ. Противное пониманіе указанныхъ фактовъ не возможно уже по одному тому, что оно противорѣчитъ здравому человѣческому смыслу и было бы единственнымъ и феноменально загадочнымъ явленіемъ въ сферѣ *всего* нашего знанія, когда мы вопреки всякому опыту—и научному и общечеловѣческому—стали-бы почему-то относить разумное слѣдствіе къ бессознательной причинѣ.

Тѣже самые выводы можно приложить и къ другимъ положеніямъ Гартмана. 2. «Бессознательное въ инстинктѣ даетъ всякому существу то, что ему нужно для самосохраненія и для чего недостаточно его сознательнаго мышленія, напримѣръ, человѣку—инстинктъ для пониманія чувственныхъ воспріятій, инстинктъ для образованія языка и государства и многое другое». 3. «Бессознательное сохраняетъ породу путемъ полового влеченія и материнской любви, облагораживаетъ ее путемъ

выбора въ половой любви и неизмѣнно ведетъ въ исторіи человѣческой родъ къ цѣли его возможнаго совершенства». — Опять же всѣ разсматриваемыя здѣсь дѣйствія сами по себѣ вовсе не могутъ имѣть въ виду ни помогать человѣчеству въ развитіи его сознательнаго мышленія, ни совершенствовать его путемъ подбора и если оказываются таковыми, то лишь потому, что такъ устроены высшимъ началомъ. Только ему свойственно заботиться и о поддержаніи слабой личности при достиженіи конечныхъ цѣлей ея существованія и объ ея развитіи; Абсолютное же въ свою очередь можетъ совершать это потому, что оно сознавало и сознаетъ нужды всего сущаго и знаетъ средства, устраняющія всѣ затрудненія. Въ противномъ случаѣ, т. е. если-бы не было подобнаго знанія и сознанія въ первоосновѣ міра, то не было-бы въ ней и желанія къ произведенію извѣстныхъ разумныхъ явленій, потому что *ex nihilo nihil fit* и дѣйствія безъ достаточной причины не бываетъ. Но она существуетъ, — и уже это одно обязываетъ насъ къ принятію сознанія въ Абсолютномъ началѣ.

4. «Безсознательное часто руководить людей въ дѣятельности путемъ предчувствія и чувствъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ сознательное мышленіе не могло-бы дать нмъ полезнаго совѣта». 5. «Безсознательное своими вдохновеніями въ большихъ и малыхъ размѣрахъ способствуетъ сознательному процессу мышленія и въ мистикѣ ведетъ людей къ предчувствію высшихъ сверхчувственныхъ единствъ». 6. «Безсознательное осчастлививляетъ человѣка въ чувствѣ прекраснаго и въ художественномъ творествѣ»¹⁾. — Всѣ такого рода явленія представляютъ ту особенность, что они далеко превосходятъ сознательныя дѣйствія людей и не могутъ быть произведены сознаниемъ, каковы: предчувствіе и еще не рѣдко упоминаемое Гартманомъ ясновидѣніе (*Hellschen*), мистическій восторгъ, истинное вдохновеніе и художественное творчество. Мы обыкновенно представляемъ себѣ (и это подтверждается постояннымъ опытомъ), что всего совершеннѣе бываютъ тѣ дѣйствія, въ которыхъ наиболѣе участвовало сознательное размышле-

1) Всѣ эти положенія находятся въ I вып. *Философівъ Безсознат.* стр. 283—284.

ніе. Но вотъ намъ встрѣчаются безсознательныя явленія, превосходящія сознательныя; они не могутъ произойти сами собою и сложиться въ такую или иную форму, а предполагаютъ высшую причину. Въ такомъ случаѣ и послѣдняя должна обладать сознательнымъ разумомъ, но только въ высшей и совершеннѣйшей степени, чѣмъ человѣкъ, почему и ея произведенія не могутъ идти въ сравненіе съ слабыми созданіями нашей изобрѣтательности.

Такимъ образомъ, всѣ данныя, на основаніи которыхъ Гартманъ приходитъ къ утвержденію, что Абсолютное начало—безсознательно,—приводятъ насъ какъ разъ къ противоположнымъ выводамъ. Въ мірѣ много безсознательно-разумныхъ дѣйствій, которыя могутъ быть объяснены только при предположеніи высшаго принципа и заставляютъ приписать ему предикатъ «безсознательнаго»:—вотъ аргументація Гартмана въ защиту своего воззрѣнія. Но понятіе разумности сводится у нашего философа на понятіе цѣлесообразности и отождествляется съ нимъ. Анализируя это послѣднее, и самъ авторъ «Философіи Безсознательнаго» находитъ въ немъ два элемента: *представленіе* цѣли и желаніе осуществленія оной при помощи *дознанныхъ*, соотвѣтствующихъ ей средствъ. Но и то и другое немислимо безъ сознанія, потому что и представленія и желанія не существуютъ для меня, когда они не сознаются. Согласно этому требованію нужно думать, что если и явился цѣлесообразно устроенный міръ, то единственно потому, что въ Абсолютномъ было представленіе, а слѣдовательно и сознаніе положенной цѣли, послужившей мотивомъ къ творческому акту. Равно и вопросъ о средствахъ предполагаетъ разумный ихъ подборъ по извѣстному плану, правильное расположеніе въ постепенной градаціи отъ низшихъ къ высшимъ и т. п., а для этого требуется сознаніе обоихъ сравниваемыхъ членовъ (т. е. цѣли и средствъ). Тоже самое заключеніе вытекаетъ изъ разсмотрѣнія разумно-безсознательныхъ дѣйствій въ мірѣ явленій, ибо въ нихъ замѣчается соотвѣтствіе съ своимъ назначеніемъ, гармоническое взаимоотношеніе и содѣйствіе отдаленнымъ цѣлямъ, что, конечно, было-бы невозможно, если-бы Абсолютное на ряду съ разумомъ

не имѣло еще и сознанія. Гартманъ и самъ не могъ не чувствовать нѣкоторой парадоксальности своего ученія о безсознательности верховнаго начала и потому не могъ оставить его безъ защиты. Въ одномъ мѣстѣ своего труда онъ дѣйствительно останавливается на этомъ предметѣ и главнымъ образомъ старается рѣшить вопросъ: какъ Безсознательное могло мыслить весь міровой процессъ и даже самое сознаніе, какъ средство для осуществленія его цѣлей, не сознавая всего этого.

Гартманъ прежде всего заявляетъ, что мыслительные процессы въ Абсолютномъ не только не тождественны съ нашими, но даже прямо противоположны имъ. «Относительно представленія Безсознательнаго мы можемъ сказать только одно,—читаемъ мы здѣсь, что оно *не* такъ представляетъ, какъ мы», «его мышленіе прямо противоположно нашему субъективному мышленію. Его мышленіе слѣдовало-бы назвать объективнымъ, если-бы это обозначеніе не было также исключительно одностороннимъ, а потому и не подходящимъ» ¹⁾. Въ числѣ такихъ, указываемыхъ авторомъ противоположностей, важны въ данномъ вопросѣ по преимуществу слѣдующія: «Безсознательное *не колеблется и не сомнѣвается*, оно вовсе не тратитъ времени для соображенія, но *миновенно* обнимаетъ въ одинъ и тотъ-же моментъ и *результатъ* и производящій его логическій процессъ. Цѣнность сознанія обуславливается только памятью. Безсознательному же, напротивъ, вовсе нельзя приписывать память. Оно мыслить все, что нужно для даннаго случая, *implicite*, въ одинъ моментъ; слѣдовательно, оно не нуждается въ постановкѣ какихъ либо сравненій» ²⁾. Для выясненія взглядовъ Гартмана касательно мышленія Безсознательнаго нужно упомянуть еще о трехъ признакахъ, часто приписываемыхъ имъ Абсолютному; это, во-первыхъ, его Абсолютное «ясновидѣніе» ³⁾, во-вторыхъ, «безвременное сопряженіе идей»

1) 2-й вып. 403 стр.

2) 1-й вып. Глава XIV, 4 и 6 положенія.

3) См. напр. 2-й вып. стр. 242.

(zeitlos Ineinandersein der Ideen ¹⁾ и, въ третьихъ, отсутствіе рефлексіи въ себѣ ²⁾.

Всѣ такого рода опредѣленія мало разъясняютъ дѣло, — и бессознательное мышленіе Абсолютнаго все-таки представляется странною и неразрѣшимою загадкой. Что Гартманово Бессознательное въ *нѣкоторыхъ* отношеніяхъ мыслить не такъ, какъ мы, что оно не колеблется, не ошибается и не тратитъ усилій, — это понятно, ибо противоположныя качества не приложимы къ совершенному разуму; но этимъ вовсе не устраняется сознаніе его мышленія. Пусть Абсолютное безвременно быстро и безконечно легко совершаетъ свои мыслительныя процессы, но оно не можетъ совершать ихъ бессознательно. Дѣло въ томъ, что сознаніе вовсе не такой случайный элементъ въ мышленіи, чтобы къ числу противоположностей мышленія Абсолютнаго съ нашимъ отнести и отсутствіе его въ первомъ. Правда, человѣкъ способенъ иногда бессознательно производить различныя мыслительныя акты, когда рѣчь идетъ о знакомыхъ предметахъ или когда на основаніи логическихъ законовъ тождества, противорѣчія, ассоціаціи и др. въ насъ происходитъ помимо нашего сознанія правильная смѣна идей, чего мы однако-же не замѣчаемъ, и схватываемъ лишь какой нибудь конечный результатъ. Можно-бы предположить нѣчто подобное и въ Абсолютномъ, если мы ужъ непременно хотимъ понять хоть сколько нибудь бессознательность его мышленія; но дѣло въ томъ, что и такое предположеніе не поддерживаетъ Гартмана. Когда, напр., различныя математическія положенія возстаютъ предъ нашимъ сознаніемъ сами собою при взглядѣ на конкретныя явленія окружающаго міра, то мы здѣсь собственно повторяемъ то, что было *сознательно* когда-то, при первоначальномъ изученіи науки и ея выводовъ. Тоже должно сказать и объ Абсолютномъ — только съ тѣмъ важнымъ ограниченіемъ, что въ немъ невозможенъ какой-либо навыкъ или изученіе, а слѣдовательно и бессознательное мышленіе въ такомъ родѣ.

1) 2-й вып. стр. 403.

2) См. напр. 1 немецкое изданіе «*Philosophie des Unbewussten*» s. 463.

Что касается того обстоятельства, что мы нерѣдко не замѣчаемъ смѣны идей, когда онѣ—внѣ нашего сознанія—текутъ въ стройномъ порядкѣ, то на это нужно замѣтить, что всѣ данныя идеи и представленія и не существуютъ для насъ, пока логическій процессъ не попадаетъ въ сознательную область,—и что мы, останавливаясь на какомъ-нибудь результатѣ, всегда стараемся сознательно воспроизвести всю предшествующую комбинацію мыслей, чтобы разумно усвоить положеніе, къ которому мы пришли. Въ этомъ смыслѣ Абсолютное Гартмана не имѣло-бы собственно никакихъ идей, ибо онѣ находились-бы подъ «порогомъ его сознанія», между тѣмъ Безсознательному приписываются представленія и даже «логическіе процессы», хотя-бы то и «мгновенные». Если и допустить, что случайная комбинація мыслей могла приводить Абсолютное къ опредѣленнымъ результатамъ, заключеніямъ и т. п., которыя въ качествѣ мотивовъ вызвали проявленіе его творческой дѣятельности, то при этомъ—съ одной стороны—необходимо также предположить сознаніе, по крайней мѣрѣ, для конечнаго акта мыслительной работы, а съ другой—изъ случайности трудно выяснитъ ту цѣлесообразность и совершенство, которыя повсюду усматриваются въ мірѣ.

Остается еще для выясненія сущности мышленія въ Абсолютномъ съ точки зрѣнія Гартмана разсмотрѣть предикаты «ясновидѣнія», «взаимнаго сопроникновенія идей» и «отсутствія всяческой рефлексіи». Аналогію съ первымъ Гартманъ нерѣдко указываетъ въ такъ называемыхъ предчувствіяхъ, когда человѣкъ влечется къ чему-либо, не сознавая хорошо, въ чемъ состоитъ цѣль его желаній и зачѣмъ нужно стремиться къ ней. Но, во-первыхъ, здѣсь все-таки есть существованіе извѣстнаго неопредѣленнаго предзнанія, которое и составляетъ мотивъ для дѣятельности даннаго лица и, во-вторыхъ, подобныя руководители слишкомъ ненадежны, чтобы полагаться на нихъ вполнѣ. Предчувствія появляются обыкновенно въ какомъ-нибудь болѣзненномъ и возбужденномъ состояніи и пораждаютъ смутность въ головѣ человѣка, почему онъ мучится ими и старается освободиться отъ своихъ неотвязныхъ тревожныхъ думъ или объяснить ихъ разумно. И

только когда предчувствіе становится сознательнымъ фактомъ,— только тогда индивидуумъ можетъ дѣйствовать твердо и увѣренно; раньше же того поступки его являются беспорядочными и бессмысленными. Есть-ли здѣсь хоть самое отдаленное сходство съ цѣлесообразными явленіями природы и могли-ли изъ зерна подобнаго хаоса и бессмыслія развиться порядокъ и гармонія? Да и что такое собственно предчувствіе? Это представленіе или вѣрнѣе желаніе, не достигнувшее надлежащей ясности и не освѣщенное вполне нашимъ сознаниемъ, потому оно и кажется чѣмъ-то неяснымъ и неопредѣленнымъ,— потому-то иногда ведетъ человѣка къ важнымъ ошибкамъ. Если-же аналогичное съ нимъ ясновидѣніе Абсолютнаго представляетъ напротивъ самое вѣрное средство познанія, напримѣръ, цѣли и средства, то это могло произойти не иначе, какъ при полной и недостижимой для нашего мышленія живости сознанія, что показываетъ и самый составъ слова «ясновидѣнія».

Напрасно также въ угоду своей теоріи Гартманъ намѣренно проходитъ безъ вниманія то обстоятельство, что человѣкъ и «въ предчувствіи» сознаетъ, по крайней мѣрѣ, что онъ дѣйствуетъ,—сознаетъ средства, которыми онъ пользуется, и на основаніи такого сознанія примѣняетъ ихъ такъ или иначе.

Что касается теперь взаимнаго сопроникновенія идей и отсутствія рефлексіи, то этимъ Гартманъ, повидимому, хочетъ сказать только то, что Безсознательное «мгновенно обнимаетъ въ одинъ и тотъ же моментъ и *результатъ* и производящій его логическій процессъ, что оно мыслить все, что нужно для даннаго случая, *implicite*, въ одинъ моментъ, слѣдовательно оно не нуждается въ постановкѣ какихъ либо сравненій»¹⁾. Правда сравненіе—важное и, пожалуй, существенное условіе ясности и раздѣльности сознанія извѣстныхъ предметовъ:—правда и то, что послѣднее бываетъ тѣмъ выше, чѣмъ лучше сознается вся логическая цѣль понятій, приводящихъ къ какому нибудь заключенію, но все это не та-

¹⁾ 1-й вып. XIV т. 4 п 6 положенія.

кіе существенные элементы въ сознаниі, безъ которыхъ бы оно не могло существовать въ такой или иной формѣ. Не рѣдко встрѣчаются и между людьми высокоразвитія въ интеллектуальномъ отношеніи личности, которыя способны быстро «обнимать предметъ», «схватывать» сразу и давнее положеніе и всѣ другія, подтверждающія или опровергающія его: но никто еще не доказалъ, чтобы такіе индивидуумы не имѣли сознанія. Напротивъ того, они даже глубже «проникаютъ» въ предметъ, могутъ быстро и вѣрно опредѣлить сущность вопроса и потому легче выводить всѣ вытекающія изъ него слѣдствія. Судя по этому примѣру, мы въ правѣ думать, что Безсознательное отличается отъ насъ лишь степенью быстроты, легкости и вѣрности въ выполненіи мыслительныхъ процессовъ, но никакъ, не тѣмъ, что они совершаются внѣ и безъ сознанія. Вслѣдствіе своей абсолютности оно можетъ сразу и вполне безошибочно опредѣлить цѣль, суть ея («ясновидѣніе»), а потому тотчасъ же («взаимное сопроникновеніе идей») и самостоятельно («отсутствіе рефлексіи») подставляетъ приводящій къ ней рядъ мыслей, по какъ-то, такъ и другое должны быть сознательны. Иначе придется видѣть въ «превосходящемъ всякій человѣческій разумъ» мышленіи Абсолютнаго чисто механической и случайный процессъ, который приводитъ къ гармоніи и цѣлесообразности, какъ постояннымъ признакамъ бытія, что положительно немислимо.

Но сдѣлавъ уступку Гартману касательно возможности мыслительныхъ актовъ въ Безсознательномъ при отсутствіи сравненія,—мы считаемъ нужнымъ ограничить такое мнѣніе, ибо оно имѣетъ значеніе сужденія только гипотетическаго, а никакъ не аподиктического. Скажемъ даже больше: такой логическій процессъ съ нашей точки зрѣнія представляется невѣроятнымъ, особенно если мы обратимъ вниманіе на тѣ обстоятельства, которыми посредствуется начало міра въ Философіи Безсознательнаго. Безумная воля стремится, такъ сказать, нудить представляющее начало Абсолютнаго къ бытію, но оно въ силу своей разумности не сразу поддается этому требованію: представленіе видитъ ненормальность въ желаніяхъ

воли и при помощи обмана устраняетъ затрудненія, придавъ бытію также реальное содержаніе и такое направленіе его развитію, что оно наконецъ должно будетъ уничтожить само себя. Нѣтъ нужды говорить, что различеніе и сравненіе составляютъ необходимые моменты данныхъ логическихъ процессовъ; это видно съ перваго взгляда. Противоположное представленіе было бы не согласно даже съ метафизическими воззрѣніями Гартмана. Когда нѣтъ сознанія личности (самостоятельности) и различенія желанія, какъ цѣли, и средства, которыми оно удовлетворяется,—тогда они сливаются въ одинъ моментальный актъ, которому мы не можемъ указать никакого опредѣленнаго пункта времени позади, т. е. начала; слѣдовательно міръ безначаленъ по началу, а потому и безконеченъ въ отношеніи къ концу: онъ вѣченъ, какъ и само Абсолютное. Между тѣмъ въ «Философіи Безсознательнаго» ясно указывается творчество міра, ограниченность времени его существованія и такимъ образомъ косвенно опровергается положеніе, что верховное Существо «не нуждается въ постановкѣ какихъ либо сравненій».

Однимъ словомъ всѣ тѣ признаки, какими Гартманъ опредѣляетъ мышленіе Абсолютнаго, заставляютъ признать только то, что оно надѣлено высшимъ и совершеннѣйшимъ сознаніемъ,—и въ этомъ его отличіе отъ человѣка. Скажутъ, складъ мышленія Безсознательнаго не тождественъ съ нашимъ и даже противоположенъ ему, поэтому мы не имѣемъ основанія прилагать къ нему атрибуты нашего конечнаго познанія. Но, чтобы такое положеніе могло быть прочно, оно по самой своей парадоксальности требовало бы большаго вниманія къ его подтвержденію и разъясненію. Пока Гартманъ не покажетъ, въ чемъ состоитъ странное безсознательное мышленіе Абсолютнаго и по какимъ законамъ оно совершается, до тѣхъ поръ за нами остается полное и неоспоримое право—сопоставлять логическіе процессы Верховнаго Существа съ нашими собственными и переносить на первые существенныя и необходимые атрибуты послѣднихъ. Взятое само по себѣ положеніе Гартмана, что мышленіе Абсолютнаго—безсознательно, представляется непонятнымъ и даже нелѣпымъ;

тѣ же признаки, которые ему приписываются, заставляють насъ приписать Абсолютному сознанию: поэтому мы и не можемъ отвергнувъ естественное пониманіе даннаго предмета, принять предположеніе нашего философа, которое противно здравому смыслу, ничѣмъ не доказано и не подтверждено въ достаточной степени.

Мы уже замѣчали выше, что Безсознательное, поставивъ своею цѣлюю — уничтожить бытіе, какъ результатъ желанія слѣпой и безумной воли, должно было избрать средства и мыслить ихъ еще прежде акта творенія; въ числѣ ихъ Абсолютному предносилось, конечно, и сознание, въ которомъ «заключается всяческій прогрессъ міроваго процесса, все будущее спасеніе» ¹⁾, а это ведетъ къ тому, что Безсознательное обладаетъ не только сознаниемъ, но и самосознаниемъ, ибо мыслить реальное сознание, какъ оно обнаруживается, напрумѣрь, въ человѣкѣ. Гартманъ старается устранить эти затрудненія и даже обратить указанныя возраженія въ пользу своей теоріи. Онъ говоритъ: «если бы въ Безсознательномъ не было безвременнаго сопроникновенія идей другъ въ другъ, то трудно было бы представить ²⁾, какимъ образомъ оно можетъ *не видя* сознанія *мыслить* его, какъ посредствующую цѣль. Должно полагать, что *мышленіе о сознаніи* есть уже самосознание и даже высшая степень сознанія, но такъ какъ для него нѣтъ условій въ Безсознательномъ, то мыслить сознаніе для него и невозможно. Но мышленіе о сознаніи тогда только предполагаетъ высшее сознаніе, когда сознаніе мыслится, какъ такое, т. е. въ *субъективномъ* родѣ и способѣ, когда *субъектъ* сознанія чувствуетъ себя аффицированнымъ своимъ сознаніемъ...

¹⁾ 1-й вып. стр. 287.

²⁾ Козловъ переводить это мѣсто такъ: «то же трудно было бы представить», но, кажется, не вѣрно, ибо такое пониманіе не сообразно съ ходомъ рѣчи, да не имѣетъ и основанія въ подлинномъ текстѣ. Такъ говорится: so würde es weit mehr schwierigkeiten haben (Philosophie des Unbewussten. Ausgabe 1869 Jahr. s. 666). Къ сожалѣнію, въ первомъ пѣмецкомъ изданіи Гартмана нѣтъ дальнѣйшихъ его разсужденій о мышленіи Безсознательнаго, а въ русскомъ переводѣ они выражены такъ темно.

Если же мы должны сказать положительно, что мыслить Безсознательное, когда мыслить сознание, какъ посредствующую цѣль, то ничего не остается, какъ принять, что, во-первыхъ,— оно мыслить объективный процессъ, котораго субъективное явленіе есть сознание, и, во-вторыхъ, дѣйствіе эмансипаціи представленія отъ воли, которое слѣдуетъ изъ этого процесса и которое только и важно для Безсознательнаго. Этимъ и устраняется вышеозначенное затрудненіе ¹⁾.

Вся аргументація Гартмана сводится здѣсь, очевидно, къ тому, что Абсолютное начало, мысля сознание, имѣетъ предъ собою не свое субъективное состояніе, а нѣчто, находящееся внѣ его; оно рассматриваетъ сознание съ объективной стороны, съ точки зрѣнія значенія его въ міровомъ процессѣ; и такое мышленіе возможно и безъ сознанія, ибо оно удобно объясняется взаимнымъ сопониженіемъ идей Безсознательнаго другъ въ другѣ. Гартманъ правъ здѣсь только на половину и не рѣшаетъ вопроса вполне. Дѣйствительно, когда я рассуждаю о сознаніи другаго лица, насколько оно выражается въ его рѣчахъ, поступкахъ, сочиненіяхъ и т. п., то это еще не значитъ, чтобы я обладалъ самосознаніемъ. Даже, если бы моему наблюденію былъ доступенъ самый внутренній процессъ сознанія окружающихъ меня личностей,—и тогда во мнѣ было бы только сознательное мышленіе и ничего болѣе. Для самосознанія необходимо, чтобы я сознавала и мыслила свои собственныя душевныя состоянія, представленія или понятія именно, какъ *свои*, мнѣ принадлежація, а всѣхъ такихъ условій не достаетъ въ данномъ случаѣ, когда говорится о мышленіи Безсознательнаго. Во всемъ этомъ Гартманъ дѣйствительно правъ. Можно согласиться съ нимъ также и въ томъ, что Абсолютное рассматриваетъ сознание, какъ объективный процессъ (хотя и субъективное явленіе его все-таки должно предноситься ему), который состоитъ въ чисто матеріальныхъ движеніяхъ нервнаго и мозговаго вещества ²⁾.

¹⁾ 2-й вып. стр. 402—403.

²⁾ Естественно было бы, кажется, поставить на видъ Гартману вопросъ, какимъ образомъ изъ безсознательнаго происходитъ сознание, но при его взглядѣ на этотъ предметъ данное возраженіе неумѣстно. По Гартману сознание состоитъ

и видѣть въ немъ только актъ освобожденія представленія отъ воли. Правда, такимъ аргументомъ устраняется самосознаніе, такъ какъ для него «нѣтъ условій въ Безсознательномъ». но еще ни мало не рѣшается, есть ли мышленіе Абсолютнаго сознательно или бессознательно.

Мы знаемъ, что Гартманъ склоняется на сторону послѣдняго предположенія и въ подтвержденіе его указываетъ на взаимное сопроникновеніе идей, но это однако же не устраняетъ затрудненій, и только заставляетъ признать въ Абсолютномъ сознаніе всесовершенное, не конечное и ограниченное, каково наше. Какъ бы мало ни было рефлексія въ Безсознательномъ, какъ бы быстро ни совершались въ немъ логическіе процессы и какъ ни интуитивно его мышленіе, оно все-таки остается актомъ сознательнымъ. Интуиція и рефлексія различаются преимущественно *способомъ* познаванія, и никакъ не тѣмъ, чтобы сознаніе было исключительнымъ признакомъ второй и не принадлежало интуитивному мышленію. Поскольку Безсознательное способно сразу охватывать всю массу средствъ, ведущихъ къ цѣли, собирать изъ нихъ только соотвѣтствующія, начинать осуществленіе своихъ плановъ съ простѣйшихъ данныхъ и переходить къ послѣдующимъ, болѣе сложнымъ,—оно необходимо должно *ясно и живо* представлять и сознать все это и даже безмѣрно выше,

въ томъ, что организованная матерія самостоятельно производитъ различнаго рода представленія и понятія и многообразныя ихъ сочетанія по поводу внѣшнихъ возбужденій и внутреннихъ состояній. Съ такимъ содержаніемъ матерія *неожиданно* для Безсознательнаго вторгается въ его область и *изумляетъ* или производитъ недовольство въ безумной волѣ, которая видитъ предъ собою чуждыя ей представленія. А что матерія въ состояніи совершать мыслительные процессы, это слѣдуетъ изъ тождества ея съ духомъ по существу. Основу ея составляютъ атомы, которые въ первоначальномъ своемъ видѣ суть ничто иное, какъ соединеніе простыхъ противудѣйствующихъ силъ. Изъ нихъ-то въ дальнѣйшемъ развитіи и въ удобное время получается такая комбинація, что организованная матерія становится способною къ совершенію различныхъ мыслительныхъ актовъ. Тутъ самое странное соединеніе крайняго идеализма съ грубымъ матеріализмомъ Бюхнера и его сторонниковъ. Оставляя въ сторонѣ первую часть разсужденій, можно спросить Гартмана, какъ матерія мыслить? потому что вѣдь она все-же вещество косное, инертное; но рѣшеніе этой проблемы принадлежитъ психологій и отвлекло бы насъ далеко отъ даннаго предмета.

чѣмъ человѣкъ. Иначе все представленія проходили бы въ Бессознательномъ безъ всякаго слѣда; не было бы тогда ни стремленія удовлетворить хотѣніямъ безумной воли вопреки ея намѣреніямъ, ни осуществленія средствъ, а слѣдовательно не было бы и міра.

«Но можно, — продолжаетъ Гартманъ свою полемику, — поставить еще болѣе общее возраженіе и, напримѣръ, сказать: поставить цѣль — значитъ заботиться о своемъ будущемъ; какимъ же образомъ Бессознательное, т. е. нѣчто, не сознающее себя настоящимъ, можетъ сознавать себя будущимъ? На это я могу отвѣтить, что вся эта цѣлеположная дѣятельность, относясь къ чисто отрицательной конечной цѣли, есть также только отрицательная, слѣдовательно, имѣетъ въ виду только уничтожить *настоящее состояніе*, а не привести какое либо положительное будущее. Въдѣ въ такомъ случаѣ съ одной стороны эта цѣлеположная дѣятельность представляла бы будущее привативное состояніе, какъ границу настоящаго, долженствующаго быть прекращеннымъ, а съ другой стороны невозможность для Бессознательнаго представлять будущее состояніе, какъ цѣль процесса была бы несогласна съ его ясновидѣніемъ, которое мы повсюду встрѣчали»¹⁾. Что хочетъ сказать этимъ Гартманъ? Намъ думается, дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Кто полагаетъ себѣ извѣстное будущее, тотъ, во-первыхъ, сознаетъ вмѣстѣ съ имѣющимъ быть и свое настоящее состояніе и чрезъ это, во-вторыхъ, уже въ нѣкоторомъ смыслѣ ограничиваетъ самъ себя. По силѣ всѣхъ этихъ соображеній такое воззрѣніе и не приложимо къ Абсолютному. Бессознательное мыслить свое настоящее, какъ нѣчто, не имѣющее никакой внутренней связи съ его существомъ, чуждое ему, вызывающее страданіе, а потому и подлежащее уничтоженію (отрицанію); будущее же есть только прекращеніе ненормальнаго состоянія, чистое небытіе, математическій нуль. Цѣлеположная дѣятельность, какъ посредствующее звено между настоящимъ и ожидаемымъ, поэтому, не даетъ права приписывать Верховной причинѣ отвлекаемыхъ отъ нея существенныхъ свойствъ,

¹⁾ 2-й вып. стр. 404.

а слѣдовательно «несостоятельна» и «попытка изъ цѣлеположности міроваго процесса вообще вывести сознание или даже самосознание міровой сущности» ¹⁾. Положимъ, «въ силу потребности объяснить цѣлеположную дѣятельность, мы должны необходимо принять предміровое сознание», но это сознание «ощущаетъ свое состояніе, какъ подлежащее отрицанію, т. е. страданіе» ²⁾ и значитъ касается не сущности Безсознательнаго, и его случайнаго, анормальнаго положенія; будущее же предносится Абсолютному въ видѣ возвращенія къ первоначальному небытію, какъ состояніе, *прямо* противоположное (даже и въ отношеніи къ категоріи бытія) теперешнему страданію, а потому и представленіе исходной цѣли міроваго процесса можетъ относиться къ Безсознательному только въ актѣ соединенія его съ волею, а слѣдовательно и не ограничиваетъ абсолютной сущности въ ея первоначальномъ видѣ. Какъ схватываются оба эти состоянія въ «предміровомъ сознаниі», это достаточно объясняется «ясновидѣніемъ, которое мы повсюду встрѣчали» въ Безсознательномъ.

Насколько важны приведенныя разсужденія Гартмана, ибо онъ хочетъ здѣсь, въ ученіи о цѣлесообразности міра, найти подтвержденіе своей теоріи, въ чемъ мы видѣли самую слабую ея сторону,—настолько же они темны и несостоятельны.

Первое. Кто стремится къ будущему, тотъ сознаетъ настоящее; Безсознательное относится къ послѣднему, какъ состоянію чуждому и неестественному, *не признаетъ* его своимъ, и потому и *не сознаетъ*. Заключение сдѣлано, повидимому, совершенно правильно, но на самомъ дѣлѣ оно страдаетъ важнымъ логическимъ недостаткомъ. Если Абсолютное считаетъ настоящее положеніе чуждымъ своему существованію, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно не признавало его своимъ въ томъ смыслѣ, что данное состояніе въ немъ находится, хотя бы то и помимо его желанія,—не слѣдуетъ и того, чтобы Безсознательное не чувствовало себя «индивидуализированнымъ» сознаниемъ своего «страданія». Различіе только въ томъ,

1) 2 вып. стр. 405.

2) 2 вып. стр. 405.

что здѣсь для Абсолютнаго начала выступаетъ на первый планъ не нормальность его положенія, а будто бы это указываетъ на отсутствіе въ немъ сознанія? Тѣлесное здоровье, правильность органическихъ отправленій, бодрость и свѣжесть духа, — вотъ свойства нормальнаго человѣка; но если я нахожусь въ совершенно противоположномъ состояніи, пораженъ какою нибудь болѣзнію, то сознаніе мое въ данномъ случаѣ ничуть не слабѣе, чѣмъ и въ первомъ, и даже дѣйствуетъ гораздо интенсивнѣе. Тоже самое должно быть и въ Абсолютномъ, когда въ немъ, вслѣдствіе хотѣній безумной воли, появляется жажда бытія; самая аномальность только возвышаетъ сознательный процессъ, дѣлаетъ его «острѣе», а вовсе не подавляетъ.

Второе. Совершенно фиктивно основаніе Гартмана, будто бы сознаніе въ Абсолютномъ не можетъ быть допущено потому, что стремленіе къ будущему въ этомъ случаѣ ограничивало бы настоящее, что несогласно съ понятіемъ Безсознательнаго, какъ неограниченнаго. На подобныя затрудненія теистическое воззрѣніе отвѣчаетъ очень легко; оно указываетъ на свободное самоопредѣленіе Абсолютнымъ бытія міра, которое (бытіе) вытекаетъ не изъ принудительнаго сознанія ненормальности предмѣроваго существованія, а изъ желанія блаженства тварямъ. Только тогда извѣстное состояніе ограничиваетъ личность, когда оно налагается внѣшнею силою вопреки нашей волѣ, когда, напримѣръ, преступникъ властію лишается употребленія свободы.

Но Гартманъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ спасти неограниченность своего Безсознательнаго необходимо отрицаетъ это свойство и сводитъ абсолютное бытіе въ разрядъ конечнаго. Положимъ, виновникомъ бытія является не разумная воля, а не представляющій элементъ; но тогда вѣдь Абсолютное бытіе будетъ ограничиваться прежде всего сознаніемъ ненормальности своего настоящаго состоянія, которое все-же принадлежитъ ему, а это послѣднее будетъ ограничиваться будущимъ, какъ своимъ отрицаніемъ. Математическія соображенія здѣсь не приложимы и не умѣстны. Правда, двойное отрицаніе производитъ нѣчто положительное, но развѣ только въ алгебрѣ, а никакъ ужъ не въ Безсознательномъ, потому что

теперешнее состояніе, ограничивающее его, существуетъ въ немъ на самомъ дѣлѣ, лишаетъ его абсолютности и не можетъ обѣщать будущей неограниченности, ибо конечное никогда не превращается въ безконечное. Такимъ образомъ Абсолютное—ограничено: вотъ противорѣчіе, непосредственно вытекающее изъ разсужденій Гартмана и ясно изобличающее несостоятельность основныхъ началъ его философіи.

Третье. Цѣлеположная дѣятельность не даетъ основаній для заключеній касательно познанія или даже самосознанія Абсолютнаго, ибо цѣлеположность міроваго процесса вытекаетъ не изъ существа Безсознательнаго, но изъ его «страданія», а потому и не можетъ указывать на него, какъ оно существуетъ само въ себѣ.

Положимъ, міръ, какъ *бытіе*, обязанъ своимъ происхожденіемъ неразумному началу, волѣ; но цѣлесообразность міроваго процесса зависитъ все-таки отъ разумной представляющей силы, въ которой сущность Безсознательнаго. Воля даетъ только толчокъ къ бытію, который такъ значителенъ, что представленіе необходимо должно отвѣтить на него; но оно обращаетъ самое бытіе на служеніе своимъ цѣлямъ и влагаетъ въ него свой духъ и свой смыслъ. Воля причина только *почему* («*warum*») міра и *что* («*dass*») онъ есть, а *что въ* мірѣ («*was*», т. е. содержаніе) и *какъ* («*wie*») — происходятъ отъ представленія: таково ученіе самого Гартмана ¹⁾. А такъ какъ цѣлеположная дѣятельность именно и состоитъ въ *какъ* и *что*, то мы в имѣемъ полнѣйшее и законное право разсматривать и анализировать ее, чтобы вывести такіе или иные предикаты для опредѣленія Абсолютнаго.

Кромѣ того, Гартманъ впадаетъ здѣсь опять въ безвыходное противорѣчіе. Если цѣлеположность ничего не говоритъ о верховномъ началѣ, то откуда же въ «Философіи Безсознательнаго» выводятся «спекулятивные результаты по индуктивному, естественно-научному методу?»

Развѣ не изъ разсмотрѣнія конкретныхъ явленій Гартманъ получаетъ данныя для подтвержденія своего ученія объ Абсо-

¹⁾ См. Philosophie des Unbewussten. s. 660.

лютопомъ? Не въ этомъ ли анализѣ и самая суть его философіи? Метафизическія изслѣдованія являются уже послѣ, когда къ нимъ приводятъ опытъ и наблюденіе. Если цѣлесообразность міроваго порядка не даетъ основаній для выводовъ касательно Абсолютнаго намъ, то она не можетъ служить и Гартману; если же онъ пользуется ею для своихъ видовъ, то и мы имѣемъ право поступать сообразно его примѣру.

Бессознательное владѣетъ представленіемъ ненормальности своего состоянія; а потому и «необходимо принять предміровое сознаніе, которое ощущаетъ свое состояніе, какъ подлежащее отрицанію, т. е. страданіе» ¹⁾. Помимо того оно полагаетъ себѣ извѣстную будущую цѣль въ видѣ возстановленія первоначальнаго раздѣленія основныхъ своихъ началъ (вотъ и представленія) и сознаетъ это при помощи «ясновидѣнія» ²⁾. Какъ бы мы ни понимали такого рода представленія, они все-таки должны быть сознательными процессами; безъ нихъ Бессознательное не чувствовало бы своего страданія, не стремилось бы удалить его и не могло бы достигнуть желательнаго исхода. А зная будущее, какъ свое естественное и нормальное состояніе, Бессознательное имѣетъ уже сознаніе себя въ истинной своей сущности, и не въ «инобытіи»; слѣдовательно оно обладаетъ самосознаніемъ. вмѣсто защиты Гартманъ положительно разбиваетъ здѣсь самъ себя и разрушаетъ свою теорію, невольно давая свидѣтельство въ пользу истины.

Послѣ такого неудачнаго опроверженія своихъ противниковъ нашъ философъ считаетъ однако-же нужнымъ указать, что онъ занялся этимъ предметомъ только изъ снисхожденія, а могъ бы оставить безъ вниманія всѣ эти возраженія, ибо въ ихъ аргументаціи невѣрна первая посылка, а потому и весь силлогизмъ не имѣетъ законной силы. «Кто, говоритъ Гартманъ,—заботится о будущемъ—тотъ, именно, заботится о какомъ либо будущемъ состояніи, по ему вовсе нѣтъ надобности знать, что это *его* состояніе, о которомъ онъ заботится. Въ царствѣ индивидуализаціи это не рѣдкій случай,

¹⁾ 2-й вып. стр. 405.

²⁾ 2-й вып. стр. 404.

ибо состояніе, которое составляетъ цѣль инстинкта, есть очень часто состояніе другого животнаго, напримѣръ, дѣтеныша.... значить въ этомъ возраженіи состоятельно только то, что Безсознательное должно знать *состояніе*, которое оно и должно положить подлежащимъ отрицанію и о которомъ оно можетъ знать только тогда, когда находитъ его въ себѣ, ощущаетъ, ибо это состояніе не поставлено самимъ атрибутомъ представленія, подобно всѣмъ позднѣйшимъ интуціямъ¹⁾. Вопросъ теперь сводится къ тому, возможно-ли стремленіе къ будущему безъ сознанія, что забочусь о себѣ, что это именно *мое* состояніе, а лишь при одномъ представленіи, что это есть состояніе и ничего болѣе, безъ всякихъ личныхъ опредѣленій и предикатовъ. Казалось бы, Гартманъ говоритъ здѣсь опять о ненормальности желаній бытія въ сферѣ Абсолютнаго, но такое пониманіе устраняють слѣдующія его слова: «въ царствѣ всеединого прекращается всяческое различіе различнаго; здѣсь состояніе есть состояніе и вопросъ о носителѣ его точно также не имѣетъ значенія, какъ невозможно и его возникновеніе въ силу отсутствія всяческой рефлексіи въ Безсознательномъ»²⁾. Очевидно, мысль Абсолютнаго созерцаетъ предъ собою лишь будущее, не опредѣляя ближе, чье это состояніе или представленіе. Но въ такомъ случаѣ остается еще возможность сознанія предположенной цѣли, безъ чего, по нашему мнѣнію, не было бы и осуществленія ея въ мірѣ явленій, ибо онъ не имѣлъ бы для себя «творческой» причины. Мы тогда навѣки погрузились бы въ безысходное и неразрѣшимое недоумѣніе касательно того, что побудило Абсолютное начало къ безумному акту, свергнувшему насъ въ юдоль плача и безпрестанныхъ страданій, какъ это живо изображаетъ Гартманъ? Человѣчество твердо стоитъ за свои исконныя убѣжденія и отказывается раздѣлять знаніе отъ сознанія и поступковъ, когда въ послѣднихъ выражается разумная мысль, опредѣленная нравственная идея. По крайней мѣрѣ, безсознательное знаніе ничѣмъ въ насъ не сказывается

1) 2-й вып. стр. 404—405.

2) 2-й вып. стр. 404.

ся, а есть логическая нелѣпость, коль скоро мы видимъ, что оно влечетъ за собою извѣстныя, строго и точно соотвѣтствующія ему слѣдствія. Поэтому-то мы никогда и ничего не ставили себѣ въ будущемъ въ видѣ желаемой цѣли — иначе, какъ сознавая все это. А отсюда уже одинъ шагъ къ признанію даннаго состоянія, которое ощущается, *момимъ*, потому что хотя бы оно и называлось мнѣ чѣмъ нибудь внѣшнимъ, оно все-же существуетъ во мнѣ, пусть даже и въ формѣ положенія, подлежащаго отрицанію. Шагъ этотъ дѣлаетъ самъ Гартманъ, забывая почему-то, что такъ недавно онъ говорилъ совершенно противное. «Безсознательное должно знать *состояніе*, которое оно и можетъ знать только тогда, когда находится его въ себѣ, ощущаетъ» ¹⁾.

Мы не касаемся здѣсь вопроса объ «отсутствіи всяческой рефлексіи» въ Абсолютномъ, ибо, какъ замѣчено выше, сознание не есть исключительный признакъ только рефлексивнаго мышленія, почему бы оно и не могло принадлежать, на примѣръ, интуиціи. Смѣемъ замѣтить, что и ссылка Гартмана на инстинктъ половой и материнской любви не поддерживаетъ его и главнымъ образомъ потому, что приведенная здѣсь аналогія не соотвѣтствуетъ своему предмету. Когда мы говоримъ о Безсознательномъ, то, конечно, имѣемъ въ виду начало разумное, поступающее согласно своимъ планамъ и намѣреніямъ. Совсѣмъ не то — въ инстинктѣ. Онъ не составляетъ самостоятельнаго произведенія самого животнаго, а существуетъ въ той или другой формѣ единственно потому, что въ немъ принимаетъ участіе высшій разумъ. Что же обуславливаетъ стремленія Абсолютнаго? Что мы приложимъ къ нему для объясненія его цѣлеположной дѣятельности? Допустить другое начало, вызывающее въ Безсознательномъ «инстинктъ бытія», не возможно, ибо нелѣпо ставить два неограниченныхъ существа другъ подле друга; а потому остается только одинъ выходъ — приписать Абсолютному сознание. Если человекъ способенъ въ нѣкоторой степени сознательно воспитывать въ себѣ навыки, подобные инстинктивнымъ дѣй-

¹⁾ 2-й вып. стр. 404—405.

ствіямъ, то естественно заключить, что и вся масса ихъ въ органическомъ и психическомъ мірѣ можетъ имѣть причину *только* въ сознательномъ верховномъ разумѣ, а никакъ не въ Безсознательномъ. Въ этомъ смыслѣ и нужно понимать «предміровое сознание» и «знание состоянія», упоминаемыя Гартманомъ. Правда, у него относится все это къ тому моменту въ Абсолютномъ, когда уже наступилъ актъ сліянія обоихъ составляющихъ его началъ; поэтому будто бы сознание и не касается Безсознательнаго до этого времени. Но, во-первыхъ, по крайней мѣрѣ, не отрицаемо, что это всеединое имѣетъ сознательныя представленія, а во-вторыхъ, такъ какъ оно не есть какое нибудь химическое соединеніе воли и представленія, отличное отъ нихъ, когда они рассматриваются въ отдѣльности, то и предикатъ сознательнаго мышленія можетъ быть отнесенъ и къ Абсолютному началу въ его истинной сущности и во всякомъ случаѣ къ разумному его элементу, представленію. Все это ясно говоритъ противъ ложной теоріи, развиваемой въ «Философіи Безсознательнаго».

Искусственно построенная система оказывается состоятельною и правильною только на бумагѣ и то лишь на первый взглядъ, при недостаточномъ анализѣ. Скоро внимательное разсмотрѣніе ея положеній открываетъ удивительныя внутреннія противорѣчія и несоотвѣтствіе объясняемымъ фактамъ. Это именно и случилось съ Гартманомъ. Его Безсознательное по всѣмъ даннымъ, изъ которыхъ оно выводится, а равно и по всѣмъ признакамъ, которые ему приписываются, должно обладать сознаниемъ и самосознаниемъ. Въ противномъ случаѣ оно не можетъ быть причиною происхожденія бытія или же обращается въ ничто, пустую абстракцію. Эту послѣднюю мысль вполне подтвердитъ нашъ разборъ ученія Гартмана о своемъ метафизическомъ принципѣ; но прежде чѣмъ обратиться къ нему, мы считаемъ нужнымъ указать еще на тотъ фактъ, что абсолютное отсутствіе сознанія есть несомнѣнный признакъ и отсутствія всякаго бытія, по смыслу рассматриваемой нами системы. Данныя для этого представляетъ намъ самъ Гартманъ.

Все бѣдствіе нашего печальнаго существованія происходитъ отъ того, что въ насъ слишкомъ развита воспримчивость къ

различнаго рода ненормальностямъ окружающаго міра или къ злу вообще, которое никакъ нельзя считать привативнымъ, согласно Лейбницу, ибо оно составляетъ дѣйствительный реальный фактъ. Въ виду этого страданіе увеличивается въ своей интенсивности прогрессивно и прямо пропорціонально увеличенію и расширенію сознанія и наоборотъ. Въ этомъ случаѣ замѣчается удивительная постепенность. «Геніи чувствуютъ себя гораздо несчастнѣе въ жизни, чѣмъ обыкновенные люди, въ слѣдствіе большей чувствительности и того, что они прозрѣваютъ большую часть иллюзій» ¹⁾. «Индивидуумы низшихъ и бѣднѣйшихъ классовъ и вообще дикари счастливѣе, чѣмъ индивидуумы образованныхъ и богатыхъ классовъ и культурные народы, потому что они грубѣе и тупѣе. Животныя счастливѣе человека ²⁾. «Впечатлительная» лошадь бѣдственнѣе тупой свиньи или рыбы въ водѣ. Жизнь рыбы завиднѣе, чѣмъ лошади; жизнь устрицы завиднѣе, чѣмъ рыбы:—жизнь растенія завиднѣе, чѣмъ жизнь устрицы и т. д.», пока спустившись подъ порогъ сознанія (т. е. потерявъ его), мы не встрѣтимъ уже болѣе индивидуальнаго недовольства» ³⁾. Объ атомахъ еще можно съ нѣкоторою, хотя и небольшою, вѣроятностію утверждать, что они владѣютъ извѣстнымъ сознаніемъ и чувствуютъ страданіе, но когда они распадаются на составные элементы, тогда не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было недовольствѣ, потому что тутъ уже совсѣмъ нѣтъ сознанія,—нѣтъ даже бытія.—Равнымъ образомъ и проектируемое Гартманомъ блаженство человека настанетъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ (на «третьей ступени развитія») уничтожитъ свое бытіе и вмѣстѣ съ тѣмъ потеряетъ, конечно, и всякую способность къ сознательному мышленію. Только на лонѣ Абсолютнаго небытія, только «погрузившись въ Nirvanu» люди могутъ быть вполне счастливы, а такое состояніе совершенно адекватно положительному несуществованію. Такимъ образомъ, по ученію Гартмана, сознаніе идетъ вездѣ и всегда па-

¹⁾ 2-й вып. стр. 335.

²⁾ 2-й вып. стр. 334.

³⁾ 2-й вып. стр. 335.

различно и пропорціонально развитію бытія, если позволительно такъ выразиться. Отсюда получается выводъ не очень благоприятный для нашего философа. Категорія бытія прилагается только къ существованію сознательному въ такой или иной степени; поэтому когда Абсолютное начало безсознательно, тогда его и не существуетъ, а коль скоро оно есть, оно должно *необходимо* обладать сознаниемъ. Подобное заключеніе вполнѣ оправдывается воззрѣніямъ Гартмана на сущность и характеръ эстетическія свойства своего верховнаго принципа.

Въ началѣ и прежде всякаго бытія, говоритъ онъ, существовала лишь абсолютная воля и абсолютное представляющее начало и то только *in abstracto*, а не *de facto*. Первая въ своей основѣ есть нѣчто слѣпое, тупое и безсодержательное. Единственное ея опредѣленіе составляетъ безконечное стремленіе къ наполненію, жажда бытія; поэтому воля есть ничто иное, какъ повсюду остающаяся себѣ равною пустая форма и въ этомъ видѣ есть одна абстракція безъ всякой реальности. Но, не имѣя въ себѣ никакого содержанія и будучи совершенно тупою и неразумною, — воля, естественно, пока не можетъ прійти ни къ какому осуществленію; она заключаетъ въ себѣ актуальность только въ потенціи. Что это за бытіе, — трудно и даже невозможно и представить себѣ. *Желаніе* безъ желающаго субъекта и безъ объекта, къ которому оно направляется, — желаніе совершенно пустое, одна голая форма стремленія — *такое существо* мыслимо только на словахъ и введено Гартманомъ лишь для законченности системы, но никакъ не связывается въ нашей головѣ съ атрибутомъ реальнаго бытія. Такое начало есть ничто. — Абсолютное небытіе. Но какъ бы то ни было нашъ философъ представляетъ, что воля безъ всякаго содержанія, съ неутолимой жаждой бытія, — необходимо должна страдать и мучиться и въ этомъ случаѣ можетъ быть обозначена, какъ *«безконечное томленіе»*. «Состояніе пустой воли предъ наполненіемъ есть, слѣдовательно, вѣчная тоска по наполненію, которое можетъ быть дано ей только чрезъ представленіе, т. е. это есть Абсолютное *неблаженство* (*Unseligkeit*), мученіе безъ утѣхи и даже безъ перерыва. Такая неудовлетворенность

eo ipso производить сознание. Это сознание — *единственное всеміровое*, къ принятію котораго мы имѣемъ причины¹⁾. Такого признанія пока достаточно.

На пути къ удовлетворенію своего стремленія воля встрѣчаетъ другое начало, — представленіе. Этотъ принципъ является какъ прямая противоположность первому. Поскольку воля — безсодержательна и пуста, постольку представленіе богато идеями; но поскольку первая актуальна и дѣятельна, постольку же представленіе инертно и положительно безразлично въ этомъ отношеніи. Здѣсь опять возникаетъ неизбѣжный вопросъ о сущности этого второго начала. Представленіе безъ представляющаго, къ которому оно относилось бы, есть ли рѣшительная негѣпость. — или же оно есть представляющій субъектъ, который называется такъ потому, что онъ обладаетъ сознательнымъ духовнымъ содержаніемъ. Не говоримъ уже о колоссальной негѣпости Гартмана, выставляющаго два абсолютныхъ принципа другъ подлѣ друга; ему было важно соединить противоположные элементы въ одно цѣлое, чтобы найти причину міроваго бытія и представить завязку міровой трагедіи, и потому все прочее онъ оставлялъ безъ вниманія.

Теперь желаніе можетъ получить исходъ; содержаніе найдено, ибо воля («мужское начало») обнимаетъ, захватываетъ въ себя «женскій принципъ», — представленіе; стремленіе ея къ блаженству находитъ свое удовлетвореніе въ бытіи міра, который однако же приводитъ только къ большому злу и бѣдствію; поэтому воля первоначально тупая и неразумная (*dumm und alogisch*) становится уже, по силѣ противорѣчія самой себѣ, своимъ желаніямъ, — противоположною (*antilogisch*). Впрочемъ опять здѣсь: что такое это новое существо, какими опредѣленіями обладаетъ этотъ странный «гермафродитъ»²⁾, по мѣткому выраженію Ольснера? Гартманъ опредѣляетъ, что оно есть абсолютно безсознательное начало. Въ немъ совмѣщаются всѣ совершенства верховнаго существа: всемо-

1) Philosophie des Unbewussten. s. 659.

2) Oelsner. Der Gott des neunzehnten Jahrhundert s. 59.

гущество, всевѣдѣніе, безконечная любовь и пр., за исключеніемъ сознанія. При всемъ томъ Абсолютное это хорошо понимаетъ безуміе желаній воли и стремленій ея къ бытію и умѣетъ искусно подставить ей такія средства, что она съ теченіемъ времени должна разрушить самое себя, чтобы опять настала совершенный покой небытія. А такъ какъ все это требуетъ для себя сознательной причины, то и Гартманъ находится вынужденнымъ признать, что «Безсознательное должно знать свое *состояніе*, которое оно должно положить подлежащимъ отрицанію и которое оно можетъ знать только тогда, когда находитъ въ себѣ, ощущаетъ»¹⁾. Отсюда уже не далеко и до самосознанія, потому что развитое сознаніе безъ самосознанія для насъ не представимо. Всякое сознаніе предполагаетъ знающаго или сознающаго; а когда это сознаніе направляется на свои представленія и опредѣляетъ ихъ, какъ *свое* духовное содержаніе, оно непременно становится самосознаніемъ. Вѣдь самосознаніе есть ничто иное, какъ сознаніе извѣстнаго круга идей произведенными *моимъ* духовнымъ началомъ и въ силу этого сознаніе своей особы и самостоятельности или личности. Между тѣмъ Безсознательное ясно различаетъ всѣ свои представленія въ смыслѣ личнаго, *ему* принадлежащаго содержанія, а потому и обладаетъ несовершеннѣйшимъ изъ всѣхъ возможныхъ самосознаній, какого никогда не достигаетъ человѣкъ, ибо свѣтъ нашего разума не можетъ обнимать одновременно все свое духовное богатство.

Изъ всѣхъ изслѣдованій Гартмана о существѣ Абсолютномъ необходимо вытекаютъ три слѣдующія положенія:

1) воля, какъ безконечное томленіе, имѣетъ сознаніе; но поскольку она не принадлежитъ никакому волящему субъекту, она равняется нулю.

2) Представленіе, какъ начало, существующее само по себѣ,—немыслимо и обращается въ ничто; но оно есть въ то же время принципъ разумный, и слѣдовательно обладаетъ и сознаніемъ.

¹⁾ 2-й вып. стр. 404—405.

3) Соединеніе обоихъ началъ, Безсознательное, судя по его цѣлеположной дѣятельности и сообразно приписываемымъ ему признакамъ, надѣлено не только сознаниемъ, но и само-сознаниемъ; въ противномъ случаѣ оно становится небытіемъ, математическою точкой.

Что избрать изъ этихъ противоположностей, Гартманъ не особенно затрудняется. Онъ смѣло откидываетъ предикатъ сознанія, а слѣдовательно и бытія, — соединяетъ два составляющихъ нуля и обозначаетъ вышедшій отсюда третій нуль именемъ Безсознательнаго, чтобы дать читателю его философіи возможность вызвать въ себѣ хоть какое-нибудь представленіе объ Абсолютномъ и Гартману нѣтъ дѣла до того, что міръ останется тогда безъ основы и кромѣ него, — какъ никому непонятной загадки, «тайны обмана», по выраженію покойнаго Э. М. Достоевскаго (въ романѣ «Бѣсы»), — мы не будемъ имѣть никакого другаго бытія. Ему нѣтъ дѣла до того, что такое возрѣніе открываетъ широкой путь въ царство абсолютнаго нигилизма, ибо міръ, по смыслу его системы, представляетъ собою нѣчто призрачное, не истинное, а потому и не сущее въ собственномъ смыслѣ: въ немъ только грезы и «иллюзіи» великой обольстительницы Майи. Что мы не навязываемъ здѣсь философу своихъ мыслей, это достаточно показываетъ дальнѣйшая литературная дѣятельность Гартмана, его проповѣдь «о саморазложеніи христіанства и религія будущаго», его рѣшительная склонность къ обновленному Буддизму, сущность котораго будетъ заключаться въ прошеніи: «избави насъ отъ бытія»¹⁾, и пророчество о всеобщемъ, поголовномъ самоубійствѣ въ концѣ міроваго процесса, чтобы только «достигнуть почвы нирваны и блаженнаго небытія». Но помимо своего желанія Гартманъ даетъ намъ сильное научное доказательство въ пользу существованія верховнаго начала, личнаго и самосознающаго.

Міръ не есть самонсточное, самостоятельное и самосущее

¹⁾ Всѣ эти взгляды развиты Гартманомъ въ его брошюрѣ: «саморазложеніе христіанства и религія будущаго». (См. также Правосл. Обзор. за 1875 г. Академическая рѣчь проф. Остерзее). Впрочемъ, знаменательныя указанія на это находятся уже и въ «Философіи Безсознательнаго».

бытіе, а требуетъ для себя творческой причины. Но онъ въ тоже время представляетъ столько разумности и цѣлесообразности въ своемъ устройствѣ, что невольно принуждаетъ нашу мысль признать въ Абсолютномъ наисовершеннѣйшее сознаніе и самосознаніе, всевѣдѣніе, разумъ, всемогущество и другія такія же свойства; и что это, какъ не личный Богъ?!

Самъ Гартманъ не дѣлаетъ законныхъ выводовъ изъ добытыхъ имъ положеній и старается обратить ихъ въ пользу своей теоріи, ибо находитъ понятіе сознанія несомвѣстимымъ съ абсолютностію верховнаго начала. Въ этомъ, кажется, заключается главное основаніе его полемики противъ самосознающаго «теистическаго Бога». «Для того,—говоритъ онъ ¹⁾, кто выросши на воззрѣніяхъ христіанскаго теизма, вздумать бы приложить имя «Богъ» къ «единому существу, которое есть все», и который-бы сталъ смущаться тѣмъ, что Богъ не имѣетъ никакого сознанія, тогда какъ имъ надѣлены конечныя индивидуумы,—для того я напомяну здѣсь, что ничто такъ ни несомвѣстимо съ понятіемъ Абсолютнаго, какъ сознаніе (dass das Bewusstsein nichts weniger, als einen Absoluten Werth hat), что оно, напротивъ, есть ограниченіе, которому мы, конечныя существа, подвержены только для того, чтобы исправить разъ происшедшую ошибку (т. е. твореніе міра, какъ дѣйствіе неразумной воли).—что христіанство, прилагая Богу видъ индивидуумовъ—личное сознаніе, впадаетъ въ не меньшую антропатическую ошибку, какъ и іудаизмъ, который, на основаніи и сообразно личному опыту человѣка, приписываетъ Ему гнѣвъ, мстительность и тому подобныя свойства. Первое, какъ и второе (воззрѣніе) есть недостойное ограниченіе чистой и возвышенной сферы Божества, которое такъ наполнено безвременнымъ всевѣдѣніемъ идеи, что имѣетъ такъ же мало побужденій къ *reflexion* *in* *se*, какъ и въ (чемъ нибудь) другомъ, вообще при интуитивномъ характерѣ своего знанія оно не можетъ придти рѣшительно ни къ какой ре-

¹⁾ Philosophie des Unbewussten. ss. 462—464. Ausgabe 1869 Jahres. Въ переводѣ Козлова это мѣсто по нѣкоторымъ соображеніямъ опущено. Нужно замѣтить, что въ подлинникѣ рѣчи Гартмана еще смѣле и рѣзче.

флексіи, которая имѣеть смыслъ только при предположеніи дискурсивнаго мышленія. Однимъ словомъ, Абсолютное всего менѣе можетъ имѣть что нибудь общее съ тѣмъ, что мы знаемъ, какъ сознаніе и самосознаніе, потому что и то и другое возможно только на почвѣ чувственности (*auf dem Boden der Sinnlichkeit*). Если-бы Богъ дѣйствительно имѣлъ сознаніе прежде творенія, тогда и послѣднее было бы не извинительнымъ преступленіемъ, такъ какъ его бытіе (*ihr «Dass»*) извннительно и понятно лишь какъ результатъ *сильной* воли; въ этомъ случаѣ весь міровой процессъ былъ-бы не имѣющимъ основанія безуміемъ, такъ какъ единственная его цѣль, твердое самостоятельное сознаніе, уже существовало-бы и безъ него. Только потому до сихъ поръ такъ сильно и старались отстоять самосознающую личность въ Абсолютномъ, чтобы не представлять его *исключительнымъ* продуктомъ *сильныхъ* силъ; съ познаніемъ же, что въ Абсолютномъ существуетъ безсознательная интеллигенція, ясновидящая мудрость которой превосходитъ всякое возможное сознаніе, и что она опредѣляетъ *содержаніе* творенія и міроваго процесса, исчезаетъ всякое побужденіе (къ такому представленію Бога—самосознающимъ и личнымъ). А что я безсознательный разумъ поставилъ на мѣсто сознательнаго и отнялъ чрезъ это у всеединаго *личность*, въ этомъ на самомъ дѣлѣ единственное различіе его (т. е. всеединаго) отъ Бога того теизма или монотеизма, въ которомъ міръ не противопоставляется Богу, а имманентенъ ему. *Индивидуальность-же Безсознательное имѣеть*. Вотъ въ полномъ смыслѣ катихизисъ Гартмана, потому что онъ говоритъ здѣсь тономъ догматиста, аподиктически высказываетъ свои положенія, не заботясь о надлежащемъ ихъ подтвержденіи и, повидимому, не предполагая даже и возможности какихъ либо возраженій или недоумѣній. Что Безсознательное не имѣеть никакой рефлексіи, а обладаетъ только ясновидящею мудростію—это, какъ мы видѣли, нимало не служитъ въ пользу Гартмановой теоріи. Что-же касается того утвержденія, будто при христіанскомъ представленіи нельзя указать причины для существованія міра, то на это нужно замѣтить, что вѣдь, во-первыхъ, еще не доказано, чтобы зло относилось къ самой

сущности міроваго бытія, составляло *необходимый, изначальный* его элементъ, почему-бы и нельзя было относить міръ, въ этомъ видѣ, къ всесовершенному и всеблагому Существу.—равно какъ, во-первыхъ, остается чистымъ предположеніемъ, будто *единственная* цѣль міроваго процесса есть произведеніе ограниченныхъ существъ съ твердымъ и яснымъ сознаниемъ. Новыя черты, заключающіяся въ приведенномъ отрывкѣ,— черты, чрезвычайно важныя въ вопросѣ о верховномъ началѣ, суть слѣдующія: 1) несомѣстимость сознания и личности съ понятіемъ Абсолютнаго и 2) его индивидуальность. Члены перваго положенія стоятъ между собою въ неразрывной причинной связи, такъ что нельзя, безъ противорѣчія себѣ, признавать въ Безсознательномъ одно и отрицать другое, ибо, какъ говоритъ Гартманъ, «я только и состоитъ въ сознаниі моего головнаго мозга» ¹⁾. Поэтому-то и въ «Философіи Безсознательнаго» придается настоящему вопросу такое важное значеніе, что въ зависимость отъ сознательности или безсознательности Абсолютнаго поставляется вся судьба христіанства; оно должно или принять Гартмановъ монизмъ и существовать или же послѣдній побѣдить Христа. Вотъ окончательный приговоръ нашего философа: «ортодоксальный католицизмъ и поверхностный раціональный протестантизмъ, которые оба думаютъ возвысить Бога, антропатизируя Его,— на самомъ дѣлѣ лишь унижаютъ Его: поэтому, я думаю, близко время, когда христіанство сдѣлается монотеистическимъ или оно должно погибнуть» ²⁾. Высказанное здѣсь возраженіе вовсе не новость: оно раздѣлялось всеми послѣдователями пантеизма и ясно формулировано уже Спинозою въ извѣстномъ его положеніи: *omnis determinatio est negatio*. Вся ошибка Гартмана и его предшественниковъ заключается въ неточномъ и невѣрномъ пониманіи личности. «Для необразованнаго при словѣ личность тотчасъ же возникаетъ въ фантазіи предметъ съ головою, руками, ногами. Образованные опредѣляютъ личность, какъ индивидуума съ полнымъ самосознаниемъ; а инди-

1) 2-й вып. стр. 325.

2) Philosophie des Unbewussten s. 456.

видуумъ есть всякая замкнутая въ себѣ сфера силъ. Такъ какъ у низшихъ индивидуумовъ такая замкнутость собственныхъ силъ есть постоянна, въ то же время и ограниченіе по отношенію къ другимъ сферамъ силъ, то и думаютъ, что нельзя назвать Бога индивидуумомъ; ибо Онъ не можетъ ограничивать свою сферу силъ никакою другою¹⁾. Но дѣло въ томъ, что не должно мыслить Бога самосознающею личностію въ томъ же смыслѣ, какъ и человѣка. Вѣдь и мы признаемъ себя личностями не потому, что поставлены въ извѣстныя отношенія къ себѣ подобнымъ и ограничены, а потому, что сознаемъ себя самостоятельно дѣйствующими существами въ ряду другихъ и слѣдовательно отдѣльными отъ нихъ; предикатъ же ограниченности является въ силу нашей тварности. Поэтому если отнять этотъ случайный атрибутъ и поставить на мѣсто его абсолютность Божества, то и получится здоровое представленіе христіанскаго «теизма», что Богъ есть неограниченная самосознающая личность. Ни логически, ни фактически невозможно выставить ничего серьезнаго противъ этого положенія. Въ мірѣ ограниченномъ много существъ; однако-же личностію называется только одинъ человѣкъ. Очевидно, сущность ея вовсе не въ конечности; ибо вѣдь въ этомъ случаѣ—и камень и дерево и лошади и медвѣдь были бы личностями, поскольку всѣ они конечны. Если же съ полнымъ правомъ можно приложить этотъ эпитетъ къ одному лишь человѣку, ибо онъ обладаетъ самосознаніемъ, то и естественно отъ него перейти къ абсолютной, безконечной и самосознающей личности. Доказательства—ясны. Сознаніе и личность не составляютъ исключительныхъ свойствъ только конечнаго и ограниченаго, ибо не всѣ внѣшніе предметы обладаютъ ими; несовмѣстимость этихъ атрибутовъ была бы понятна единственно въ томъ случаѣ, когда бы личность и сознаніе составляли неотъемлемыя свойства одного конечнаго бытія.—подобно вѣсу, протяженію, упругости и т. п., чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, хотя Гартманъ и ссылается на это, какъ на общепризнанную аксіому. Если же не такъ, то почему бы и Верховное Су-

¹⁾ Oelsner. Der Gott des neunzehnten Jahrhunderts. s. 46.

щество не могло имѣть ихъ?! Не только нѣтъ никакихъ препятствій мыслить именно такъ, а не иначе, но это является даже положительно необходимымъ, когда утверждается, что Абсолютное начало есть Творецъ людей, ограниченныхъ личностей. Сознаніе и личность кажутся несомвѣстимымъ съ безпредѣльностію потому, что въ мірѣ явленій къ нимъ постоянно присоединяется конечность, зависимость людей другъ отъ друга и т. п. Въ Богѣ нѣтъ мѣста подобнымъ ограниченіямъ; Онъ—духъ, сознающій себя, какъ Абсолютную личность, но не ограничивающій и ничѣмъ другимъ не ограничиваемый.

Въ виду этого не представляется особенныхъ основаній оспаривать второе положеніе Гартмана, если понимать его по существу. Онъ самъ сознается, что опредѣленія индивидуума, какимъ онъ является въ сферѣ конечнаго, не всѣ приложимы къ Абсолютному. Эти опредѣленія суть слѣдующія: «1) пространственное единство (фигура); 2) временное единство (непрерывность дѣйствія); 3) единство внутренней причины; 4) единство цѣли; 5) единство взаимодѣйствія частей другъ на друга (конечно, если эти части есть въ наличности)» ¹⁾. Ни пространственность, ни категорія времени, ни взаимодѣйствіе частей не принадлежатъ Абсолютному, какъ не пространственной, временной и недѣлимой сущности, ибо «все, что мы нашли въ Безсознательномъ различимаго или дѣлимаго, ограничивается двумя качествами: волею и представленіемъ, но и эти познаны нами опять, какъ неразрывное единство въ Безсознательномъ» ²⁾. Остается, слѣдовательно, единство цѣли въ направленіи міроваго процесса въ связи съ нераздѣльностію существа въ творческомъ принципѣ, но это говоритъ лишь за, а никакъ не противъ его личности; поэтому Онъ есть «всеобъемлющій индивидуумъ, абсолютный индивидуумъ или индивидуумъ κατ' ἐξουχίην» ³⁾. А если такъ, то это рѣшительно все равно, что и личность,—личность непространственная, выше временная и т. д. Когда мы присоединимъ сюда еще призна-

1) 2-й вып. стр. 122.

2) Philosophie des Unbewussten. s. 450.

3) Philosophie des Unbewussten. s. 451.

ніе Гартмана, что «въ Абсолютномъ существуетъ безсознательная интеллигенція, ясновидящая мудрость которой превосходитъ всякое возможное сознаніе»¹⁾ и слѣдовательно на самомъ дѣлѣ есть высшая и совершеннѣйшая степень сознанія, тогда и получится личный и самосознающій Богъ «теизма» — вопреки всей враждѣ нашего философа противъ такого представленія. Гартманъ здѣсь вполне побиваетъ самъ себя, разрушаетъ свою теорію и открываетъ путь къ истинному христіанскому воззрѣнію!

Изслѣдованіе «Философіи Безсознательнаго» ясно показываетъ, что изложенная здѣсь система не можетъ оставаться вѣрною сама себѣ безъ противорѣчія кореннымъ своимъ началамъ и должна уничтожать лѣвой рукой то, что создано правой, ибо ведетъ къ абсолютному нигилизму, — вмѣсто утвержденія даетъ отрицаніе. Кромѣ другихъ указаній, — для подтвержденія этого положенія можно сослаться хотя бы на приверженность Гартмана къ пантеизму, на что намекаетъ уже названіе Безсознательнаго *міровою* сущностію»³⁾ и въ особенности то, что его «всеединное» почти ничѣмъ не отличается «отъ того теизма или монотеизма, въ которомъ міръ не противопоставляется Богу, а имманентенъ Ему»⁴⁾. При стремленіи удержать самостоятельное предміровое начало — сказать такъ возможно только по недоразумѣнію или же по неразумію. Вѣдь въ томъ и слабая сторона пантеизма, что онъ попадаетъ въ странный кругъ, стараясь вывести міръ изъ Абсолютнаго и въ тоже время отождествляя ихъ. Въ концѣ концовъ и выходитъ, что существуетъ собственно только конечное бытіе съ непрерывною смѣной явленій, а никакихъ «абсолютныхъ идей» (Гегель), «тождествъ я и не—я» (Фихте), «безразличій» (Шеллингъ), «субстанцій» (Спиноза), нѣтъ и не можетъ быть⁴⁾. ибо чтѣ равно конечному, то уже не Абсо-

1) Philosophie des Unbewussten. s. 463.

2) 2-й выд. стр. 405.

3) Philosophie des Unbewussten. s. 464.

4) На Фихте, Шеллинга и Гегеля Гартманъ и ссылается прямо послѣ разсужденій о сознаніи и личности Абсолютнаго начала (Philosophie des Unbew. s. 464). Въ другихъ отдѣлахъ своей системы и преимущественно въ метафизической части

лютно. Здѣсь поэтому открывается царство самаго грубаго матеріализма и самаго крайняго нигилизма—вмѣсто обѣщаннаго царства Абсолютнаго, хотя бы и безсознательнаго. Апостоломъ-то его и является Гартманъ въ своей философіи: по крайней мѣрѣ, таковы логическіе выводы изъ «метафизическихъ результатовъ» его системы... Но положенія Гартмана еще не законъ и не необходимо должны быть приняты, если они сдѣланы вопреки правиламъ здраваго научнаго мышленія. Важны и цѣнны для насъ лишь его матеріалы, данныя философіи, изъ которыхъ мы въ правѣ послѣдовательно выводить все то, что изъ нихъ вытекаетъ логически. Съ этой стороны трудъ Гартмана представляетъ самое отрадное явленіе въ современной философской литературѣ. Міръ есть цѣлесообразно устроенный, грандіозный космосъ; но онъ не имѣетъ основы для своего бытія въ себѣ и отсылаетъ насъ къ высшей причинѣ. Поскольку онъ разуменъ, постольку же и Абсолютное Существо должно быть мыслимо неограниченнымъ Разумомъ. Но кромѣ того, Безсознательное всемогуще, ибо оно въ силахъ сразу прекратить бытіе, — вездѣсуще и любвеобильно, ибо присутствуетъ въ маломъ и великомъ, повсюду направляетъ дѣйствія конечныхъ тварей къ послѣдней цѣли своего бытія и содѣйствуетъ имъ во всемъ. А въ такомъ случаѣ Абсолютное и не безсознательно, потому что безъ этого свойства становится не понятнымъ ни разумность, ни цѣлесообразность міра. Оно есть также и личность: во всякой другой формѣ Богъ не представимъ: Онъ сливается тогда съ матеріею и обращается въ ничто.

И если справедливо утвержденіе нѣкоторыхъ писателей, что «задача настоящаго времени состоитъ въ доказательствѣ, что наше духовное развитіе вынуждаетъ насъ признать сознательное мышленіе, какъ основной принципъ міра»¹⁾—то справедливо также и то, что разрѣшеніемъ ея (хотя и ко-

Гартманъ усиливается доказать, что всѣ философы древняго и новаго міра, начиная съ Платона, учили о томъ же верховномъ принципѣ, но не умѣли и не могли высказать этого ясно и опредѣленно.

1) Oelsner. Der Gott des neunzehnten Jahrhundert s. 32.

свенно) мы не мало обязаны Гартману. Вопреки всѣмъ своимъ предзанятымъ тенденціямъ онъ на основаніи точныхъ данныхъ подтверждаетъ намъ, что есть Высшее Существо, всемогущее, вездѣсущее, всевѣдущее, любящее и самосознающее, а слѣдовательно есть Богъ, отъ Котораго все произошло и безъ Котораго не было и не существуетъ ничего.

Н. Глубоковскій.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31-го Декабря № 24 1888 года.

Содержаніе. Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887/88 учебный годъ (продолженіе).—Вѣдомость церковнаго кружечнаго сбора «въ пользу пужающихся Славянъ», полученнаго С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ въ теченіе 1887 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887—88 учебный годъ.

(Продолженіе *).

б) *Указаніе руководствъ, употребляемыхъ въ училищѣ, но не указанныхъ въ установленной программѣ.*

Въ отчетномъ году употреблялись учебники и учебныя пособія не указанные въ программѣ только по слѣдующимъ предметамъ: аа) *По Закону Божию* въ приготовительномъ классѣ «*Чтенія изъ св. книгъ Ветхаго и Новаго Завета на славянскомъ языкѣ*»,—*Прянишникова*; бб) *по русскому языку*: этимологія и синтаксисъ до соединенія предложеній по способу сочиненія проходила въ II и III классахъ и повторялась въ IV классѣ по учебнику *Кирничникова*, остальная часть синтаксиса проходила въ IV классѣ и повторялась въ VI по учебнику *Говорова*; *теорія словесности* въ IV и V классахъ проходила по учебнику *Българусова*; *исторія русской литературы* въ VI классѣ—по руководству *Орлова*; учебными пособіями по русскому языку служили: въ приготовительномъ классѣ *Учебная русская хрестоматія*,—*Полеваго*, въ I, II и III классахъ «*Родина*» *Радонезскаго*, въ IV, V и VI классахъ Хрестоматія *Гагалова и Филонова*; вв) *по Славянскому языку* въ IV и V классахъ употреблялась грамматика *Черевтѣскаго*; гг) *по ариметикѣ* въ старшихъ классахъ—учебникъ *Малыгина*; учебными пособіями служили *задачники Евтушевскаго, Малы-*

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 г. № 23.

нина и Минина и Арбузова; д) по геометріи въ V и VI классахъ — руководство Кравченко; е) по всеобщей и русской гражданской исторіи въ VI классѣ — учебникъ Рождественскаго; ж) по дидактикѣ — въ V классѣ литографированныя записки, составленныя преподавателемъ, а въ VI классѣ объяснительныя записки къ программамъ учебныгъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ, утвержденныя Св. Синодомъ и учебникъ Роцина.

в) Уклоненія отъ установленной для каждаго класса программы касались только русскаго языка и ариѳметики съ геометріею и были въ отчетномъ году тѣже, что и въ предыдущіе годы. По другимъ предметамъ въ точности выполнены программы, намѣченныя въ Уставѣ епархіальныхъ женскихъ училищъ, а въ приготовительномъ классѣ — программы, выработанныя въ началѣ 1886/87 учебнаго года Совѣтомъ Училища и утвержденныя Его Высочайшимъ повелѣніемъ.

г) Распределеніе письменныгъ упражненій и степень достиженій ими учащихся.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, Совѣтъ Училища и въ отчетномъ году обращалъ особенное вниманіе на письменныя упражненія воспитанницъ. Упражненія эти назначались такъ часто, какъ только позволяла возможность, начинались съ приготовительнаго класса и продолжались во всѣхъ остальныхъ классахъ до VI включительно, при чемъ соблюдалась надлежащая постепенность въ переходѣ отъ упражненій легкихъ къ болѣе труднымъ, наконецъ, баллы, полученные воспитанницами на письменныхъ упражненіяхъ, оказывали большое, и часто рѣшающее, вліяніе при общей оцѣнкѣ успѣховъ учащихся.

Письменныя упражненія состояли: а) изъ диктовки, которою въ первыхъ четырехъ классахъ, подъ руководствомъ преподавателей русскаго языка, по диктантамъ Смирновскаго, Тихомірова и Грота, занимались воспитанницы этихъ классовъ въ назначенныя для того росписаніемъ часы; б) грамматическихъ упражненій, классныхъ и домашнихъ, которыя велись учителями русскаго языка параллельно урокамъ грамматики и в) сочиненій классныхъ и домашнихъ, которыя въ приготовительномъ и первыхъ трехъ классахъ назначались исключительно учителями русскаго языка, а въ остальныхъ классахъ, кромѣ того, и преподавателями нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, именно: Закона Божія, гражданской исторіи, географіи и дидактики. Сочиненія эти въ приготовительномъ, I, II и отчасти III классахъ состояли изъ рассказовъ и описаній по даннымъ статьямъ, во второе полугодіе въ III и въ IV классахъ изъ описаній и рассказовъ самостоятельныхъ, въ V же и VI классахъ изъ такихъ же самостоятельныхъ разсужденій. Чтобы пріучить воспитанницъ къ стройному и послѣдовательному изложенію мыслей, въ отчетномъ году принято было за правило, чтобы каждое сочиненіе сопровождалось кратко изложеннымъ планомъ, который въ

нижнихъ классахъ вырабатывался предварительно въ классѣ воспитанницами при помощи преподавателя, а въ IV, V и VI классахъ составлялся учащимися самостоятельно.

Темы для сочиненій въ приготовительномъ, I и II классахъ назначать самостоятельно учитель русскаго языка, онъ же самостоятельно избиралъ время для классныхъ сочиненій и опредѣлялъ сроки для сочиненій домашнихъ, руководясь только тѣмъ правиломъ, чтобы послѣднія давались не менѣе одного раза въ мѣсяцъ. Въ III, IV, V и VI классахъ выборъ темъ для сочиненій и опредѣленіе сроковъ для ихъ написанія производились Совѣтомъ училища и утверждались Его Высокопреосвященствомъ.

Въ теченіе отчетнаго года воспитанницы III класса написали 7 сочиненій по русскому языку, — 2 классныхъ и 5 домашнихъ; воспитанницы IV класса — 7 сочиненій: 1 классное и 6 домашнихъ, — въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи и 1 по географіи; воспитанницы V класса написали 7 сочиненій: 1 классное и 6 домашнихъ, — въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи и 1 по геометріи; воспитанницы VI класса написали 7 сочиненій: 1 классное и 6 домашнихъ, — въ томъ числѣ 3 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи, 1 по географіи и 1 по дидактикѣ. Срокъ для написанія каждаго домашняго сочиненія въ этихъ классахъ назначенъ былъ 20-ти дневный съ 5-ти дневнымъ промежуткомъ между двумя сочиненіями.

Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, воспитанницы III, IV, V и VI классовъ писали въ мѣсяцъ по одному домашнему письменному арифметическому отвѣту, въ которомъ подробно излагали весь ходъ рѣшенія данной задачи.

Предъ устными экзаменами воспитанницы всѣхъ классовъ написали по одному экспромптовому письменному упражненію. Упражненія эти въ приготовительномъ, I и II классахъ состояли изъ провѣрочной диктовки, въ III классѣ изъ пересказа данной статьи, въ IV, V и VI классахъ изъ самостоятельныхъ сочиненій на данныя темы. Экзаменскія упражненія воспитанницъ V класса прочитаны были инспекторомъ классовъ, а упражненія остальныхъ классовъ преподавателями русскаго языка въ этихъ классахъ.

Баллы письменныхъ упражненій воспитанницъ приготовительнаго, I и II классовъ присоединялись преподавателемъ русскаго языка къ отвѣткамъ за устные отвѣты и изъ тѣхъ и другихъ имъ же выводился общій баллъ по этому предмету, двухмѣсячный и годовой. Начиная же съ III класса баллы письменныхъ упражненій (за исключеніемъ отвѣтокъ за письменные отвѣты по арифметикѣ, которыя присоединялись преподавателемъ къ баллу устныхъ отвѣтовъ по этому предмету) вносились инспекторомъ классовъ въ особую вѣдомость, затѣмъ изъ нихъ сдѣланъ средний выводъ, сложенный со среднимъ выводомъ устныхъ отвѣтовъ по русскому языку и изъ этихъ двухъ выводовъ составленъ общій баллъ по тому предмету. Воспитанницы, получившія по сочиненіямъ годовымъ и

экзаменскому, или даже по одному только послѣднему, неудовлетворительный баллъ, подвергались переэкзаменовкѣ послѣ канікулъ, и если и тогда представляли неудовлетворительную письменную работу, оставлялись въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Успѣхи воспитанницъ по письменнымъ упражненіямъ въ отчетномъ году вообще можно признать удовлетворительными. Въ экзаменскихъ сочиненіяхъ выпускныхъ воспитанницъ орфографическихъ и грамматическихъ ошибокъ попадалось мало; написаны эти сочиненія достаточно связно и послѣдовательно, а сочиненія лучшихъ воспитанницъ оказались во всѣхъ отношеніяхъ даже очень хорошими.

Въ среднемъ выводѣ воспитанницы старшихъ классовъ получили по сочиненіямъ слѣдующіе баллы:

III классъ (49 воспитанницъ).

Баллъ 5 получили	9 воспитанницъ,	или	18,36%
» 4	» 14	»	» 28,57%
» 3	» 26	»	» 53,06%
Средній баллъ всего класса	»	»	3,65

IV классъ (48 воспитанницъ).

Баллъ 5 получили	2 воспитанницы,	или	4,16%
» 4	» 14	»	» 29,16%
» 3	» 32	»	» 66,66%
Средній баллъ всего класса	»	»	3,37

V классъ (45 воспитанницъ).

Баллъ 5 получили	2 воспитанницы,	или	4,44%
» 4	» 6	»	» 13,33%
» 3	» 36	»	» 80%
» 2	» 1	»	» 2,22%
Средній баллъ всего класса	»	»	3,20

VI классъ (25 воспитанницъ).

Баллъ 5 получили	4 воспитанницы,	или	16%
» 4	» 11	»	» 44%
» 3	» 10	»	» 40%
Средній баллъ всего класса	»	»	3,76

Примѣчаніе. Въ эту вѣдомость вошли только тѣ воспитанницы, которыя представили всѣ, или по крайней мѣрѣ большую часть, годовыхъ сочиненій и сочиненіе экзаменское.

(Продолженіе будетъ).

В Ъ Д О М О С Т Ь

церковнаго кружечнаго сбора „въ пользу нуждающихся славянъ“, полученнаго С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ въ теченіе 1887 г.

Изъ Амурской области получено 61 р. 51 к., изъ Архангельской губерніи 100 р. 19 к., изъ Астраханской губ. 172 р. 11 к., изъ Бессарабской губ. 209 р. 69 к., изъ Варшавской губ. 30 р. 15¹/₂ к., изъ Виленской губ. 17 р. 86 к., изъ Витебской губ. 69 р. 35 к., изъ Владимірской губ. 484 р. 24 к., изъ Вологодской губ. 186 р. 71 к., изъ Волынской губ. 392 р. 35¹/₂ к., изъ Воронежской губ. 5 р., изъ Выборгской губ. 37 р. 77 к., изъ Вятской губ. 393 р. 64 к., изъ Гродненской губ. 20 р. 35 к., изъ Донской области 156 р. 95 к., изъ Екатеринославской губ. 497 р. 85 к., изъ Екатеринбургской епархіи 12 р. 60 к., изъ Заравшанскаго округа 4 р., изъ Иркутской губ. 1,689 р. 52¹/₂ к., изъ Казанской губ. 234 р. 71 к., изъ Калужской губ. 252 р. 28 к., изъ Костромской губ. 135 р. 92 к., изъ Курской губ. 371 р. 16 к., изъ Кутаисской губ. 21 р. 92 к., изъ Лифляндской губ. 46 р. 6 к., изъ Минской губ. 133 р. 5 к., изъ Могилевской губ. 4 р. 33 к., изъ Московской губ. 23 р. 18 к., изъ Нижегородской губ. 410 р. 6 к., изъ Олонеккой губ. 181 р. 7 к., изъ Оренбургской губ. 328 р. 53 к., изъ Орловской губ. 408 р. 24 к., изъ Пензенской губ. 14 р. 5 к., изъ Пермской губ. 73 р. 66 к., изъ Подольской губ. 297 р. 96 к., изъ Полтавской губ. 292 р. 27 к., изъ Приморской области 20 р. 24 к., изъ Псковской губ. 52 р. 14 к., изъ Рязанской губ. 281 р. 94 к., изъ Самарской губ. 4 р. 74 к., изъ С.-Петербургск. губ. 579 р. 84 к., изъ С.-Михельской губ. 2 р. 35 к., изъ Саратовской губ. 173 р. 43 к., изъ Семпрѣченской области 51 р., изъ Симбирской губ. 19 р. 83 к., изъ Смоленской губ. 357 р. 24 к., изъ Сыръ-Дарьинской области 13 р. 36 к., изъ Таврической губ. 545 р. 99 к., изъ Тамбовской губ. 239 р. 59 к., изъ Тверской губ. 069 р. 81 к., изъ Терской области 53 р. 93 к., изъ Тобольской губ. 68 р. 5 к., изъ Томской губ. 34 р. 75 к., изъ Тульской губ. 267 р. 91 к., изъ Тургайской области 10 р., изъ Уральской области 24 р. 79 к., изъ Уфимской губ. 15 р. 9 к., изъ Харьковской губ. 708 р. 32¹/₂ к., изъ Черниговской губ. 70 р., изъ Ярославской губ. 67 р. 57 к.; итого 12,108 р. 22 к.

Епархіальныя извѣщенія.

Протоіерей *Алексѣй Илларионовъ* утверждень духовникомъ 1-го благочинническаго округа, Зміевского уѣзда.

— Священникъ Покровской церкви слободы Бригадировки, Богодуховскаго уѣзда, *Андрей Поповъ*, согласно его прошенію, уволенъ заштатъ.

— На священническое мѣсто въ слободу Бригадировку опредѣленъ студентъ Семинаріи *Аполлонъ Говнаревскій*.

— Діаконъ Димитріевской церкви с. Степковки, Сумскаго уѣзда, *Максимъ Соколовъ* уволенъ заштатъ согласно его прошенію.

— Регентъ Лебединскаго Успенскаго Собора, сынъ діакона, *Илія Тилоновъ Климентовъ* рукоположенъ во діакона къ Рождество-Богородичной церкви слоб. Михайловки, Лебединскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Покровской церкви города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, *Петръ Логоиновъ* опредѣленъ на діаконское мѣсто въ слободу Лютовку, Богодуховскаго уѣзда.

— Учитель народнаго начальнаго училища *Григорій Лебедевъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Пятиницкой церкви слоб. Бакировки, Ахтырскаго уѣзда.

— Крестьянинъ *Терентій Михайловъ Юменко* утвержденъ въ должности церковнаго старосты при Пятиницкой церкви слоб. Бакировки, Ахтырскаго уѣзда.

— Исправляющій должность столоначальника Харьковской духовной Консисторіи Губернскій Секретарь *Александръ Акимовъ* утвержденъ въ сей должности.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Посланіе херсонскаго архіепископа.—Распространеніе назидательныхъ брошюръ и листовъ.—Заботы Св. Синода о церковно-приходскихъ школахъ.—Некрологъ.

Архіепископъ херсонскій и одесскій Никаноръ обратился къ чадамъ херсоно-одесскія церкви съ пастырскимъ посланіемъ по поводу распространенія штунды и другихъ видовъ сектантства. Архипастырь выразилъ здѣсь скорбь о томъ, что древняя священная слава херсонскаго края омрачается, что многіе православные въ этомъ краѣ измѣняютъ наслѣдственной, святоотеческой и апостольской святыни православной вѣры не только для папскаго латинства и для протестантства, но и для меннонитства, анабаптизма и болѣзненно-экстатическаго нелѣпаго шалопутства, главнымъ же образомъ для такъ называемой штунды, которая хулитъ весь строй православной Церкви, называя святыя наши храмы идольскими капищами, святыя иконы—идолами, ругаясь надъ ногами и постыжимися, понося крестъ Христовъ и хульно обзывая его висѣлицею, позоромъ,—которая иногда даже продаетъ вѣру и вѣрность Богу, Церкви и отечеству на іудейской мзѣ. Преподавъ нѣсколько наставленій отщепенцамъ и обращаясь къ православнымъ, архипастырь между прочимъ говоритъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ православнаго населенія, въ которыхъ не безъ основанія уличаютъ его фарисействующіе сектанты, напрімѣръ, о поразительномъ не-

свѣдѣніи содержанія нашей вѣры, наблюдаемомъ у нѣкоторыхъ православныхъ. Послѣ увѣщаній къ людямъ образованнымъ, помыслы которыхъ иногда направлены не къ подавленію нигилизма, а къ поддержанію его, высокопреосвященный обращается напослѣдокъ къ пастырямъ Христовой Церкви, своимъ сослужителямъ, и между прочимъ развиваетъ слѣдующія мысли: «Предъ долгомъ учителя мы въ своей совѣсти оказываемся крѣпко повинны, даже болѣе того, почти безответны. Не невиновны мы и предъ долгомъ священнодѣйствій и требосправленій. Предъ третьимъ долгомъ пастырства—наставлять всѣхъ пасомыхъ, блюсти все, что Пастыреначальникъ нашъ заповѣдалъ всѣмъ намъ, мы виновны тяжко».

— Епархіальные органы чаще и чаще сообщаютъ свѣдѣнія о разныхъ другихъ средствахъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія. На дняхъ, напримѣръ, «Тобол. Еп. Вѣд.» привели изъ рапорта благочиннаго ишимскихъ окружныхъ церквей донесеніе о томъ, что отъ каждой церкви въ благочиніи взято изъ церковныхъ суммъ отъ 1 до 3 р., смотря по средствамъ, на выписку брошюръ и листовъ религіозно-нравственнаго и назидательнаго содержанія для разсылки по церквамъ, которые и раздаются священниками прихожанамъ для чтенія съ возвращеніемъ обратно въ бібліотеку церковную. Такіе листки раздаются также безвозвратно и бесплатно. Крестьяне любятъ читать и слушать чтеніе и часто обращаются за книгами къ священникамъ, которые никогда имъ въ этомъ не отказываютъ. Съ настоящаго 1888 года открыта центральная противораскольническая бібліотека благочинія въ селѣ Налобинскомъ, въ которую книги выписаны и будутъ выписываться на церковныя суммы, взимаемая отъ 1 руб. 50 коп. съ каждой церкви ежегодно. («Церк. Вѣстн.»).

— По словамъ петербургскихъ газетъ, при Св. Синодѣ рѣшено образовать особую комиссію для изысканія средствъ къ обезпеченію матеріальныхъ нуждъ церковно-приходскихъ школъ. Изъ имѣющихся у Св. Синода свѣдѣній видно, что параллельно съ быстро увеличивающимся числомъ церковно-приходскихъ школъ (ихъ теперь около 15,000, съ 350,000 учащихся) растетъ ихъ общеніе съ народомъ, и школы, возникшія въ нынѣшнемъ видѣ съ 1884 года, успѣли уже принести плоды. Но изъ тѣхъ же свѣдѣній усматривается, что матеріальныя нужды школъ вопіющія и мѣстами доходятъ до послѣдней крайности: помѣщенія для школъ отводятся сырыя, темныя и тѣсныя, вознагражденіе преподавателямъ назначается менѣе 10—12 р. въ мѣсяцъ, учащимся приходится отказы-

вать въ самыхъ ничтожныхъ и необходимѣйшихъ пособіяхъ и т. д. Подобное состояніе школъ, съ одной стороны, компрометируетъ ихъ въ глазахъ населенія, а съ другой—не даетъ возможности достигать самыхъ скромныхъ цѣлей. Комиссіи придется заняться изысканіемъ средствъ, не прибѣгая къ обремененію Государственнаго Казначейства.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

(Окончаніе *).

Съ раннихъ лѣтъ своей жизни покойный протоіерей Дюковъ былъ склоненъ къ жизни созерцательной; поступивши-же въ богословскій классъ и познакомившись съ богословскими науками, онъ рѣшился, по окончаніи курса, поступить въ монашество, чтобы въ уединеніи, не развлекаясь мірскою суетою, онъ свободно могъ размышлять о Богѣ и чтобы постомъ и молитвою побѣждать врага человѣческаго рода. Но не суждено было о. протоіерею осуществить свою завѣтную мечту: Богу угодно было, чтобы онъ посвятилъ свою жизнь дѣятельности приходскаго пастыря. Когда онъ, прѣхавши изъ Харькова дохой, объявилъ о своемъ намѣреніи вступить въ монашество, то отецъ и мать не слышать этого не хотѣли. Онъ у нихъ былъ первый сынъ и притомъ имѣющій по образованію особыя права; значить, родители въ правѣ были рассчитывать на матеріальную помощь отъ сына, которую не могъ онъ доставить имъ, будучи монахомъ; а родители крайне въ ней нуждались, потому что старикъ Дюковъ былъ тогда уже за штатомъ и у него еще было пять не пристроенныхъ дѣтей. Уступая просьбамъ и убѣжденіямъ родителей, онъ рѣшился принять санъ священника и поступить на приходъ. «Убѣжденія, говоритъ о. протоіерей были сильны и положили камень на сердце: я колебался и пожертвовалъ собою. Для родительской любви—рѣшился поступить на приходъ». Готовность сына поступить на приходъ успокоила стариковъ, и они начали подыскивать ему невѣсту. Въ скоромъ времени найдена была невѣста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣсто священника. Та и другое, т. е. невѣста и мѣсто священника, находились недалеко. Въ то время въ Чугуевѣ былъ старшимъ священникомъ Чугуевского полка о. Стефанъ Жадановскій, у котораго было четыре дочери и одна изъ нихъ невѣста. Къ нему и отправился старикъ Дюковъ съ сыномъ *«свататься»*. Покончивъ дѣло о невѣстѣ, нареченный тесть началъ хлопотать у военнаго начальства, чтобы будущему его зятю было предоставлено священническое мѣсто въ селѣ Коробочкиномъ, которое находилось въ его вѣдѣніи. Получить мѣсто священника въ военныхъ послѣдствіяхъ можно было не иначе какъ только черезъ военное начальство, во вѣдѣніи котораго находились все священники подвѣдомыхъ ему поселеній. Поэтому то о. Стефанъ Жадановскій и обратился съ прошеніемъ къ отрядному начальнику; а этотъ послѣдній послалъ отъ себя къ

*) См. ж. «Вѣра Разумъ» 1888 г. № 22-й.

Епископу Виталию, бывшему тогда на Харьковской кафедрѣ, отношеніе объ опредѣленіи студента Харьковскаго Коллегіума Григорія Дюкова священникомъ въ село Коробочкино. Дѣло это было въ началѣ сентября 1827 года. Но Епископъ почему-то медлилъ въ своемъ рѣшеніи; между тѣмъ о. Стефанъ Жадановскій въ концѣ сентября заболѣлъ, а 4-го октября умеръ. Вскорѣ послѣ смерти Жадановскаго было получено отношеніе отъ Епархіальнаго начальства къ отрядному командиру объ опредѣленіи Григорія Дюкова священникомъ въ с. Коробочкино. 6-го декабря онъ былъ рукоположенъ во діаконъ, 18 числа произведенъ былъ во священники; а 10 января слѣдующаго 1828 года явился на мѣсто служенія.

Какъ только онъ пріѣхалъ на приходъ, военное начальство прикомандировало его на время къ Николаевской церкви г. Чугуева, такъ какъ при этой церкви священника въ то время не было; а заведываніе приходомъ с. Коробочкиной было поручено священнику с. Малиновой, отстоявшей въ 6-ти верстахъ отъ Коробочкиной. Въ Чугуевѣ онъ пробылъ недолго, скоро возвратился на приходъ. Въ с. Коробочкиномъ въ то время церкви не было, а устроена была часовня, въ которой и отправлялось Богослуженіе. Если нужно было совершать Литургію, особенно въ великій постъ для говѣющихъ, то священникъ бралъ Антиминсъ изъ Чугуевской полковой церкви, въ которой не было тогда богослуженія за выстушеніемъ полка въ Персидскій походъ. Сел. Коробочкино населено было выселенцами изъ Чугуева, слоб. Малиновой и с. Граково. Въ послѣднее селеніи была каменная церковь, но по Аракчеевскому проекту жители были выведены въ разныя мѣста, а церковь закрыта. Главный начальникъ военныхъ поселеній, гр. Аракчеевъ во многихъ селеніяхъ упразднилъ церкви, заѣмнивъ ихъ часовнями; такъ что во всемъ Чугуевскомъ округѣ оставлено было всего только три церкви. Только по смерти Аракчеева упраздненныя церкви были открыты и устроены новыя церкви, — гдѣ таковыхъ не было. Тогда же стали заботиться и о народной школѣ. Особенно много потрудился въ этомъ инспекторъ военныхъ поселеній графъ А. П. Никитинъ. По распоряженію военного начальства, въ каждомъ селеніи должна быть школа, въ которой обучались бы кантонисты Закону Божію, русской грамматикѣ, арифметикѣ, географіи и чистописанію. Законъ Божій обыкновенно преподавалъ приходскій священникъ; но о. протоіерей Дюковъ, по распоряженію военного начальства, преподавалъ Законъ Божій, кромѣ своей приходской школы, еще и въ Малиновской. Преподаваніе Закона Божія онъ велъ очень усердно; его ученики на годовыхъ экзаменахъ всегда отличались предъ учениками другихъ школъ осмысленнымъ знаніемъ Закона Божія, за что о. протоіерей неоднократно получалъ благодарность отъ бригаднаго командира.

Недолго о. Григорій дѣлалъ священникомъ въ с. Коробочкиномъ: въ маѣ мѣсяцѣ 1830 года послѣдовалъ приказъ отъ военного начальства, конемъ онъ былъ переведенъ въ г. Чугуевъ къ Николаевской церкви. Съ этого времени собственно и начинается его дѣятельность, какъ пастыря, охраняющаго интересы Церкви и ея служителей. Впродолженіи всей своей службы въ Чугуевѣ онъ велъ неустанную борьбу съ расколомъ, охраняя внутреннему стадо словесныхъ овецъ отъ волковъ раскольниковъ и стараясь отпавшихъ отъ православной Церкви обратить на путь истины — привлечь погибшихъ въ нѣдра православія.

1830 годъ былъ памятенъ для всего Чугуева: въ этомъ году открылась страшная холера, ежедневно уносявшая много жертвъ; такъ что на жителей напала паника, они не знали, что имъ дѣлать, куда спастись отъ этого грознаго бича человѣчества! И среди этой паники, среди всеобщаго смятенія о. протоіерей сохранилъ спокойствіе духа. Возложивъ упованіе на Бога, Который и сохранилъ его отъ болѣзни, онъ безбоязненно ходилъ къ больнымъ для исполненія христіанскихъ требъ, утѣшалъ малодушныхъ, поддерживалъ духъ бодрости у своихъ насомыхъ и тѣмъ сохранилъ многихъ отъ болѣзни. По окончаніи эпидеміи, военное начальство представило о. Григорію къ награжденію набедренникомъ. Но епархіальный Епископъ на отношеніи военнаго начальства положилъ слѣдующую резолюцію: «Объявить указомъ консисторіи мою признательность священнику Дюкову за усердную его службу, постоянные и усердные труды и духъ свойственный добродушному служителю алтаря Господня, съ дозволеніемъ употреблять виѣ алтаря черную бархатную скуфью». Такимъ образомъ о. протоіерей, не въ примѣръ прочимъ, получилъ первую Архипастырскую милость, прослуживъ въ санѣ священника всего два года. А получить въ то время награду было очень трудно, что видно напр. изъ того, что благочинный военныхъ поселеній былъ награжденъ вмѣстѣ съ нимъ тѣмъ же. Благодаря своимъ трудамъ, своему ревностному служенію Церкви и ближнимъ, о. протоіерей сталъ на виду какъ у военнаго начальства, такъ и у епархіальнаго, такъ что въ 1832 году онъ былъ награжденъ уже набедренникомъ «за похвальное исправленіе своей должности и примѣрное поведеніе». — Въ 1837 году волею военнаго начальства, не смотря на протестъ благочиннаго, онъ утвержденъ былъ въ должности старшаго священника по 6-му округу Украинскаго военнаго поселенія. Кроме того, съ 1850 года по 1868 годъ онъ проходилъ должность благочиннаго по епархіальному вѣдомству. Такимъ образомъ протоіерей Дюковъ совмѣтилъ въ себѣ разомъ двѣ должности; и такое соединеніе власти въ его рукахъ давало ему возможность быть устойчивѣе въ исполненіи своихъ обязанностей.

Обдеченный властію, онъ съ большимъ рвеніемъ смѣло началъ трудную борьбу съ расколомъ и съ деспотизмомъ и произволомъ нѣкоторыхъ военныхъ властей. Впродолженіи почти 40 лѣтъ онъ ратовалъ за православіе, стараясь мудрыми совѣтами, духомъ кротости и смиренія обратить заблудшихъ въ лоно Церкви и оградить вѣрныхъ православію отъ раскольниковъ. Въ этой борьбѣ ему не мало пришлось пережить непріятностей и скорбей; такъ какъ въ Чугуевѣ жили самые закоренѣлые раскольники и тамъ же было три общественныхъ раскольниковыхъ часовни, куда собирались учителя ихъ для совѣтовъ и молешій.

Въ особомъ раскольниковемъ скиту жила знаменитая въ то время начальница «Пристѣнскаго» женскаго скпта, мать Маріина, женщина въ высшей степени хитрая и пронырливая, имѣвшая вліяніе даже на самаго начальника военныхъ поселеній, графа Никитина. Можно послѣ этого представить себѣ, какъ опасно и трудно было вести борьбу съ противниками православія — раскольниками! — Но о. протоіерей возлагалъ во всемъ упованіе на Бога и на его единого надѣялся, и благодаря помощи Божіей и своему настойчивому характеру и уму онъ съ успѣхомъ боролся съ расколомъ и довелъ эту борьбу до конца. Гдѣ нельзя было открыто дѣйствовать противъ раскольниковъ, тамъ онъ

шелъ путемъ благоразумной осмотрительности и все-таки не давалъ торжествовать своимъ врагамъ—раскольникамъ, которые еще съ первыхъ лѣтъ его въ Чугуевѣ употребляли самыя предосудительныя средства, чтобы выжить изъ Чугуева этого стойкаго и непобѣдимаго врага, какимъ былъ для нихъ о. протоіерей. Въ концѣ концовъ раскольники вооружили противъ него даже самого графа Никитина, который, какъ видно изъ писемъ о. протоіеря къ графу и графа къ нему, въ началѣ служебной дѣятельности, очень любилъ его. Но объ этомъ поговоримъ ниже, теперь-же считаемъ необходимымъ описать характеръ тяжелой борьбы о. протоіеря съ расколомъ.

Въ 1833 году послѣдовало отъ графа Никитина на имя начальника 1-й уланской дивизіи слѣдующее предписаніе:

«Дошло до моего свѣдѣнія, что въ нѣкоторыхъ округахъ старообрядцамъ въ отправленіи по обряду ихъ Богослуженія дѣлаются притѣсненія. А какъ многими узаконеніями запрещено мѣстнымъ начальствомъ входить въ розысканіе о тѣхъ старообрядцахъ, которые издавна находятся въ этой сектѣ, то препровождая при семъ списокъ всемъ старообрядцамъ, числящимся въ округѣ Чугуевскаго уланскаго полка, предлагаю вашему превосходительству предписать командирамъ поселенныхъ эскадроновъ: 1-е, не возбранять старообрядцамъ, въ спискахъ сихъ значущихся, отправлять по обряду ихъ Богослуженіе, исключая требъ, запрещенныхъ прежними указами; умершихъ-же старообрядцевъ для зарыгій отдавать ихъ братіи; 2-е, призвать въ комитетъ наставниковъ секты и обязать ихъ поднесками, чтобы они отнюдь никого болѣе, не только людей, поселенію принадлежащихъ, но и за-огражденных въ общество свое не принимали, при чемъ предупредить, что если кто изъ нихъ окажется виновнымъ въ соvrщеніи тайно или явно людей отъ православія, то съ нимъ поступлено будетъ по всей строгости закона; 3-е за всеми жителями, исключая старообрядцевъ, въ спискахъ сихъ поменованныхъ, мѣстное начальство и священники должны имѣть строгое наблюденіе, чтобы въ общество старообрядцевъ не вступали и въ часовни и въ молельни ихъ не ходили». Кроме того, въ предписаніи этомъ безусловно воспрещалось старообрядцамъ вновь строить у себя что-нибудь похожее на церковь, существующія же ихъ церкви и молельни предписывалось оставить въ прежнемъ ихъ положеніи. Подтверждено было также распоряженіе самого Государя, чтобы мѣрою осторожности уничтожить расколъ между кантонистами.

Изъ этого предписанія графа Никитина ясно видно, что онъ не желалъ предпринимать какихъ нибудь рѣшительныхъ мѣръ, а мѣрялъ осторожности, пастырскими увѣщаніями, проникнутыми духомъ кротости и смиренія, обращать заблудшихся, бдительнымъ наблюденіемъ ограждать другихъ отъ заблужденія. Ограничивъ число раскольниковъ издавна находившихся въ расколѣ и воспретивъ наставникамъ раскольниковъ совращать другихъ въ расколъ, графъ Никитинъ надѣялся, что со временемъ расколъ уничтожится самъ собою: старые раскольники поумираютъ, а новообращенныхъ не будетъ. Такъ бы это и было, если бы предписаніе графа Никитина исполнялось въ точности. На первыхъ порахъ дѣйствительно предписаніе исполнялось, но въ послѣдствіи мѣстное начальство, склонное къ расколу, начало его обходить, давая свободу раскольникамъ; тѣмъ болѣе, что и самъ графъ Никитинъ въ своихъ мнѣніяхъ мѣрахъ къ раскольникамъ заходилъ иногда очень далеко, давая имъ многія льготы во вредъ православной Церкви; такъ

что число раскольниковъ съ каждымъ годомъ увеличивалось, не смотря на энергическое ему противоѣдѣствіе со стороны о. протоіеря.

Всякія отступленія отъ предписаній высшаго начальства, всякія злоупотребленія со стороны раскольниковъ вызывали о. протоіеря на обширную переписку, которая производила много шума среди мѣстной военной администраціи, а ему самому причиняла много скорбей и неприяностей. Впрочемъ о. протоіерей имѣлъ утѣшеніе видѣть и отрадные плоды своей пастырской ревности о возвращеніи заблудшихъ въ лоно Церкви православной. Въ сел. Каменной Яругѣ жилъ икто Михаилъ Бунаковъ съ тремя братьями. Все они были раскольники беспоповской секты. Михаилъ Бунаковъ былъ человекъ грамотный, качетчикъ и искусный живописецъ. Все это ему давало большую извѣстность среди раскольниковъ, такъ что онъ считался вожакомъ ихъ. Этотъ-то Бунаковъ около 1834 года переселился въ Чугуевъ въ приходъ о. протоіеря Дюкова, чему очень обрадовались чугуевскіе раскольники, думая черезъ него увеличить число своихъ послѣдователей. О. протоіерей понявъ насколько опасенъ такой человекъ для православной Церкви, обратилъ на него все свое вниманіе, и послѣ долгихъ и уселешныхъ трудовъ успѣлъ обратить его въ православіе. Это случилось на 6-й недѣль великаго поста. Обходя съ молитвою своихъ прихожанъ, о. протоіерей зашелъ и къ Бунакову; по обычаю завелъ съ нимъ бесѣду о православной Церкви и ея таинствахъ и увѣщевалъ его обратиться въ православіе. Благодать Божія наконецъ коснулась зачерствѣлаго сердца раскольника: онъ заплакалъ, созналъ свое заблужденіе и просилъ протоіеря поскорѣе присоединить къ православію. Присоединеніе было назначено въ первое воскресенье, о чемъ и было оповѣщено и въ другіе приходы. Случай присоединенія къ православію въ Чугуевѣ еще былъ первый, со времени его основанія, и потому обрядъ присоединенія при торжественной обстановкѣ сильно подѣйствовалъ какъ на самого присоединяемаго, такъ и на окружающихъ. Примѣру Михаила Бунакова послѣдовали и его братья. Такимъ образомъ было обращено въ православіе цѣлое семейство, а расколъ лишился сильныхъ приверженцевъ и защитниковъ своихъ. Этотъ успѣхъ воодушевилъ о. протоіеря новою ревностію къ борьбѣ съ расколомъ. Плодомъ этой ревности и искусства въ обращеніи раскольниковъ было обращеніе къ православію еще 17 человекъ, пребывавшихъ въ расколѣ. Такого ревностнаго поборника православія не могъ не замѣтить главный начальникъ военныхъ поселеній, старавшійся такъ-же прекратить расколъ въ военныхъ поселеніяхъ, и аттестовалъ о. протоіеря предъ епархіальнымъ начальствомъ, какъ добраго пастыря, заботящагося не только о преусиженіи въ вѣрѣ и благочестіи истинныхъ чадъ Церкви, но и объ обращеніи къ ней заблудшихъ. Бывшій тогда Владыка, Преосвященный. Милетій, при личномъ свиданіи поблагодарилъ о. протоіеря; «Мнѣ пріятно слышать, что военное начальство тебя рекомендуетъ съ хорошей стороны, что ты старался объ обращеніи заблудшихъ къ Церкви; старайся и впредь обращать другихъ на путь истинный». Затѣмъ разспросивъ протоіеря, чѣмъ онъ руководствуется при увѣщаніи раскольниковъ, и, узнавши, что у него ничего нѣтъ подъ руками, подарилъ ему книгу: «Бесѣды къ глаголемому старообрядцу». Преосвященный Милетій сильно интересовался расколомъ, заботился объ искорененіи этого зла и потому для него необходимы были

сильные словомъ и дѣломъ пастыри, какиѣ и былъ о. протоіерей Дюковъ. Вотъ почему онъ съ такою отеческою любовію отнесся къ о. протоіереею, обласкалъ его и помогалъ ему въ борьбѣ съ расколомъ, какъ мудрыми совѣтами, такъ и высылкою пужныхъ книгъ. О. протоіерей старался оправдать довѣріе и любовь своего Архипастыря; вскорѣ представился къ тому и случай. Въ 1825 году бѣжалъ младшій писарь дивизионнаго штаба Александровъ и въ 1835 году добровольно явился къ начальству. Онъ оказался раскольникомъ, почему былъ приглашенъ о. протоіерей для увѣщанія и обращенія Александрова въ православіе, что при помощи Божіей и удалось о. протоіереею. Възѣдствіе этого отъ мѣстнаго военнаго начальства сдѣлано слѣдующее представленіе къ корпусному командиру: «Округа Чугуевского полка священникъ Григорій Дюковъ въ продолженіи 8 лѣтней службы своей примѣрною правдивностью и усерднымъ исполненіемъ своей обязанности всегда обращалъ на себя вниманіе начальства военныхъ поселеній ввѣреннаго ему прихода. Обильное же его свѣдѣніе въ предметахъ, относящихся къ изобличенію расколическаго заблужденія, всегдашняя готовность, неутомимая ревность имѣть противъ онаго состязанія и особенное стремленіе къ обращенію заблудшихъ отъ пути истины военныхъ поселеній въ православіе, сдѣлали его извѣстнымъ по всему округу Чугуевского уланскаго полка. Труды его въ семь дѣлъ ознаменовались тѣмъ, что онъ по настоящее время успѣлъ обратить изъ раскола въ православіе военныхъ поселеній обоюга пола 18 душъ, чего доселѣ ни въ одномъ приходѣ сего округа не было. Въ особенности свящ. Дюковъ показалъ себя примѣрнымъ ревнителемъ въ состязаніи съ бывшимъ младшимъ писаремъ дивизионнаго штаба Александровымъ, который находился въ бѣгахъ 10 лѣтъ и во все сіе время пребывалъ въ расколѣ, сдѣлаея упорнымъ и закоренѣлымъ раскольникомъ. Результатъ сего состязанія тотъ, что Александровъ обращенъ въ православіе». Корпусный командиръ на основаніи этого представленія сдѣлалъ отъ себя представленіе Архіепископу Милетію; а Преосвященный Милетій ходатайствовалъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ о награжденіи о. Дюкова бархатною фіолетовою скуфьею, которую онъ и получилъ въ 1837 году; съ теченіемъ времени онъ былъ удостоенъ другихъ высшихъ наградъ. Въ 1862 году онъ уже имѣлъ орденъ Св. Анны 2-й ст.

Ведя непрерывную и тяжелую борьбу съ расколомъ, протоіерей Дюковъ не забывалъ и другихъ своихъ обязанностей: защищалъ своихъ сослуживцевъ отъ притѣсеній военнаго начальства, отстаивалъ интересы приходской церкви, заботился объ ея благоустройствѣ и т. п. Благодаря его дѣятельности, приходская Николаевская церковь приняла свой настоящій видъ: до поступленія о. протоіерей въ Николаевскую церковь, въ ней была деревянная колокольня, а онъ добился, хотя съ большимъ трудомъ, того, что военное начальство построило каменную колокольню и снабдило ее достаточнымъ количествомъ колоколовъ. По распоряженію военнаго начальства всѣ приютскія квартиры были проданы съ торговъ и вырученные деньги причислены къ специальнымъ средствамъ военныхъ поселеній; одинъ только о. протоіерей отстоялъ свою квартиру, которая въ настоящее время составляетъ собственность Церкви, хотя отличительными чертами его характера были: христіанская протость, незлобіе и нестяжательность. Всякій, кто только имѣлъ нужду въ духовной или матеріальной помощи, всегда находилъ та-

кую у своего добраго пастыря. Но съ особенною любовью о. протоіерей относился къ вдовамъ, сиротамъ и бездомнымъ: всѣ они пользовались его вспомошествованіемъ. Для больныхъ онъ былъ не только врачомъ духовнымъ, но и тѣлеснымъ: онъ собиралъ травы, изъ которыхъ составлялъ лѣкарства и своими домашними средствами, а иногда и покупными, очень часто съ успѣхомъ врачевалъ больныхъ. О немъ и теперь прихожане съ любовію и благодарностію вспоминаютъ. Въ отпращиваніи богослуженія онъ былъ точенъ: Богослуженіе совершалось имъ по чину и отпущалось продолжительностію, что впрочемъ не всѣмъ правилось.—Какъ благочинный въ епархіальномъ вѣдомствѣ и какъ старшій священникъ въ военномъ, онъ къ подчиненнымъ священникамъ былъ справедливъ: строгъ къ нерадивымъ и милостивъ къ рачительнымъ.

Но какъ ни былъ аккуратенъ о. протоіерей, какъ онъ ни былъ честенъ и справедливъ, нашлись и у него враги, которые въ концѣ службы оклеветали его предъ епархіальнымъ начальствомъ. Въ 1857 г. военныя поселенія были уничтожены, а въ 1863 г. священники этихъ поселеній перешли въ непосредственное вѣдѣніе епархіальнаго начальства, которому и сдѣланъ былъ несправедливый доносъ. Назначено было по этому поводу слѣдствіе, по которому о. протоіерей, какъ невиновный, былъ оправданъ.

Кромѣ своей пастырской дѣятельности, о. протоіерей заявилъ себя и на литературномъ поприщѣ. Изъ его литературныхъ произведеній напечатаны слѣдующіе: «Описаніе скита и Святогорской пустыни», которое помѣщено въ журналѣ «Домашняя Бесѣда» за 1861 годъ. Въ 1862 г. напечатана имъ статья: «Отповѣдь на оскорбленіе одной официальной бумаги», (печат. въ Харьк. Губ. Вѣд.), по поводу напечатанія въ № 77 Харьк. Губ. Вѣд. о скандальныхъ подвигахъ г. Б. Въ 1863 г. напечатана статья: «Обманъ въ дѣлѣ религіозномъ» (Рук. для сельскихъ пастырей № 13). «Оптический обманъ въ области пана», по поводу истребленія фруктовыхъ деревьевъ въ Чугуевскихъ лѣсахъ (Хар. Губ. Вѣд.). «Реставрація злокачественныхъ породъ и скандальныхъ подвиговъ, или прогрессъ въ извращенномъ видѣ произвола» (Хар. Губ. Вѣд.). «Необычайный случай—проглаголаніе нѣмага». (Хар. Губ. Вѣд.). Въ 1867 г. Преосвященному Филарету онъ представилъ описаніе подъ рубрикою: «Исторія Чугуевского раскола съ 1800 г., съ различными любопытными документами по сему предмету и административными распоряженіями». (Рукопись эту Преосвященный Филаретъ затерялъ въ Черниговѣ). Въ редакцію Хар. Епар. Вѣдомостей представилъ статью: «Мѣры къ пресѣченію раскола». Въ 1868 г. появилась его статья: «Погрѣшности въ орѳографіи» (Рук. для сельск. паст.), гдѣ онъ доказываетъ, что священныя имена должны быть печатаны и писаны съ прописной буквы. По этому поводу онъ велъ обширную переписку со многими редакціями. Наконецъ онъ-же напечаталъ: «Описаніе освященія Святогорскаго Успенскаго собора съ краткою исторіею его».

Между тѣмъ время служебной дѣятельности протоіерей приходило къ концу. Утомленный годами, изнуренный немощами и болѣзнями, о. протоіерей 1868 г. отказался отъ должности благочиннаго (должность старшаго священника была упразднена вмѣстѣ съ упраздненіемъ военныхъ поселеній); а въ 1869 г. онъ подалъ прошеніе Преосвященному объ увольненіи за штатъ и 17 іюля того-же года онъ оставилъ приходъ, при чемъ прихожане со слезами провожали его за городъ.

При окончаніи епархіальной службы, о. протоіерей рѣшился побывать въ Палестинѣ и поклониться тамошнимъ Святынямъ, а также побывать и на Аѳонѣ, гдѣ подвизается въ санѣ іеромонаха сынъ его, бывшій ризничій Харьковскаго Покровскаго монастыря. Получивши изъ консисторіи проездной билетъ, о. протоіерей въ іюль выѣхалъ изъ Харькова въ Одессу. 2 августа сѣлъ на пароходъ и отправился въ Палестину.

Путешествіе протоіерей по св. мѣстамъ Палестины и пребываніе его на Аѳонѣ описано въ особой книгѣ, составленной имъ-же самимъ подъ заглавіемъ: «Замѣтки и воспоминанія поклонника св. мѣстамъ на Аѳонѣ и въ Палестинѣ въ 1869 году». Въ этой книгѣ авторъ съ подробностію описываетъ свое путешествіе день за днемъ.

Поклонившись св. мѣстамъ Аѳона и Палестины, о. протоіерей 18 ноября возвратился въ Чугуевъ, гдѣ прожилъ до весны. 3 мая 1870 года (это былъ воскресный день) о. протоіерей послѣдній разъ служилъ литургію въ храмѣ св. Николая, при которомъ подвизался около 40 лѣтъ. Въ концѣ литургіи онъ произнесъ своей бывшей паствѣ прощальную рѣчь, въ которой вкратцѣ изобразилъ всю свою дѣятельность въ Чугуевѣ; въ заключеніи просилъ своихъ пасомыхъ не забывать его, но молиться о немъ, какъ о своемъ бывшемъ пастырѣ. Затѣмъ, пожелавъ имъ любви, мира, здравія, изобилія плодовъ земныхъ, преуспѣянія въ вѣрѣ, разумѣ и благочестіи, просилъ у нихъ прощенья: «Простите, братья по Христу; простите, други по общежитію; простите, чада по духу!» Слушатели отъ удивленія и отъ сознанія предстоящей разлуки съ любимымъ пастыремъ плакали. Простившись съ паствою, о. протоіерей, помѣстивши жену свою, по личному ея желанію, въ Хорошевскій женскій монастырь, самъ отправился на покой въ Святогорскій Успенскій монастырь, гдѣ прожилъ до послѣднихъ дней своей жизни. Настоятель монастыря, архимандритъ Германъ, очень радушно принялъ въ свою обитель о. протоіерей и въ уваженіи его старости помѣстилъ его при монастырской больницѣ, на хуторѣ. Это для протоіерей, физически слабаго, было большое благодѣяніе, такъ-какъ въ больничной церкви богослуженіе совершаютъ кратче монастырскаго (кромя утрени). Поступивши въ монастырь, о. протоіерей и здѣсь продолжалъ свои письменныя занятія. Кромя обширной переписки съ разными лицами (до 200 писемъ въ годъ), онъ составлялъ и статьи, изъ которыхъ многія отпечатаны. Такъ въ 1870 году имъ написана замѣтка: «Литературное обозрѣніе», по поводу выраженія въ одною изъ распространенныхъ въ православномъ мірѣ журналѣ, будто-бы, «Духъ Святой—исчезъ». Статья эта въ свое время надылала много шуму и вызвала протоіерей на обширную полемику съ однимъ изъ редакторовъ.—Въ 1876 г. онъ написалъ: «Исслѣдованіе объ истинности изображенія св. ап. и Еван. Іоанна Богослова, какъ писателя». Въ этомъ сочиненіи онъ приводитъ историческія доказательства того, что ап. Іоаннъ Богословъ долженъ изображаться на иконахъ въ видѣ старца, а не юноши, какъ это дѣлаютъ наши живописцы.

Многіе изъ архимонаховъ, читавшіе это сочиненіе, отнесли къ автору сочувственно и даже сдѣлали распоряженіе объ объявленіи этого сочиненія въ мѣстныхъ Епарх. Вѣдомостяхъ. Сочиненіе это выдержало уже два изданія. Въ 1879 г. имъ же составлены повѣствованія «О жизни и подвигахъ современныхъ намъ свято—Аѳонскихъ старцевъ». Повѣствованія эти займуть

ваны имъ изъ разказовъ пѣкогю Петра Важенка—въ монашествѣ схимонаха Пантелеимона, который посѣтилъ мѣста болѣе сокровенныя и видѣлъ подвижающихся въ нихъ отшельниковъ, куда не могли проникнуть Аѳонскіе паломники и ознакомиться съ жизнью тамошнихъ подвижниковъ.

Кромѣ указанныхъ сочиненій, о. протоіерей писалъ и печаталъ статьи и по вопросамъ текущей общественной жизни. Такъ, напр. «О воскресныхъ базарахъ» 1883 г., въ каковой статьѣ онъ доказываетъ всю нравственную несостоятельность базаровъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ, предсмертныхъ мнунтахъ въ Бозѣ почившаго протоіеря Григорія Степановича Дюкова. Насколько семейная, служебная и общественная жизнь покойнаго, въ большинствѣ случаевъ, преисполнена была трудовъ, борьбы, тревогъ и огорченій, настолько по благодати Божіей кончина его была *безболѣзненна, не постыдна и мирна*. Еще въ субботу, 5 ноября, покойный, по обычаю, слушалъ Божественную литургію въ Святогорской больничной церкви. Собирался къ обѣднѣ и въ воскресенье... но, затѣмъ, какъ-бы предчувствуя скорую кончину, остался въ кельѣ, пославъ передать отцу архимандриту Герману о своемъ желаніи быть напутствуемымъ св. Тайнами и Елеосвященіемъ. Желаніе было исполнено непосредственно послѣ литургіи. На другой день утромъ, 7 ноября, физическія силы его настолько упали, что онъ не могъ уже подняться съ постели, и лежалъ съ закрытыми глазами, учащенно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, и за тѣмъ тихо скончался. По смерти протоіеря, изъ письменнаго документа, сдѣлалось извѣстнымъ, что въ 1885 году имъ принятъ *тайный* монашескій постригъ, съ именемъ «Геннадія». Но такъ какъ постригъ этотъ, будучи тайнымъ, не имѣлъ за собой юридическаго характера, то и погребеніе усопшаго было совершено по чину священническому. Отпѣвалъ его, за болѣзнію о. архимандрита, игуменъ Леонтій, въ сослуженіи шести іеромонаховъ и трехъ іеродіаконовъ. При погребеніи присутствовалъ и старшій сынъ покойнаго, протоіерей Андрей Григорьевичъ, членъ духовной консисторіи и настоятель церкви Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ. Покойный не оставилъ по себѣ никакого (цѣннаго) имущества, кромѣ книгъ и св. иконъ.

Миръ духу твоему, неустанный труженникъ, ревностный пастырь стада Христова, нелѣбно потрудившійся на нивѣ Христовой!

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Съ 1-го января 1889 года будетъ издаваться

Журналъ С Ч Е Т О В О Д Ъ Ѳ. В. Езерскаго.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: *Отд. I. Научный.* Счетоводство, Финансы, Контроль, Коммерческія науки. *Отд. II. Обзоръ* свѣтъ, отчетовъ земскихъ и городскихъ учреждений, товариществъ, компаний и обществъ на паяхъ, акціяхъ, взаимнаго кред. и т. п. *Отд. III. Судебный* (безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній), Судебно-счетоводная экспертиза. *Отд. IV. Библиографія.* Новыя книги и рецензіи на изданія, соответствующія программѣ журнала. *Отд. V. Счетоводная жизнь.* Сцены и разказы изъ жизни. *Отд. VI. Справочный.* Рекламы, Объявленія. Срокъ выхода въ свѣтъ по три книги въ мѣсяцъ, а въ Маѣ, Іюнѣ и Іюль по двѣ, всего 33 книги въ годъ.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою: на годъ 6 р., полгода 3 р. Книгопродавцамъ уступки 10%. Адресоваться въ редакцію журнала *Счетоводъ Ѳ. В. Езерскаго* С.-Петербургъ, Невскій пр., № 66. Редакт.-изд. *Ѳ. В. Езерскій.*

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~■~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.